
THE LIBRARY OF CONGRESS

Nadezhda

НАДЕЖДА.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

въ стихахъ и прозѣ.

[illegible] Александръ [illegible].

ХАРЬКОВЪ,

1836.

Въ Литографіи Степана Грекова. Грав: Серебряниковъ.

НАДЕЖДА.

Фамусовъ.

Ты, чай, надеждами занесся, заколдованъ?

Чацкій.

Ахъ, нѣтъ! надеждами я мало избалованъ.

Грибоѣдовъ.

ПРОЗА.

Стран.

И. . . . . а:

Дуель. 102

Кульчицкаго:

Воспоминанiе юности (Разсказъ). 5

Видѣнiе. 154

Чатырдагъ. 223

День у моря 226

Өеодосiя 268

Д. Л. . . . а:

Отрывокъ изъ Исторической Картины: Паденiе Нѣмецкаго Ордена въ Ливонiи. 175

У — на:

Незабвенная. 237

СТИХОТВОРЕНIЯ.

И. . . . . . . а

Пѣвицѣ. 284

Поэтъ и Муза. 212

Талисманъ. 231

(*Пойми меня*). 261

Стран.

Застольная пѣснь. 262
Полночь. 266

А. Кронеберга:

Отрывокъ изъ Макбета. . . . 124

А. Кульчицкаго:

Къ * * * 234
Вамъ. 235
Мечта. 232

Лавра:

Изъ Марьяны де Лормъ. . . . 163
Отрывокъ изъ Фантазіи: Падшій ангелъ. 253

Полева:

Отцвѣтъ. 95
Цвѣтокъ. 283
Элегія. 281
Боръ. 99
Сонетъ. 121
Днѣпръ. 120
Соколъ. 161
Персидская пѣсня. 232
Въ Альбомъ. 274
Гость 275

Стран.

Д. Л. . . . а:

Стихи Калифа Абдерамана I-го на пальму 258

Рѣдкина:

Туда! Туда! 96

Къ Китти. 97

Совѣтъ ей. 282

А. . . Ѳ . . . . А — вой. . . . 98

Минувшее. 119

Безуміе. 162

Jenny. 249

П. И. И. . . . . . . ву. 251

Участіе. 260

Разочарованіе. 122

Къ Памятнику Александра I, въ Таганрогѣ. 222

11-е Апрѣля 1835. 263

Италія. 264

Неизвѣстнаго:

Элегія. 211

Элегія. 236

ВОСПОМИНАНІЯ ЮНОСТИ.

Разсказъ.

(Посвящ. сестрѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ К—ой.)

Онъ проигралъ — она выиграла. Но что же проигралъ онъ? что выиграла ана? . . . Не пояснитъ ли этого разговоръ? . . . .

Н. Полевой.

ГЛАВА I.

Прошедшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей, —
И я начну повѣствованье. . .

Давно забытая, милая моя юность! ты опять повѣяла мнѣ, подобно отрадной веснѣ, знакомыми видѣніями — и въ душѣ смутились уснувшія тѣни минувшаго . . . . О, какъ много прошло съ тѣхъ поръ, когда въ жилахъ моихъ играла кровь, горѣлъ огонь! . . . Много! . . и ничто не возвратитъ улетѣвшихъ дней, кромѣ воспоминанія, которое хотя въ туманѣ, но все таки приблизитъ счастливую, беззаботную, свѣтлую юность — и душа еще разъ сладко поживетъ. . .

Я былъ молодъ и веселъ. Воспитываясь въ . . . . . . омъ Университетѣ, вдали отъ родныхъ своихъ, я не имѣлъ никого изъ знакомыхъ, кромѣ добрыхъ товарищей, въ кругу которыхъ всегда былъ доволенъ, спокоенъ и счастливъ. Не имѣя ни въ комъ нужды, я любилъ людей и зналъ свѣтъ понаслышкѣ. Книги составляли единственное мое занятіе, и никакія обстоятельства не возмущали

тишины моихъ дней. — Я думалъ, что вся жизнь моя пролетитъ такъ безпечно и спокойно; но когда исполнилось мнѣ 18 лѣтъ, и когда повѣяла весна: не знаю отъ чего, я въ ясныя утра сталъ болѣе всматриваться въ разцвѣтающую природу, сталъ грустить, а вечеромъ, при закатѣ солнца, иногда и плакалъ. . . „Грусть по родинѣ„ думалъ я, и принимался за книгу неохотно, а начитанное въ романѣ хотѣлось самому повѣрить. . . . Но приблизилось время экзаменовъ — и все исчезло!. . Уже я выдержалъ испытаніе для перехода въ послѣдній курсъ, какъ одинъ изъ товарищей моихъ пригласилъ меня ѣхать къ нему — раздѣлить время вакаціонное. . . Отдаленность родины была причиною, что воспитываясь съ дѣтства въ одномъ городѣ, я ни разу не оставлялъ его. Предложеніе товарища обрадовало меня, однако жъ я колебался. Наконецъ, слово — пожалуй — вылетѣло изъ устъ моихъ, и мы стали укладываться въ дорогу.

Я оставилъ городъ. Перемѣна сидячей, однообразной жизни на свободную и беззаботную, безпрестанно новые, очаровательные сельскіе виды, веселый характеръ моего товарища, а болѣе всего — занимательная цѣль путешествія: все это много способствовало къ тому, чтобы пробудить природную веселость и живость мою, и наполнить

душу тѣмъ довольствомъ, которое такъ сродно юному возрасту. Словомъ — я уже благодарилъ Андрея за то, что онъ не позволилъ мнѣ отказаться отъ его предложенія. Чрезъ нѣсколько дней мы прибыли, наконецъ, въ губернскій городъ Т. Надо знать, что отецъ Андрея занималъ должность Городничаго въ уѣздномъ городѣ П***, который находился всего въ 40 верстахъ отъ губернскаго; дочь его воспитывалась въ одномъ изъ женскихъ пансіоновъ сего послѣдняго. По этому-то Андрей тотчасъ по пріѣздѣ въ Т, побѣжалъ видѣться съ сестрою, и, возвратясь, объявилъ мнѣ, что мать его также въ городѣ, что завтра поутру назначенъ публичный экзаменъ въ пансіонѣ, что къ вечеру мать и сестра пріѣдутъ домой на имянины отца, и что нынче же мы должны оставить городъ и ѣхать въ П.***

Часу въ 10-мъ вечера мы уже были на дорогѣ къ уѣздному городу.

Какъ отрадно возвращаться мыслію къ временамъ минувшимъ! Какъ теперь передъ глазами: божественное Іюньское утро съ пламеннымъ солнцемъ, только что опустившимъ первые лучи свои на живописную пробудившуюся природу; кругомъ раскинутыя села, въ ихъ простой и милой красотѣ; наша повозка, переѣзжавшая мостъ, и этотъ

лѣнивый извощикъ, затягивающій безконечную пѣсню . . . . Я протеръ свои глаза, долго смотрѣлъ на все съ улыбкой, молча, и наконецъ спросилъ: „далеко ли до П***? — Да верстъ 16-ть будетъ — отвѣчалъ извощикъ, разглядывая по сторонамъ. „12 верстъ“ пробормоталъ Андрей соннымъ языкомъ, и снова закрылъ глаза.

Наконецъ, мы пріѣхали. У дверей радостно встрѣтили насъ слуги и проводили въ отдѣльную комнату. Старика Тронскаго не было дома; онъ пошелъ въ церковь. Когда мы переодѣлись, Андрей повелъ меня по всѣмъ комнатамъ. Вездѣ было чисто, свѣтло, привлекательно; все показывало довольство и простоту. Я давно не жилъ въ семейномъ домѣ и теперь не могъ насмотрѣться на удивительный порядокъ и чистоту. „А вотъ портретная“ сказалъ Андрей. Мы вошли. Я быстро окинулъ глазами комнату и невольно улыбнулся, увидя на стѣнѣ знакомое лице моего Андрея. — Какое чрезвычайное сходство! А это кто? — „Mon papa.“ Я долго смотрѣлъ на выразительныя черты посѣдѣлаго воина. Онъ былъ въ Гусарскомъ мундирѣ, на груди висѣлъ Георгіевскій крестъ. Взоръ его выражалъ строгое благородство и правоту. Черные съ просѣдью волосы, зачесанные вверхъ, и геройскіе усы, придавали ѳизіономіи его

какое то грозное выраженіе; но весь онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ Екатерининскихъ воиновъ, на коихъ смотришь съ такимъ почтеніемъ и коихъ теперь такъ мало. Видно было, что портретъ написанъ недавно, потому, что свѣжія краски его ярко отличались отъ полинялыхъ цвѣтовъ другихъ фамильныхъ портретовъ.—„Однако я не вижу здѣсь молодаго лица, которое можно было бы приписать сестрѣ твоей“—сказалъ я, улыбаясь, Андрею.—Ея и маменькинъ портреты будутъ скоро написаны.—Мы вышли.

Отецъ возвратился изъ церкви, и Андрей бросился на шею къ нему со всею горячностію сыновней любви; потомъ представилъ меня какъ своего товарища. Старикъ обнялъ меня. Разговоръ нашъ, по обыкновенію, состоялъ изъ отрывочныхъ, начатыхъ и недоконченныхъ выраженій. „Къ чему вы надѣли мундиръ?“ сказалъ мнѣ серіозно старикъ. „У меня, сударь, будьте безъ церемоній, и пока нѣтъ еще женщинъ — ходите въ халатѣ. Андрюша! вели подать . . . “ Я отказался отъ предложенія, хотя чувствовалъ все удобство онаго.

Часу въ 10-мъ начали являться чиновники города и поздравлять Петра Семеновича со днемъ его Ангела. Онъ всѣхъ принималъ радушно, и когда посѣтители одинъ за другимъ откланивались, онъ каждому прибавлялъ: „Ну, приходите же

отвѣдать пирога — часовъ въ 12-ть" къ этому времени явилась музыка помѣщика того уѣзда — и торжественнымъ маршемъ поздравила Петра Семеновича. Потомъ начали собираться гости къ обѣду. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія всѣхъ этихъ важныхъ прелюдій, чтобъ отдохнувши спокойно послѣ дороги, проснуться для танцевъ, для удовольствія, для какого-то тайнаго наслажденія, которое я предчувствовалъ, хотя не могъ изъяснить — въ чемъ будетъ оно заключаться. При мысли о вечерѣ, не знаю почему, я замиралъ.

Было довольно поздно, когда я проснулся. Не помню сновидѣній моихъ, но знаю, что душа и мысли мои были свѣтлы и ясны . . . Въ отдаленныхъ комнатахъ играла музыка, слышался шумъ, хохотъ, разговоры . . . Я велѣлъ человѣку дать одѣваться, и спросилъ — не пріѣхала ли ихъ барыня. На отрицательный отвѣтъ, я *возгласилъ* другой вопросъ: скоро ли будутъ? „Ихъ ожидаютъ съ минуты на минуту-съ." — А Андрей гдѣ? — „Съ гостями-съ." Вхожу . . .

Былъ 9-й часъ вечера. Съѣхалось очень много гостей, дамъ и дѣвицъ; но Тронской съ дочерью еще не было. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ, и внимательнѣе всѣхъ прислушивался: не звенитъ ли отрадный колокольчикъ? . . .

ГЛАВА II.

Душа ждала . . . кого нибудь!
И дождалась—открылись очи . . .

Пушкинъ.

Вдругъ . . . отъ чего забилось мое сердце? . . . вдругъ среди ночной тишины, вдали, раздался звонъ колокольчика . . . Я прислушивался къ нему съ тайнымъ волненіемъ души . . . Звонъ становился ближе, ближе . . . Въ комнатахъ и на дворѣ все засуетилось; музыкантовъ выслали на крыльцо, гдѣ столпились уже всѣ гости; потомъ *грянули* торжественный маршъ и встрѣтили подъѣхавшихъ въ коляскѣ . . . Оттуда вышла дама среднихъ лѣтъ и дѣвица . . . Гости на-перерывъ привѣтствовали одну и другую. Я также подошелъ къ рукѣ супруги Петра Семеновича, — а къ дочери? . . . Взволнованный чѣмъ-то, я не рѣшился, и отошелъ въ сторону; но послѣ, одумавшись, раскланялся ей въ комнатѣ, и поцѣловалъ ея ручку. Дѣвица была въ шляпкѣ, и я не могъ разсмотрѣть ея лица.

Заиграли французскую кадриль, и Катенька вышла изъ гостинной съ другими дѣвицами. Я

просилъ ее танцовать со мною — и получивъ согласіе, поставилъ два стула. Она сѣла; я возлѣ нея . . . О, какъ давно это было! какъ много измѣнилось съ тѣхъ поръ въ душѣ моей! Но отъ чего же при первой мысли объ этой минутѣ — дрожитъ, и болитъ, и ноетъ, и любитъ мое сердце?... Я впервые взглянулъ на Катеньку . . . Знаете ли вы волшебныя сказки, гдѣ проснувшись, неожиданно, вы видите вокругъ себя дивный міръ, котораго ваши глаза никогда не встрѣчали? . . . Первая минута — дань удивленію . . . потомъ вы всматриваетесь любопытнѣе, созерцаете, поглощаете взорами окружающее васъ, чаруетесь, блаженствуете . . . Точно тоже было со мною. Гдѣ найду я вамъ словъ, чтобъ передать всѣ тайныя ощущенія души моей, постепенно переходящія отъ слабыхъ къ сильнѣйшимъ? . . . Гдѣ слова, чтобъ выразить вамъ — сперва мое удивленіе, потомъ очарованіе и тихое блаженство сердца, при разсматриваніи Катеньки? . . . Эти томные, большіе, черные глаза, эти темные волосы, такъ гладко прильнувшіе къ милой головкѣ, эти уста, въ которыхъ, кажется, видна улыбка неба, и потомъ — этотъ станъ, эта поступь, движенія, голосъ . . . . . . О, Боже! Боже! . . . Полъжизни отдалъ бы, чтобъ еще разъ, со всею те-

плотою отлетѣвшей юности, имѣть подобную минуту, жить, видѣть, радоваться, наслаждаться! . . . Я былъ ребенкомъ: малость могла разшевелить природную веселость моего характера, и я тогда дѣлался говорливъ, доволенъ, и все, что имѣлъ на сердцѣ — переливалъ въ звукахъ . . . Судите жъ о моей перемѣнѣ: когда въ глазахъ моихъ разцвѣлъ новый, невѣдомый дотолѣ, очаровательный міръ, когда душа открыла несравненное блаженство и тихо наслаждалась имъ: я сдѣлался робокъ, молчаливъ, но съ вѣчной улыбкой на устахъ, и невыразимымъ довольствомъ въ сердцѣ. — „И я буду жить съ нею подъ одною кровлею, видѣть ее всякій день, всякій часъ, всякую минуту!“ . . думалъ я. „О, сколько наслажденій! Сколько блаженства! . . “ — Разговоръ нашъ былъ кратокъ. Она спросила довольно серьозно: „на долго вы къ намъ?“ — До скончанія вѣка — желалъ бы я отвѣчать ей, но вмѣсто того сказалъ:

— Какъ случится . . . Вы уже окончили свое ученіе? — „Да“ отвѣчала она разсѣянно; „но я упрошу маменьку, чтобъ позволили еще на годъ.“

— Развѣ вамъ нравится пансіонская жизнь? — Катенька зажмурила глазенки, прикусила нижнюю губку и съ полу-улыбкой отвѣчала: „какъ же!“ Я смотрѣлъ на нее во всѣ глаза, и гримаса эта,

сдѣланная ею, такъ понравилася мнѣ, что я *разцѣловалъ бы ее въ пухъ!* — Кадриль кончилась, за нею другая, тамъ третія — и наконецъ мазурка. Я опять съ Катенькой... Съ какимъ наслажденіемъ, съ какою усладительною радостію пролетѣло время за мазуркой. Я удивился, когда ударило два часа, и гости начали разъѣзжаться. Но это не смущало меня, потому, что я зналъ, что съ толпою уѣзжающихъ не исчезнетъ Катенька; она останется здѣсь, со мною, въ кругу семейства, гдѣ никто не будетъ мѣшать мнѣ наслаждаться ею, гдѣ ничто не помѣшаетъ ей быть свободною, и во всей милой красотѣ показать свой характеръ, если характеръ можетъ быть въ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ . . . Эта мысль приводила меня въ восторгъ. Уже всѣ разъѣхались, — и намъ должно было разстаться. Я подошелъ къ Катенькѣ, поцѣловалъ, почти съ жаромъ Чацкаго, ея пухленькую, милую рученку, и удалился . . . „Она улыбнулась . . . мнѣ? . . или это такъ показалось? . . . О, эта улыбка приснится мнѣ и во снѣ! . . .“ разсуждалъ я самъ съ собою, ложась въ постель съ душей, полною удовольствія.

ГЛАВА III.

Я ль виноватъ, что тебя черноокую
Больше, чѣмъ душу люблю?

Вельтманъ.

Отрадны были послѣднія минуты дня, въ который я увидѣлъ Катеньку, но видѣнія моего сна еще были отраднѣе. . . . Я не разлучался съ нею: безпрерывно видѣлось мнѣ ея прелестное личико, слышался ея голосъ, и эта улыбка, улыбка! Уже былъ день на дворѣ, когда я пробудился отъ какихъ-то сладостныхъ, гармоническихъ звуковъ. . . . Прислушиваюсь . . . въ отдаленной комнатѣ кто-то играетъ на фортепіано. „О, это она — ранняя, милая птичка!„ подумалъ я, и съ поспѣшностію началъ одѣваться. Когда мой туалетъ былъ оконченъ, я взглянулъ въ зеркало, и увѣрившись, что былъ чрезвычайно *авантажнымъ*, хлопнулъ дверью, и вошелъ въ залу. „Точно . . . она! и какъ мила! милѣе вчерашняго!„ снова подумалъ я, и подошелъ къ Катенькѣ.

— Здоровы ли вы, послѣ вчерашней усталости? — спросилъ я.

„Очень здорова“ отвѣчала она. „Вы каково провели ночь?“ — О, божественно, сударыня! —

„Божественно? Развѣ вы молились?„ спросила она съ очаровательной улыбкой.

— Я поклонялся . . . божеству . . . въ образѣ дѣвушки . . . — робко отвѣчалъ я ей пошлымъ каламбуромъ.

„Право?„ сказала она, посмотрѣвъ на меня съ такою занимательною серiозностiю, что я чуть не досказалъ остальнаго; но Катенька, какъ бы стараясь прервать мой разсказъ, крѣпко, крѣпко застучала по фортепiано, а я безсовѣстно смотрѣлъ въ ея личико. . .

— Катенька! ты порвешь струны — раздался голосъ матери изъ другихъ комнатъ. Катенька смѣялась.

— Можно видѣть маменьку? — спросилъ я.

— „Можно-съ; она давно ужъ одѣлась.“

И я побѣжалъ здороваться съ Елисаветой Ѳедоровной; старика не было дома; Андрей еще спалъ. Елисавета Ѳедоровна была женщина лѣтъ 30-ти, прiятной наружности, и веселаго характера. Надо знать, что она была мачиха Катеньки, и какъ бы въ исключенiе правилъ всѣхъ мачихъ, любила, иногда и баловала свою падчерицу. Съ нею я опять вошелъ въ залу.

— Сыграй что нибудь порядочное, Катенька; а лучше всего — запой. —

„Ахъ, маменька! развѣ я пою? Что жъ я пою?“ лепетала Катенька съ умоляющимъ взоромъ.

— Слышите ль? . . . И знать не хочу! . . пой! Владиміръ Андреевичъ нашъ, — его нечего стыдиться. —

Я поблагодарилъ молчаливымъ поклономъ Елисавету Ѳедоровну, а самъ разсуждалъ: „Владиміръ Андреевичъ нашъ! . . . О, если бы это въ самомъ дѣлѣ совершилось! . . “ Елисавета Ѳедоровна смотрѣла на меня и на Катеньку, какъ на дѣтей, а потому позволяла намъ близкое, короткое сношеніе. . . . О, сколько разъ я благодарилъ ее за это!

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, Катенька пробѣжала своими милыми пальчиками по клавишамъ, взяла аккорды, и мечтательно склонивъ головку, запѣла:

Вокругъ тебя лучъ радости свѣтлѣетъ,
Въ тебѣ дары ума и красоты;
И если кто душей моей владѣетъ —
Ахъ, это ты. . . .

О, милые друзья мои! Эта минута раскрыла въ душѣ моей глубокія, очаровательныя чувства, и зажгла свѣтильникъ любви. . . . Любви! . . . Какъ ничтожно это слово, но сколько заключено

въ немъ! . . Каждый аккордъ дрожалъ во глубинѣ моего сердца, каждый звукъ, вылетающій изъ прелестныхъ устъ, разливался въ душѣ какимъ-то знакомымъ блаженствомъ и напоминалъ ей что-то выше земнаго, что-то высокое, небесное. . . . И потомъ: эта милая дѣвица, съ ея прелестнымъ личикомъ, съ полуотверстыми устами, съ задумчивыми глазенками, устремленными въ какой-то мечтательный міръ. . . . О, какъ много сокрыто во глубинѣ души! О, какъ могущественна красота! . .

Катенька еще пѣла, какъ Елисавета Ѳедоровна ушла. Наконецъ, она кончила. Я молча подошелъ и поцѣловалъ ручку Катеньки, но уже съ неописаннымъ наслажденіемъ, съ горячею, чистою любовью.

—Вы очаровали меня. . . . вашимъ пѣніемъ — прибавилъ я послѣ.

„Вы смѣетесь надо мной?“

—Катерина Петровна! — сказалъ я довольно серіозно, потому, что въ эту минуту не могъ шутить; — если вы слова мои будете принимать за эти свѣтскіе, несносные комплименты, — я не заговорю съ вами. —

Она хотѣла что-то сказать, хотѣла улыбнуться, смѣшалась, застѣнчиво опустила очи, и вышла

изъ залы. — О, какъ она мила! Я ее буду любить! — говорилъ я самъ съ собою, слѣдя за Катенькой.

„Что такое? О чемъ ты разсуждаешь?“ раздался позади меня голосъ Андрея. Я смѣшался.

—А, и ты уже всталъ! Я говорилъ:

Вокругъ тебя лучъ радости свѣтлѣетъ.

„Вовсе нѣтъ! Я нынче пока еще скученъ. А сестра?“ — Сей часъ вышла. —

„*Papa* уже на должности.... bene! — Я хочу чаю.“ И онъ, напѣвая мазурку, побѣжалъ въ дѣтскую.

До обѣда время пролетѣло незамѣтно. Катенька обращалась уже со мною короче, разсказывала съ восторгомъ о пансіонѣ, о своихъ подругахъ, о занятіяхъ, и проч. Я видѣлъ въ ней еще ребенка, но ребенка милаго, невиннаго, безъ примѣси свѣтской принужденности, безъ жеманства; словомъ: она была дитя, доброе, умное, привлекательное, съ которымъ ввѣкъ бы не разстался.

Вечеромъ мы пошли прохаживаться. Катенька съ милымъ чистосердечіемъ говорила мнѣ о радости, съ какою она, послѣ годовой разлуки, увидѣла родину . . .

„Я такъ люблю эти мѣста! такъ тутъ пріятно! . . А вамъ вѣрно не нравится нашъ городъ послѣ вашего пышнаго ***а?

—Напротивъ, я нахожу его довольно веселымъ; тѣмъ болѣе, что живя въ вашемъ домѣ. . .

„Вотъ вы опять. . .“

— А вы забыли сказанное мною? Вы хотите меня сдѣлать лгуномъ? Не такъ ли.?

„О, нѣтъ, Владимiръ Андреевичъ! Я рада, что вамъ нравится моя родина.“

— Мнѣ нравишься ты, милая, а не твоя родина — думалъ я. Потомъ Катенька спросила, далеко ли мои родные, и когда я ей отвѣчалъ, что за двѣ тысячи верстъ отсюда, она посмотрѣла на меня съ такимъ истиннымъ участiемъ, что у меня готовы были навернуться слезы.

„Ахъ, Боже мой! двѣ тысячи верстъ!“ говорила она, качая головой. „И вы давно не видѣлись?“ — Три года. —

Катенька глубоко вздохнула. „О чемъ она вздыхаетъ?“ говорилъ я самъ себѣ. „Ей жаль меня? . . О, доброе, милое созданiе! . .“

Вечеромъ мы разстались почти прiятелями. Я опять ложился въ постель полный дневнаго удовольствiя, разрисовывалъ будущность самыми прелестными красками, и наконецъ, въ сладкихъ мечтахъ задремалъ.

ГЛАВА IV.

Съ нимъ черноокая Земфира. . .
Теперь онъ вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ;
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?

А. Пушкинъ.

Слѣдующіе за симъ дни проходили также мило и восхитительно для меня. Когда Андрей уходилъ въ гости и звалъ меня съ собою, я всегда умѣлъ чѣмъ нибудь отговориться, если навѣрно зналъ, что тамъ не будетъ Катеньки. . . Куда, къ кому, зачѣмъ пойду я, когда здѣсь для меня все?

Всегда и вездѣ бывая съ Катенькой: днемъ— въ прекрасной вещественности, ночью — въ сладостныхъ мечтахъ, я только думалъ о ней, только видѣлъ ее, только слышалъ ея очаровательный голосъ, и раскрывая въ ней всѣ прекрасные дары природы, болѣе и болѣе очаровывался. . . Я былъ счастливъ, истинно счастливъ, въ чудномъ, волшебномъ забытьи. Конечно, если бы Катенька не замѣчала моей любви, я бы не былъ такъ свѣтло покоенъ душею. . . Но она, не скажу—

любила, она только не нелюбила меня. . . . Впрочемъ, сколько удовольствія и сердечной теплоты приносила она мнѣ своею дѣтскою привязанностію, когда, напримѣръ, пѣла мои любимые романсы, играла мои любимыя фантазіи, даже одѣвалась такъ, какъ мнѣ нравилось. . . Эти мелочи. . . о, онѣ были драгоцѣнны для меня! . . . Я видѣлъ прекраснѣйшую, невинную и добрую, какъ ангелъ, дѣвушку, видѣлъ также, что она предпочитаетъ меня всѣмъ другимъ. . . и это льстило мнѣ. Да и какой юноша въ 18-ть лѣтъ, съ пылкою душею, не забылся бы до страсти, не полюбилъ бы ее, быть можетъ, сильнѣе меня? . . Когда она пѣла какіе нибудь романсы, въ глазахъ ея горѣло участіе ко мнѣ. Зачѣмъ, напримѣръ, мой любимый романсъ — *Талисманъ*, она всегда начинала пѣть, когда видѣла, что я невеселъ; и потомъ — понимала ли ея чистая душа эти слова, которыя она обращала ко мнѣ съ какимъ-то нѣмымъ моленіемъ:

Но когда коварны очи
Очаруютъ вдругъ тебя,
Иль уста во мракѣ ночи
Поцѣлуютъ не любя:
Милой другъ — и проч.

Знала, думала ли она тогда, что эти слова зажигали во мнѣ пламень любви, что отъ нихъ рождались неизмѣняемые законы моего сердца, которыхъ я не въ силахъ буду перемѣнить? . . О, зачѣмъ не могъ я тогда же отвратить этого пагубнаго, милаго очарованія? . . . Но время летѣло на быстрыхъ крылахъ своихъ, уносило наши радости и усиливало привязанность души моей.

Я восхищался милымъ согласіемъ съ Катенькою; но у насъ были и разрывы, которые служили только къ большему соединенію; они, со всею оригинальностію отлетѣвшей юности, записаны въ журналѣ моемъ, гдѣ я, впрочемъ, увѣрялъ себя, что „не люблю Катеньку, а такъ только. . . такъ. . . она мнѣ — нравится.“ Вотъ подлинныя слова моихъ записокъ:

„3-го *Іюля.* День начался такъ же просто и мило, какъ и прошлые. *Каточекъ* (такъ называетъ ее отецъ) вышла къ намъ въ залу прекрасно одѣтая, свѣжая, очаровательная. Бантики, изъ розовыхъ съ зеленымъ лентъ, обвивали ея кругленькую шейку и оканчивались на груди ея прелестной. Черные глазенки играли огнемъ и жизнію. Она сѣла за фортепіано, и заиграла мазурку; я былъ возлѣ. Каточекъ начала желать мнѣ — я отвѣчалъ первымъ, попавшимся на глаза, вздоромъ, и

однажды, когда она пожелала мнѣ въ розовомъ съ зеленымъ цвѣтѣ, я смотрѣлъ въ ея прелестныя очи, и едва слыша предложеніе, сказалъ: *разцѣловать*. „Это мой бантикъ" отвѣчала она съ тою миною, которою я всегда восхищаюсь такъ откровенно. „О, непремѣнно! „сказалъ я. „Какъ только вы отшпилите его — я свершу надъ нимъ мое желаніе." Катенька снова улыбнулась и продолжала играть. . . . Прошло довольно времени. . . Она или забылась или до такой степени притворялась. . . какъ бы то ни было, она отколола бантикъ съ груди, и положила его на фортепіано. . . . Я схватилъ его, и прижалъ къ пламеннымъ губамъ. . . . Вдругъ, Катенька вскрикнула, выхватила бантикъ, вскочила со стула, и какъ стрѣла улетѣла въ другую комнату. . . . .
„Женщина!" думалъ я — „притворщица! тебѣ это сродно!" Тысяча мыслей, одна другой смѣшнѣе и досаднѣе, вертѣлись въ головѣ моей, но я молчалъ, *надулъ губу*, принялъ серіозно-унылый взоръ — и ждалъ развязки. Чрезъ три минуты, не болѣе, она явилась съ бантикомъ въ рукѣ и на лицѣ ея не замѣтно было ни одной полуискорки негодованія. . . . Попрежнему — спокойна, внимательна, и весела. . . . и мила. . . . милѣе во сто разъ! . . Но я молчалъ; я дулся наружно и таялъ внутри.

Съ нею ни слова; съ другими холодно и учтиво. Сѣли за столъ. Прежде я всегда садился подлѣ нея, — и теперь также; но только нарочно отодвинулъ дальше стулъ, сѣлъ, еще отодвинулся, и поднялъ салфетку съ кислою миной. . . Катенька не говорила со мною; но лице ея было ангельское; она смотрѣла на меня съ участіемъ, съ желаніемъ примириться. . . *я не замѣчалъ*. . . (втрое противу прежняго!). Столъ приближался къ концу. Въ залу вбѣжалъ краснощекій мальчикъ, и кричалъ: „Катя! Катя! сахару. . .“ Катенька поцѣловала его и дала ему на блюдечкѣ ягодъ, пересыпанныхъ сахаромъ. „Не правда ли, какъ онъ милъ?“ застѣнчиво произнесла она, обращаясь ко мнѣ съ потупленнымъ взоромъ. — Да-съ — отвѣчалъ я съ колкою учтивостію „Неужели онъ вамъ не нравится?“ — Очень — произнесъ я тѣмъ же тономъ. Катенька замолчала. Потомъ, чрезъ минуту, поднесла *шарикъ* и спросила, чего желаю я ему?— *Благополучія* — отвѣчалъ я сухо, и мы встали изъ-за стола. Послѣ обѣда — та же пѣсня; но милое личико ея растрогало бы самую черствую душу. Робость, уныніе, а можетъ быть и досада, попеременно, то разгорались яркимъ румянцемъ, то потухали въ миловидной блѣдности. . . Я былъ твердъ и недвижимъ, какъ подводный камень. . .

Вечеромъ собралось нѣсколько дѣвушекъ. Эти живые, благоуханные цвѣты пошли въ садъ. Разумѣется, я всегда послѣдовалъ бы за ними, какъ страстный любитель Ботаники, но теперь не пошелъ, нарочно, желая доиграть исправно свою роль. Табачный дымъ, облаками пускаемый мною, отуманилъ окрестности моего стула . . . Вдругъ, отворяются двери, и лакей докладываетъ, что меня желаютъ видѣть въ саду . . . „Кто? . . Какъ? . .“ спросилъ я, вскочивъ со стула. Лакей таинственно улыбался, и потомъ изволилъ произнесть: „Молчите, баринъ . . .“ тутъ онъ сдѣлалъ такую ужимку, что я чуть не задохнулся отъ смѣха. Лакей продолжалъ: „Иду я по двору; вотъ, знаете, и онѣ идутъ . . . а Екатерина Петровна подозвала меня и говоритъ: пойди ты, дискать, Ѳомка, въ комнату Владиміра Андреевича, да вызови его какъ нибудь въ садъ, да не говори, что это я тебѣ сказала, слышишь ли? Вотъ знаете . . .“ Я оставилъ моего оратора добивать такты каждой части періода, и заключать ихъ ужасными гримасами, а самъ, какъ молнія, пустился въ садъ съ веселымъ чувствомъ побѣды .... Завидя дѣвицъ, я принялъ серіозную мину, и будто безъ вниманія подошелъ къ нимъ.

„Что вы такъ невеселы?“ спросила одна изъ знакомыхъ дѣвицъ.

— Помилуйте — это мой обыкновенный характеръ . . . . „

„Нѣтъ — вы прежде были веселѣе . . .“

— Непріятное впечатлѣніе утренняго сна до сихъ поръ еще не изгладилось — сказалъ я, силясь удержать улыбку.

—„Разскажите намъ вашъ сонъ . . . я разгадаю его . . . я вѣдь Цыганка . . . —“ произнесла Катенька, которая всѣми силами старалась заговорить со мною.

— Напрасный трудъ! — отвѣчалъ я.

Дѣвицы начали меня неотступно просить, но я необъявлялъ еще сна, потому, что не имѣлъ дара Софьи Фамусовой — *спрожога* удачно врать. Наконецъ я придумалъ, и главною мыслію въ моей чепухѣ было то, что миленькая собачка, которую я такъ ласкалъ и любилъ, нежданно — жестоко укусила меня . . . Катенька смѣшалась, покраснѣла, однако же изъяснила сонъ тѣмъ, что собачка есть вѣрный другъ, что укушеніе ея есть эмблема неразрывной дружбы и начало соединенія . . . Этого было довольно! я вполнѣ былъ удовлетворенъ, вполнѣ былъ счастливъ; сталъ разговорчивѣе, веселѣе, игривѣе . . . Теперь уже первый часъ ночи. Завтра опять буду съ нею, послѣ завтра тоже . . . О, какъ хорошо здѣсь! . .

Какъ мила Катенька!.. Какъ мы дружно будемъ жить!..“

Изъ этихъ строкъ вы видите, какъ интересовала меня всякая мелочь, которая только относилась къ ней, и какъ я былъ беззаботно счастливъ!.. О, время моей юности! О, милыя, чистыя, святыя чувства души моей! Вы не воскреснете съ прежнею свѣтлостію и не порадуете этого сердца, давно отвыкшаго отъ наслажденій любви! Безцвѣтна, какъ степь въ глубокую осень, дорога жизни моей, — на ней не встрѣчу благовоннаго цвѣтка, дыханіемъ котораго упивался бы, красотою очаровывался.... Пусто и холодно на сердцѣ, и нѣтъ благословенныхъ думъ, нѣтъ сладкой чувствительности: опытъ и привычка осушили последнюю слезу на ресницѣ.

ГЛАВА V.

Ревность, зависть, ненависть владѣютъ тобою.

Н. Полевой.

Послѣ дня, съ такою подробностію отмѣченнаго въ журналѣ моемъ, мы жили съ Катенькой, какъ братъ съ сестрою. У насъ были одни удовольствія, одни желанія, однѣ мечты!... Сколько разъ я благословлялъ судьбу за то, что дала мнѣ увидѣть Катеньку и полюбить ее такъ тихо и безмятежно... Я не страшился послѣдствій; я думалъ: это одна только справедливая дань ея превосходнымъ качествамъ, это дружба... и для чего же избѣгать ея?.. Увы! я скоро узналъ, что въ душѣ моей таилась сильная любовь, горѣлъ пламень страсти. Этотъ отрывокъ изъ ежедневныхъ записокъ — тому доказательствомъ.

11-го *Втор. Вечеръ.* Ахъ этотъ вечеръ должно разсказать со всѣми подробностями. Катенька! Катенька!.. Ужели и ты, кого лелѣялъ и боготворилъ, въ комъ находилъ блаженство души, — ужели и ты измѣнчива? Былъ вечеръ у Х*** Туда съѣхалось множество гостей, окружныхъ помѣщиковъ съ семействами, и вся городская молодежь,

въ числѣ которой былъ Корнетъ . . . . аго полка. Всѣ были веселы; на лицѣ Катеньки выражалась печаль и неудовольствіе. Я это замѣтилъ, и самъ нечувствительно хмурился, тосковалъ и досадовалъ. Закружился бѣшеный вальсъ. Я беру Катеньку и въ шумномъ вихрѣ спрашиваю: отъ чего вы такъ печальны? что огорчаетъ васъ? — „Меня . . . Я всѣмъ довольна!“ отвѣчала она такъ сурово, что у меня морозъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ. Я тотчасъ же посадилъ ее, поклонился учтиво и отошелъ. Изъ холода меня бросило въ жаръ . . . „Какъ! . .“ думалъ я, „мнѣ такъ отвѣчать? . . . На меня взглянуть такъ холодно? . . . Что бы ни огорчало ее, развѣ не могла она отвѣчать нѣжнѣе? развѣ я не раздѣлилъ бы ея грусти? И ни одного вздоха! . . .“ Мысли вертѣлись и замирали въ головѣ моей, — я ничего не чувствовалъ и только смотрѣлъ на толпу танцующихъ . . . „Она . . . съ Корнетомъ . . . сѣла . . . онъ возлѣ . . . разговариваютъ . . .“ и ядъ измѣны жгучею струею пробѣжалъ по жиламъ . . . Безумный! могъ ли я думать о измѣнѣ, не спросивъ себя: былъ ли союзъ? . . Увы! только въ эти минуты я узналъ, какъ люблю Катеньку; только теперь она была для меня *все* . . . И это все было отнято, и она сама причиною моей потери! . . . Я чуть не заплакалъ

ужасными слезами... Однако жъ переломилъ себя, затаилъ искру мести въ душѣ, хотѣлъ казаться равнодушнымъ, но думаю, что не успѣлъ, потому, что былъ сильно встревоженъ, лице блѣднѣло, волосы разметались въ безпорядкѣ. Въ такомъ видѣ подошелъ я къ одной дѣвицѣ, и просилъ ее на мазурку. Стали. Я нарочно поставилъ стулъ моей дамы возлѣ стула Катеньки. Мнѣ пріятно было сидѣть близь нея, не смотрѣть на нее, не говорить съ нею. Она опять съ Корнетомъ!... Я разговаривалъ съ моею дамой много, только не помню о чемъ; она смѣялась, я также улыбался... Но однажды, взглянувъ нечаянно въ зеркало, ужаснулся: улыбка моя была искривлена въ угрозу, а самъ я былъ сущій Каспаръ во Фрейшитцѣ, когда Саміель беретъ у него душу... „И всему этому виною она!" думалъ я; „о, адъ измѣны и коварства!..." Вдругъ одна дѣвица протягиваетъ ко мнѣ руку и спрашиваетъ: вашъ девизъ? — „*Адъ*" отвѣчалъ я отрывисто и она повела меня — и прямо къ Катенькѣ... Не трудно было угадать девизъ мой, и я былъ принужденъ танцовать съ нею. Посмотрѣвъ на нее презрительно, я прошелся по залѣ медленно, — и посадилъ ее съ учтивымъ поклономъ. Случилось, что какая-то дѣвица выбрала Корнета. Катенька осталась одна.

Въ досадѣ мысли бродятъ одна за другою, и между ними самая глупѣйшая и дерзкая, кажется лучшею... Теперь это было со мною. Я подхожу къ Катенькѣ и, не спросясь разсудка, говорю: что бы вы, сударыня, предпочли: змѣю, которая жалитъ изъ подъ розъ, или убійцу, который прямо идетъ на васъ съ ножемъ?... Она удивилась моему вопросу, смѣшалась... я стоялъ и ждалъ отвѣта... „Конечно — убійцу..." произнесла наконецъ она робкимъ голосомъ. — Довольно! — отвѣчалъ я съ ужасной улыбкой; — вы сами произнесли свой приговоръ. — Она съ умоляющимъ взоромъ хотѣла что-то сказать, но я отошелъ, сѣлъ и не обращалъ на нее вниманія. Но теперь я почувствовалъ, что далеко зашелъ... Катенька была блѣдна, и въ задумчивыхъ прежде глазахъ, отражалась теперь оскорбленная непорочность души ея... Я поколебался... однако жъ не перемѣнялъ ни своего вида, ни тона обращенія съ нею. Заиграли котиліонъ. Я съ давнихъ временъ отпросилъ на этотъ танецъ Катеньку, и теперь подошелъ къ ней съ суровымъ лицемъ и спросилъ — помнитъ ли она обѣщанія? — „Всегда" отвѣчала она, подавая мнѣ руку. Уже первая фигура кончилась... Я молчалъ... еще волновались чувства; наконецъ, я заговорилъ:

—Какъ вы думаете, Екатерина Петровна, можно ли что нибудь дѣлать безъ причины и цѣли?

„Не знаю-съ“ было ея отвѣтомъ.

—То есть: не хотите знать? Но я васъ прошу подарить меня двумя словами: правда ли, что тотъ, кто дѣлаетъ безъ причины и цѣли—дѣлаетъ.... какъ бы это выразить?.. неблагоразумно, чтобъ не сказать-глупо?

И снова тотъ же отвѣтъ; то же *не знаю*,—но оно явно изобличало другую мысль: *я виновата*...

Я рѣшился вынудить признаніе, и продолжалъ:

—Однако же рѣшите, скажите, вѣдь это глупо, непростительно, свойственно только капризнымъ?.. Я заговорился.

„Согласна.“ произнесла она.

—И такъ, надѣюсь, вы нынче были суровы не безъ причины?

„Да-съ“

—И не безъ цѣли? —

„Что вы хотите этимъ выразить?“

—Вамъ угодно знать?

Но тутъ подошелъ кто-то и выбралъ ее. Чрезъ нѣсколько минутъ она явилась; лице ея было веселѣе, сѣла и начала:

„Позвольте и мнѣ въ свою очередь спросить у васъ, Владиміръ Андреевичъ, отъ чего такъ вы печальны и сердиты?“

—Вы меня спрашиваете? Вы хотите знать? Вы требуете откровенности?... А сами?.. Что отвѣчали мнѣ, когда я изъ участія спросилъ у васъ причину вашей печали?.. Нѣтъ, Екатерина Петровна, долгъ платежемъ красенъ!.. *Я весьмъ доволенъ.*

Она, казалось, превозмогла себя, и начала умолять. Я не соглашался... Но, увы! первое ея слово ко мнѣ—уже примирило меня съ нею. Теперь, когда она своимъ дѣтскимъ, трогательно-нѣжнымъ голоскомъ такъ искренно просила, кто устоялъ бы?.. Камень улыбнулся бы, и началъ отвѣчать. Но я не-камень, я давно обратился въ растопленный воскъ и полилъ струею разсказы... Вотъ мои слова: могъ ли я быть веселымъ, когда-то существо, спокойствіе котораго я такъ дорого цѣню, котораго одинъ сердитый взглядъ страшнѣе для меня смерти, котораго малѣйшее желаніе — для меня законъ, — вдругъ, безъ причины, сердится на меня и на всѣ мои вопросы, на всѣ мои ласки — отвѣчаетъ холодностію? Это существо — были вы Екатерина Петровна, и я васъ прошу сказать мнѣ, чѣмъ я виноватъ предъ вами?

„Ахъ, Владиміръ Андреевичъ! какъ вы несправедливы! Могу ли, имѣю ли право сердиться на васъ?.. И за что?.. Но нынче — я не виновата. Я имѣла горесть — спросите Андрея.

—Зачѣмъ же не сказали вы мнѣ этого прежде? Зачѣмъ не хотѣли сдѣлать меня участникомъ вашей печали?.. Екатерина Петровна! мы не въ первый день знакомы — пора вамъ узнать меня... Будьте же добры, будьте великодушны — не лишайте меня вашей довѣренности, не скрывайте отъ меня ничего... Вы не ошибетесь... Я васъ такъ уважаю... такъ... *люблю* хотѣлъ я сказать, но голосъ замеръ — и холодное *почитаю* замѣнило очаровательное — *люблю*. Почти со слезами на глазахъ, просилъ я Катеньку быть откровенною со мною, что выражало: люби меня, милая...

О, какъ была очаровательна въ сей мигъ Катенька! Лице ея и блѣднѣло и горѣло... На томныхъ глазахъ отсвѣчивались слезы, улыбка выражала печаль и радость... Казалось, Катенька хотѣла проникнуть въ душу мою... Я поднялъ глаза... наши взоры встрѣтились.... и за этотъ мигъ отдалъ бы я сто жизней!.. Мы снова примирились. ..

— Итакъ, между нами нѣтъ тайны? — сказалъ я становясь танцовать.

„Никакой.“

И рука моя сжала ея руку, и въ этомъ пожатіи излились наши души... Мы соединились... Довольно! послѣ этого — нѣтъ словъ!....“

ГЛАВА VI.

О, какъ мы съ нею жизнь дѣлили!
. . . .
Найдя въ себѣ весь міръ земной,
Другъ друга пламенно любили!

И. Козловъ.

Судите теперь о томъ, была ли привязанность моя любовью или дружбой!.. Безъ причины, безъ всякаго права, я готовъ былъ надѣлать ей тысячу непріятностей... и она все это простила мнѣ, и она же послѣ спрашивала: „Вы не сердитесь на меня?“... За то, какая сильная, бѣшеная любовь разгоралась въ душѣ моей! — Катенька мнѣ должна принадлежать, мнѣ!.. Она мое блаженство, моя жизнь, отрада жизни, она мое *все*— и такъ дорого цѣня свое сокровище, я ужасался мысли — утратить его!.. Но если бъ эта утрата произошла отъ нея, я не пережилъ бы потери!.. Казалось, Катенька замѣтила мою любовь, поняла ее и страшилась за меня... Съ тѣхъ поръ, съ того роковаго вечера, она, о милый другъ мой! ни разу не оскорбила меня даже тѣнью сомнѣнія... Случались ли танцы — она не выбирала молодыхъ людей; она съ милою любезностію подходила къ

какому нибудь старичку и заставляла его танцовать съ собою, или танцовала съ братомъ. Въ гостяхъ, или когда въ домъ соберутся гости — она обходительна со всѣми, но для меня во взорахъ ея всегда горѣлъ небесный огонь участія! Она все раздѣляла со мною: свои дѣтскія радости, свои заботы, опасенія; говорила о своей любви къ отцу, и потомъ прибавляла: „вы его также любите?“— Не болѣе его семейства — бывало моимъ отвѣтомъ, и она скромно опускала очи. „Вы идете... туда-то; мы не будемъ тамъ... Какъ жаль! но вы, надѣюсь, скоро возвратитесь? Я буду ждать васъ..“ — Я заплачу только долгъ знакомства — и поспѣшу быть съ вами — отвѣчалъ я.

Въ окрестностяхъ города у Тронскихъ было двѣ деревни; Андрей неотступно приглашалъ меня туда ѣхать; я, наконецъ, далъ ему слово, и вотъ на два дни должно было разлучиться съ Катенькой... „Ахъ, вы ѣдете...“ говорила она; „какъ будетъ грустно мнѣ! Владиміръ Андреевичъ! пожалуста же не болѣе двухъ дней...“ — Я бы не хотѣлъ разстаться съ вами на двѣ секунды... Она вздохнула, вышла на крыльцо, потомъ за-ворота, и провожала насъ глазами до тѣхъ поръ, пока коляска исчезла...

Только въ разлукѣ съ Катенькою — я по-

нялъ мою привязанность къ ней; только теперь узналъ я, какимъ неоцѣненнымъ благомъ владѣю!.. Мысль о скорой долгой разлукѣ впервые представилась мнѣ, и заставила содрогнуться... „Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать, это еще не скоро!..“ смутно думалъ я и старался отогнать прочь ужасную грезу. „Поѣдемъ, другъ мой!“ говорилъ я Андрею. „Мнѣ скучно здѣсь... пожалуста — скорѣе...“ И вотъ я опять съ Катенькой! Съ какимъ восторгомъ, съ какою любовію прижалъ я ея руку къ своимъ устамъ, и въ глазахъ прочелъ отраду!.. Я наслаждался жизнію въ полномъ смыслѣ слова; лишь иногда, порою — пробѣгала туча по горизонту моихъ мечтаній, но она исчезала, и солнце опять свѣтило съ прежнею силою, ясностію и теплотою... Въ разговорахъ семейства, Елисавета Ѳедоровна часто шутила, и выдавала свою падчерицу за Генерала, съ звѣздами, съ душами и громкою славой... Катенька сердилась, а меня ножемъ по сердцу рѣзали эти слова; и потомъ, прибѣгая въ свою комнату, я схватывалъ перо и чертилъ:

„20-го *Іюля*. Мои мечты, мои милыя мечты!.. Вы разлетѣлись, какъ голуби, испуганные дикимъ коршуномъ. Васъ разогнала черная туча людскихъ шутокъ!.. Но напрасно! Въ душѣ не погибнетъ

сила любви, не погаснетъ пламень страсти!..Да! Я буду любить ее! Кто отыметъ у меня мою любовь?..О, люди, люди!..На что вамъ богатства, чины, когда нѣтъ съ вами счастья?..Другъ мой, нѣжнѣйшій другъ — Катенька! ты будешь ли моею?..“

И послѣ этихъ словъ, слезы капали на щеки мои; но я не терзался...я отиралъ ихъ — и шелъ къ Катенькѣ.

ГЛАВА VII.

Нѣтъ, поминутно видѣть васъ;
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными очами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душей все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть — вотъ блаженство!

А. Пушкинъ.

Однажды, это было вечеромъ, мы пошли прохаживаться. Елисавета Өедоровна была не-такъ-то здорова, а потому Катеньку препоручила одной доброй *старушкѣ*, Нѣмкѣ, женѣ учителя. Съ нами

были еще кой-какія дѣвицы. Мы вышли за городъ. Вечеръ былъ очаровательный, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда природа является во всей красотѣ своей, и такъ могущественно дѣйствуетъ на душу... Любите ли вы смотрѣть на заходящее солнце, когда оно тихо и величаво клонится къ своему закату и послѣдними лучами золотитъ окружающій васъ, очаровательный міръ?.. Сколько красоты, сколько впечатлѣній, сколько чувствъ!.. Но отъ чего же всегда, съ умирающею природою, съ потухающимъ небомъ, съ наступающими сумерками, грусть непримѣтною тѣнью ложится на сердце?... Когда разольется мракъ повсюду, когда всѣ предметы явятся подъ темнымъ покровомъ, и все неясно, все смутно и безъ жизни... не груститъ ли сама природа въ часы ночные, не скорбитъ ли она о улетѣвшемъ свѣтѣ, о радостной жизни творенья?.. и это не есть ли подобіе нашихъ дней, нашихъ мечтаній и тоски?..

Это было наканунѣ какого-то праздника. Во всѣхъ церквахъ благовѣстили... Я люблю этотъ звонъ... Въ его звукахъ есть какая-то гармонія, есть призывъ души въ невѣдомый міръ, незримыя страны, туда... куда-то!...

Я былъ въ сладостномъ, грустномъ мечтаніи. Катенька также грустила, быть можетъ со всѣмъ

о другомъ. Но въ очахъ ея, въ ея очаровательныхъ очахъ, отражался весь міръ, вся прелесть міра, душа ея, поэзія ея души. . . О, кто бы, взирая теперь на нее, не взгрустнулъ бы самъ? кто осмѣлился бы неумѣстнымъ вопросомъ нарушить гармонію ея бытія? . . Я шелъ подлѣ нея, молчалъ, смотрѣлъ на ея очи, и мнѣ хотѣлось плакать. . . да эти люди мѣшали мнѣ! . . Я бы желалъ быть одинъ съ моею Катенькою, только съ нею одною, посреди этой природы. . . Наши души тогда соединились бы, жили одною душею. . .

Вотъ и кладбище передъ нами. . . Все тихо, безмятежно, спокойно, какъ сонъ усопшихъ. . . . Безмолвные памятники, уединенные кресты, да кое-гдѣ осѣняющія ихъ, печальныя ивы. . . Изъ куста въ кустъ перелетитъ птичка — и лишь она одна легкимъ волненіемъ крылъ своихъ нарушитъ смиреніе обители. . . . Грустно! . . .

—Гдѣ же Катерина Петровна? — спросилъ я. Всѣ молчали. . .

—Гдѣ она? — обратился я съ вопросомъ къ *старушкѣ*. Она молчала, но на неотступныя требованія мои, наконецъ отвѣчала: „Не помѣшайте ей, Владиміръ Андреевичъ! она сама просила о томъ. . . Она теперь у матери, на могилѣ. . . " — Катенька на могилѣ. . . она плачетъ. . . и я не буду

тамъ!.. Нѣтъ — я не помѣшаю ея горести... она священна... О, милый ребенокъ! о, свѣтлая душа!.. — думалъ я, между тѣмъ, какъ дрожащія ноги мои все шли и шли далѣе... Наконецъ, что-то мелькнуло... „это она" и я палъ у куста одной могилы... О Боже! и къ этой самой могилѣ, у которой лежала голова моя, приблизилась Катенька... Я не смѣлъ дышать, не смѣлъ смотрѣть, я упрекалъ себя и дрожалъ, какъ преступникъ... „Что, если она меня увидитъ?.. Она уйдетъ, не свершивъ обѣта души своей... И это отъ меня!... Я не покажусь тогда ей..." Все было безмолвно... Я услышалъ легкій шелестъ — и потомъ тихій голосъ произнесъ: „Маменька!.. гдѣ ты?" Я осмѣлился поднять голову.... Боже всемогущій! Склоняю теперь голову свою на голый столъ, какъ опустилъ я тогда ее на могильную траву, чтобъ задушить рыданія души моей!.. Эти устремленныя на небо очи, съ дрожащими на нихъ свѣтлыми слезами, эта душа, излитая во взорѣ, это моленіе въ небесную обитель... О, гдѣ слова, гдѣ звуки, гдѣ черты живописца, чтобъ изобразить все, что видѣлъ я?.. Ихъ нѣту, нѣту!..

Чрезъ нѣсколько минутъ мы шли обратно домой. Я боялся подойти къ Катенькѣ, какъ виновный; но любовь превозмогла опасенія, и я при-

близился. Долго слова не соглашались съ мыслями, но послѣ, когда мы нечувствительно отдѣлились отъ толпы, я сталъ смѣлѣе и говорилъ все, что чувствовалъ.

—Простите ли меня, Екатерина Петровна? Я виноватъ передъ вами... — сказалъ я.

„Въ чемъ?.. Нѣтъ — не можетъ быть... Я на васъ не могу сердиться...“

—Благодарю васъ за доброту... Но я дѣйствительно виноватъ передъ вами; это я чувствую...

„Скажите же, въ чемъ?“

—Екатерина Петровна! Вы нынче плакали...

Я?.. Нѣтъ-съ... Отъ чего вы такъ думаете?

—Помните — вы обѣщали мнѣ быть во всемъ откровенной?.. Надѣюсь, вы теперь скажете...

„Владиміръ Андреевичъ! вы были тамъ?“ сказала Катенька, и посмотрѣла на меня съ упрекомъ.

—Простите мнѣ мое безразсудство... Но это было почти случайно... Я могъ скрыть отъ васъ мою вину, но я хочу, чтобъ между нами ничего не оставалось... Итакъ — вы плакали... „Да! — я плакала о моей матери... Я помню, какъ она нянчила меня на рукахъ своихъ, какъ ласкала съ материнскою нѣжностію, какъ любовалась мною... Добрая мать!..“ и слезы заблистали на глазахъ

Катеньки, но она поспѣшно отерла ихъ, и потомъ прибавила: „Ахъ, зачѣмъ вы заставляете меня плакать передъ вами?

—Зачѣмъ вы думаете, возразилъ я съ жаромъ, что я не прійму душевнаго участія въ слезахъ вашихъ?.. Но скажите мнѣ: къ чему грустить? Развѣ вы не имѣете отца, добраго, нѣжнаго отца, который такъ много васъ любитъ? Развѣ не сами вы говорили мнѣ о добротѣ Елисаветы Ѳедоровны? Объ Андреѣ я и говорить не стану!.. Кромѣ того... сказалъ я — и голосъ замеръ на устахъ — кромѣ того...

„Это все справедливо“ перебила Катенька; „но я любила мать мою, и почему не почтить слезою драгоцѣнный прахъ ея? Я никогда не забуду ея...“

—Вы имѣете ангельскую душу... но, Екатерина Петровна!... позвольте мнѣ быть участникомъ вашихъ радостей и печалей... Еще больше, позвольте мнѣ быть вашимъ братомъ, вашимъ другомъ......... Я проговорился, я былъ растроганъ, и слезы невольно выступили на глазахъ... Катенька посмотрѣла на меня съ истиннымъ участіемъ, и когда на ресницѣ ея задрожала слеза... я не могъ долѣе удерживать себя, схватилъ ея ручку и пламенно поцѣловалъ... Катенька затре-

петала. . . Къ счастію, было темно, и насъ не могли замѣтить. . . Безъ словъ, безъ просьбы, подалъ я ей мою руку, она тихо склонилась ко мнѣ, и мы пошли молча, понимая другъ друга, любя другъ друга, и роняя слезы, сами не зная о чемъ. . . . О, гдѣ эти минуты? . . Ихъ было такъ не много. . .

ГЛАВА VIII.

. . . . Не помнилъ самъ,
Что дѣлалъ я! . . Кипѣла кровь . . .
И я ей высказалъ любовь . . .

Подолинскій.

Послѣ этого, вотъ что я говорилъ въ моемъ журналѣ: „8-го *Августа*. Кто утѣшитъ меня? кто затушитъ во мнѣ ядовитую змѣю грусти, которая гложетъ теперь душу мою? Должно разстаться! . . О, это выше силъ моихъ . . . Разстаться! . . . Слышишь ли, чѣмъ звучитъ это ужасное слово? . . . Пустота, мертвый хаосъ, гробъ . . . вотъ что слѣдуетъ за

мыслію о разлукѣ... И куда?.. и зачѣмъ?.. Тамъ нѣтъ ни одного чувствительнаго сердца, тамъ не будетъ ни одной свѣтлой мысли... Ужасно!... Нѣтъ—я не увижу ея больше!... Нѣтъ!.. такое счастіе не дается на землѣ дважды... Она останется одна... Она—забудетъ меня!!. Бросаю перо — у меня нѣтъ вѣры въ благополучіе. Да! я это знаю...“

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней, Андрей поѣхалъ къ одному помѣщику, верстахъ въ 10-ти отъ города; я отказался подъ видомъ болѣзни. Петра Семеновича не было дома — а Елисавета Ѳедоровна была не-такъ-то здорова, и не выходила къ намъ. Итакъ, я остался одинъ съ Катенькою. Мы пошли вечеромъ въ садъ. Солнце угасало за дальними полями; луна, еще безъ блеска, обрисовалась едва примѣтнымъ полукругомъ на чистомъ эѳирѣ. Все было тихо, красно, очаровательно... но какая-то грусть легла на окружающіе предметы. Мы молчали, идя рука-объ-руку. Мысль о скорой разлукѣ тревожила сердца наши, уже близкія, родныя... Подходимъ и садимся на скамьѣ, подъ густою акаціею... И что была тогда Катенька!.. Умирающіе лучи солнца озарили ее какимъ-то чуднымъ блескомъ, и лице ея приняло неописанный видъ... Въ немъ сіяла искра божества, въ

цемъ горѣлъ пламень безсмертія, и Херувимъ, витатель небесныхъ странъ, не могъ быть краше ея. Сквозь чащу деревъ сіялъ розовый отблескъ угасшаго свѣтила; онъ становился блѣднѣе, блѣднѣе . . . „Не такъ ли угасаютъ лучшія надежды наши, наши мечты очарованныхъ дней?" думалъ я, и глубоко вздохнулъ. Катенька, казалось, одно чувствовала со мною. Склонивъ головку, она устремила недвижный взоръ свой на тускнѣющую даль, и я примѣтилъ въ глазахъ слезу, чистую, прекрасную, какъ все существо ея. Слеза дрожала на ресницѣ драгоцѣннымъ алмазомъ, и срываясь, разлетѣлась златыми искрами на груди ея . . . Но Катенька не перемѣнила вида, не отерла влажныхъ глазъ своихъ . . . „Еще три дня" сказалъ я, „и уже не съ вами буду грустить я, Екатерина Петровна, о угасшемъ свѣтилѣ; одинъ, безъ друзей, безъ родныхъ, я буду тосковать о улетѣвшемъ счастіи, о минувшихъ дняхъ . . . Но въ замѣнъ всего, чѣмъ полна душа моя, найду ли въ благородномъ сердцѣ вашемъ хотя искру памяти обо мнѣ?" — Долго, долго лице ея оставалось недвижимымъ, будто въ душѣ ея земерли всѣ чувства. Но когда я, послѣ продолжительнаго молчанія, опять спросилъ: „Вы забудете меня, добрая Екатерина Петровна?" она посмотрѣла на меня такимъ взоромъ, въ которомъ

я прочелъ участь свою — и вдругъ изъ прекрасныхъ очей ея ручьями полилися слезы . . . Она закрыла платкомъ глаза и начала рыдать . . . Я испугался — и бросился къ ней . . . И здѣсь, и въ эту минуту, въ этотъ мигъ . . . я пламенными устами напечатлѣлъ на ея ангельскомъ лицѣ жаркій поцѣлуй, роковой поцѣлуй жизни и смерти, поцѣлуй высочайшаго блаженства и неизъяснимыхъ мукъ . . . О, кто могъ бы изъяснить, что происходило въ душѣ моей?! . . Тоска разлуки, ея слезы, мое счастіе, рай любви — все это слилось въ ужасный вихрь страстей, и душа рвалася изъ груди . . . О, я понимаю, что значитъ изступленіе, понимаю тотъ мигъ, когда уничтоженіе своей милой будетъ казаться счастіемъ . . . Если бы со мною что — нибудь было . . . Богъ знаетъ, чѣмъ кончилось бы это! . . . „Уйдите, уйдите отъ меня Катерина Петровна!" вскричалъ я . . . „Я не могу васъ видѣть — уйдите . . ." Она закрыла лице и встала . . . „Нѣтъ — постой! Куда уйдешь ты, мой ангелъ, моя жизнь, свѣтлый рай мой, мое блаженство! . . ." и я снова прижалъ ее къ моему сердцу... Слезы градомъ лилися у меня. Я ее оставилъ.

„Катенька! . . . я любилъ тебя, я люблю тебя выше всего . . . понимаешь? *выше всего* . . . Я уѣзжаю . . . Если ты . . . нѣтъ, не могу выгово-

рить . . . если ты забудешь меня, если глаза твои будутъ ласкать другаго . . . Боже! Боже! . . .“ И я уже не могъ промолвить ни одного слова; ужасная мысль измѣны воплемъ заглушила мои слова.

„Кто внушилъ тебѣ, о мой Владиміръ, эту ужасную мысль? Нѣтъ — ты обижаешь меня, ты несправедливъ . . . Посмотри въ мою душу . . . Можетъ ли она вмѣстить другое, кромѣ любви къ тебѣ, кромѣ тебя самаго? . . Не плачь, мой нѣжный другъ, мой милый Владиміръ . . . Я буду любить тебя . . . и — за могилой . . .“ И она нѣжно ласкалась ко мнѣ, и она своими рученками обвилась вкругъ моей шеи — и потомъ — тихо поцѣловала меня . . . Я уже не отвѣчалъ на ея ласки: я страшился будущаго, и угрюмо и дико смотрѣлъ на міръ.

„Катенька! побереги наше блаженство . . . Мы такъ неосмотрительны . . . Уйди отсюда. Насъ могутъ замѣтить—и все исчезнетъ прежде времени.“

Она ушла, и я долго слѣдилъ ея тѣнь на озаренныхъ луною кустарникахъ . . . Вперивъ свой взоръ на какой-то предметъ, я сидѣлъ, какъ помѣшанный. „Несравненное созданіе Творца! Куда завлекла она меня? . . . Съ ея только любовію я могу жить . . . безъ нея — все прахъ и пустота! Я поѣду . . . ха, ха, ха! . . учиться! . . Да! . . для нея —

я себя превозмогу... Но если жъ... Прочь эти мысли, пока со мной еще блаженство!..“ Другія, странныя грезы ворочались въ душѣ моей и попеременно — то пугали ее, то услаждали...

ГЛАВА IX.

Разлуки жизнь — воспоминанье,
Имъ полонъ свѣтъ;
Хотѣть прогнать его — страданье,
А пользы нѣтъ!
Все поневолѣ улетаемъ
Къ мечтѣ своей;
Твердя: забудь — напоминаемъ
Душѣ о ней.

В. Жуковскій.

И три дня спустя послѣ этого, я уже былъ въ дорогѣ. Я простился... но какъ! съ какими муками! Такъ сильно любя Катеньку, я долженъ былъ притворяться и равнодушно сказать послѣднее *прости*... Когда все было готово къ отъѣзду, принесли вина, и Елисавета Өедоровна заставила Катеньку поднесть отъѣзжающимъ... Она

была блѣдна и слезы сверкали въ томныхъ очахъ; ко мнѣ подошла съ мертвой улыбкой и едва внятнымъ языкомъ сказала: „выпейте“ и потомъ нѣжно взглянула на меня... „О если бы ты дала мнѣ ядъ въ этомъ стеклѣ“ отвѣчалъ я ей по-Французски... Руки ея задрожали, слезы падали въ граненый бокалъ — и она неровнымъ шагомъ подошла къ брату... „Дай Богъ, Катенька, чтобъ ты была счастлива...“ сказалъ Андрей и взглянулъ на насъ обоихъ. Не знаю почему, но мнѣ казалось, что эти слова были вѣстниками гибели моей, что въ нихъ таилась какая-то демонская злоба, что этимъ рѣшалась участь моей любви, и вдругъ вся кровь моя хлынула въ голову, и дыханіе сперлося въ груди... Я страдалъ, много страдалъ, и тѣмъ болѣе, что долженъ былъ скрывать мои мученія... Съ блѣднымъ лицемъ, съ посинѣлыми губами, на коихъ замеръ голосъ, съ мертвою душею, подошелъ я къ старику, потомъ къ Елисаветѣ Ѳедоровнѣ, — и не смотря на Катеньку, не говоря къ ней ни слова, поцѣловалъ холодную руку ея, и пошелъ какъ можно скорѣе въ экипажъ. Зазвенѣлъ колокольчикъ; намъ кричали — *прости*... Я взглянулъ машинально на домъ: у окна стояла Катенька съ платкомъ на глазахъ... Когда исчезло и это — я ничего уже

не чувствовалъ, я былъ въ какомъ-то безпамятствѣ; я думалъ, что это сонъ, тревожный, непріятный сонъ — и не прежде очнулся, какъ тогда, когда тяжелыя слезы на нѣсколько минутъ облегчили мое дыханіе . . .

Всю дорогу отъ П*** до*** а, я былъ въ подобномъ состояніи. Пріѣхали. Шумная толпа веселыхъ товарищей сбѣжалась къ намъ съ разными новостями, съ занимательными анекдотами, съ своими мечтами и надеждами . . . Но это для меня было нестерпимо. Я не узнавалъ разгульныхъ собратовъ, которыхъ любилъ прежде; я бѣжалъ ихъ буйной бесѣды, страшился встрѣчи людей, и до начатія лекцій, бродилъ по темнымъ переулкамъ, полямъ и лѣсамъ, безъ цѣли, не зная самъ, чего искалъ. Все казалось для меня неумѣстнымъ, печальнымъ, пустымъ, и только одно воспоминаніе иногда вѣяло мнѣ отрадою, да благотворный сонъ представлялъ знакомые, милые призраки минувшаго . . . *Она* являлась очамъ моимъ со всею прелестію очаровательной красоты, и всегда веселая — ласкала меня нѣжными именами дружбы, упоительными лобзаніями любви . . . Проснуся . . . нѣтъ ея! . . . О, сколько было поэтическихъ, неясныхъ, но милыхъ фантазій въ моихъ сновидѣніяхъ, и сколько грусти наяву! . . . Но время,

мало по малу, начало осушать мои слезы, усмирять мои вздохи. Занятія, необходимыя въ моемъ состояніи, также развлекали мою задумчивость, и спустя два мѣсяца, я могъ уже точно выполнять свои обязанности . . . Но въ замѣну, меня посѣтила другаго рода любовь. То была какая-то тихая, безмятежная приверженность къ *ней*, то было вѣрованіе души въ свое благополучіе, и смиренное, теплое моленіе о скоромъ свиданіи . . . То была любовь, которая услаждала мое одиночество, награждала мои труды и горѣла въ тусклой дали будущаго отрадною звѣздой путеводительницей . . . Прежде я любилъ Катеньку не думая о послѣдствіяхъ: теперь, привязанность моя желала бы имѣть счастливое окончаніе; теперь на любовь простирались благородные, хотя и робкіе виды . . . „Мнѣ не долго остается кончить курсъ . . . а тамъ . . . *она* еще молода . . . родители ея меня любятъ . . . можетъ быть . . .“ И я не доканчивалъ своихъ мыслей, и я устремлялъ взоры на небо, и съ тихимъ вздохомъ, иногда со слезою, изливалъ чистыя, теплыя моленія предъ Творцемъ . . .

Время летѣло; миновалась осень и уже зима набросила пушистое покрывало на холодную землю; морозы становились сильнѣе; приближались святки . . . Андрей поговаривалъ, что родители

хотятъ видѣть его на праздникахъ, что приглашаютъ меня, что Катенька здорова и всегда вспоминаетъ Іюльское время . . . При одной мысли, что я опять увижу ее, замирало сердце, и непонятная тоска, какъ тяжелый свинецъ, угнѣтала меня . . . Въ журналѣ своемъ я часто говаривалъ:

„Ѣду опять . . . увижу Катеньку . . . Она одна занимаетъ мою душу . . . Но странныя, подозрительныя грезы, похожія на слова Мефистофеля, тревожатъ меня . . . Сердце мое жаждетъ любви и не терпитъ измѣны . . . Я пріѣду: если она явится дѣвочкой, не умѣющей оцѣнить меня; если и оцѣнивъ, она не отдастъ мнѣ должнаго, если, говорю, будетъ принадлежать другому . . . то что тогда я, и что со мною?! Нѣтъ, не ребяческій лепетъ, не шутка, не игрушка слова мои . . . Я хочу . . . Боже! я хочу любви благородной, святой, основанной на добродѣтеляхъ, на неизмѣнной приверженности другъ къ другу . . . Это чистое желаніе — мольба души, и много горькихъ слезъ пролью я, если не найду желаннаго . . . Я лишенъ счастія покоить голову свою на груди родительской . . . а люди? . . . неужели не замѣнятъ мнѣ всего? . . .“

ГЛАВА X.

Бываетъ время какого-то страннаго состоянія человѣка между счастіемъ и бѣдствіемъ, время какого-то самозабвенія, когда мы страшимся самихъ себя, и не хотимъ ни оглянуться, ни взглянуть впередъ.

Н. Полевой.

Душа замирала; но она жаждала еще разъ увидѣть ту, чье дыханіе было для меня драгоцѣнно, чья юная жизнь составляла отраду и наслажденіе моей жизни... И въ самомъ дѣлѣ, не усладительно ли имѣть въ предметѣ юный цвѣтокъ, прекрасный и пышный, какъ роза эдема, смотрѣть на него ежечасно, любоваться имъ, какъ завѣтною мечтою, видѣть его совершенство, дышать имъ и блаженствовать?.. О, много наслажденій въ чистой любви... но они не даются даромъ!

Андрей настоятельно требовалъ, чтобъ я съ нимъ ѣхалъ. Я далъ слово, съ невыразимымъ безпокойствомъ, и уже почтовая тройка стояла на дворѣ, какъ почталіонъ принесъ Андрею письмо... Я вздрогнулъ... Андрей поспѣшно сорвалъ печать, и читая безпрестанно измѣнялся; то былъ

онъ покоенъ, потомъ появлялась на лицѣ его простодушная улыбка, наконецъ онъ принялъ печальный и пасмурный видъ, и съ глубокимъ вздохомъ свернулъ письмо... „Ѣдемъ!“ сказалъ онъ отрывисто... — Что пишутъ тебѣ? Здоровы ли? — „Здоровы, пошелъ!..“ — Я молчалъ...

Уже мы оставили городъ; предъ нами однообразный зимній путь; вѣтеръ уныло свищетъ, колокольчикъ звенитъ, кони мчатся и взрываютъ копытами мерзлый снѣгъ... Вечеръ печально спускается на землю... безжизненная степь кругомъ ... и мысль невольно холодѣетъ.

„Владиміръ! я имѣю новость; ты ея не слыхалъ“ сказалъ Андрей.

—Такъ услышу, когда ты скажешь. —

„Знаешь ли, что писалъ мнѣ *отецъ* въ письмѣ?“

—Не знаю. —

„Маменьки и сестры нѣту дома.“

—Нѣту дома?...Гдѣ же онѣ? —

„Уѣхали, другъ, къ родственникамъ верстъ за полутораста, и цѣлые праздники не будутъ въ П***... Что ты такъ дико на меня смотришь?.. Владиміръ! ты блѣденъ, ты страшенъ... Боже мой!.. Другъ — дай мнѣ свою руку, — я, къ несчастію, все знаю, все понимаю — и, клянусь

тебѣ, доставлю все, что могу!.. Ты... увидимъ ихъ!...“

—Перестань!.. я выпрыгну изъ саней и уйду назадъ... Ни слова больше! — едва, съ великимъ трудомъ могъ выговорить я, и послѣ того окаменѣлъ!.. Въ душѣ былъ страшный хаосъ: ни одной правильной мысли, ни одного владычествующаго чувства!.. Все смѣшалось и убило меня какою-то тяжелою мукой. По временамъ вырывались невнятныя слова: „вези! вези! я знаю свою будущность!.. Пошелъ!!. Злодѣи — — медлятъ!..“ Андрей молчалъ и съ состраданіемъ взиралъ на болѣзненное состояніе мое.

Воспоминаніе прекраснаго — отрадно; воспоминаніе печальнаго-тягостно... и у меня становится смутно на душѣ, когда припомню состояніе свое въ дорогѣ. Не-даромъ тосковало и замирало сердце... буря и разрушеніе были близки...

Къ вечеру другаго дня мы были въ губернскомъ городѣ, въ которомъ я впервые услышалъ имя прекрасной Катеньки... Пока впрягали лошадей, я вышелъ на крыльцо. Это было наканунѣ Рождества Христова. Народъ суетился, толпился на улицахъ, въ безпрерывномъ движеніи, всякъ за своими нуждами, всякъ ждалъ и приготовлялся къ празднику, надѣясь на радостную встрѣчу онаго...

Колокола благовѣстили къ вечернѣ, гулъ ихъ разносился вѣтромъ повсюду и какъ-то трогалъ, своей особенной гармоніей, мою тоскующую душу... Предо мною лежалъ, какъ на ладони, весь городъ, и тамъ, далече, подъ тѣмъ синѣющимъ небосклономъ, вилась дорога въ П***. „Всего верстъ 40“ думалъ я... „Еще нѣсколько часовъ... и я тамъ!.. А *тамъ* что?.. Кто радостною встрѣчею, веселымъ привѣтомъ согрѣетъ меня?.. Кто оживитъ хладную, осиротѣлую душу?. Кто?.. Ея тамъ нѣтъ... и нѣтъ утѣхи!..“

„И куда стремлюся я?.. О, милыя сновидѣнія протекшихъ дней! гдѣ вы?.. Ужели такъ рано измѣняете вы мнѣ — не зрѣлыя, но свѣтлыя мечты милой юности моей? Ахъ, рано, рано помутился волшебный міръ любви! Въ немъ нѣтъ уже тѣхъ очаровательныхъ видѣній, тѣхъ ненаглядныхъ призраковъ, которые своей волшебной красотою растворяли для меня небо, открывали знакомый очамъ рай...“

И эти 40 верстъ уже пробѣжали одна за другою, обѣленныя инеемъ, какъ гробовыя тѣни, въ вечернемъ сумракѣ... и вотъ вдали заблистали огоньки... Это городъ... Сани быстро пронеслися по мосту... Ахъ, что было съ моею душею!.. Лѣтомъ, бывало, въ цвѣтущій вечеръ, по этимъ доскамъ,

ступала прихотливо милая ножка ея... а теперь!.. Еще мигъ, еще другой — и передъ нами домъ Тронскаго... Друзья и братья минувшей юности! Скажите, чье сердце не дрожало, не замирало отъ радости, видя то жилище, въ которомъ пролетали лучшія, блаженныя минуты вашей жизни, въ которомъ согрѣвали васъ ничѣмъ незамѣняемыя ласки любви и дружбы, гдѣ васъ лелѣяли утѣхой настоящаго и веселили надеждами будущаго?.. О, товарищи, изъ коихъ *многихъ нѣтъ, а тѣ далече,* позвольте отдохнуть мнѣ предъ вами, и положить перо... Не слезамъ, коихъ лишило меня съ давнихъ временъ небо, нѣтъ, эти минуты принадлежатъ тайнымъ воспоминаніямъ грустно-милаго...

ГЛАВА XI.

Блаженъ, кто вѣруетъ!.. тепло ему
на свѣтѣ!

Грибоѣдовъ.

Мы уже въ домѣ. Никто не знаетъ объ этомъ. Входимъ въ комнату Андрея. Слуга поспѣшно раздѣваетъ насъ, закутанныхъ и полузамерзшихъ. „Папенька дома?“ спрашиваетъ Андрей. — Дома-съ — отвѣчаютъ ему. „А маменька давно уѣхала?“ — Барыня-съ? — „Ну, да!“ — Онѣ-съ никуда не изволили уѣзжать — „Какъ? Елисавета Ѳедоровна дома?“ вскричалъ я. — Дома-съ. — „И Екатерина Петровна?“ робко и быстро сдѣлалъ я новый вопросъ. — И онѣ-съ дома — сказалъ лакей съ удивленіемъ. Теперь посудите обо мнѣ .... Я пережилъ эту минуту, чтобъ пережить другія разительнѣйшія... „Дома... Боже мой!.. Дома... Андрей — ты уже готовъ; иди — а я... давайте скорѣй одѣваться!.. Дома!...“

И какъ въ помѣшательствѣ ума, я суетился въ комнатѣ и спѣшилъ пріодѣться, чтобы не дать времени унесть одну минуту моего блаженства. Готовъ, бѣгу... Когда отворилъ я двери въ залу,

вся бывшая тяжесть души мгновенно исчезла. Душа моя будто явилась въ завѣтное жилище, гдѣ ей привольно, сладко и тепло, — гдѣ она не будетъ блуждать, какъ въ чадѣ свѣта, одна, сироткой, гдѣ есть для нея милое, несравненное родство любви и утѣшительныя ласки дружбы.

Зала, въ которую я вступилъ, показалось мнѣ преддверіемъ храма... Въ ней было тепло, чисто, благовонно; у иконъ теплилась лампада, и своимъ таинственнымъ свѣтомъ какъ-то представляла всѣ предметы въ заманчивомъ видѣ... Въ другой комнатѣ было темно, въ третьей мелькалъ свѣтъ, но онъ являлся изъ дверей спальни... Тамъ слышались голоса. Я сперва невольно остановился... и если не могъ выразить ничего словами, за то душею тепло и тихо молился... „Зачѣмъ я роптал на судьбу?" думалъ я. „Теперь, кто въ силахъ выразить мою радость, мое истинное счастіе, мою безпредѣльную благодарность? О, какъ я счастливъ! какъ я много счастливъ!.." И почти со слезами, съ невыразимой утѣхой въ душѣ, я пошелъ далѣе въ комнаты. Тутъ ожидало меня *все*. Первый, кто встрѣтилъ меня, былъ Петръ Семеновичъ. Я его со всею горячностію любящей души прижалъ къ устамъ, спросилъ о здоровьѣ, и потомъ — о супругѣ и дочери. Онъ указалъ на

двери спальни... Трепетно и быстро вступаю въ нихъ... „Боже!.. вотъ мой рай, вотъ мое все!..“ Съ какимъ жаромъ, съ какими чувствами подошелъ я къ рукѣ сперва къ матери, потомъ... потомъ и къ *ней*... О, минута! о, сладостная минута!.. могила не изгладитъ воспоминанія о тебѣ!..

Елисавета Ѳедоровна такъ же радушно и ласково приняла меня, какъ и прежде. А Екатерина Петровна?.. Поймите жъ теперь блаженное состояніе моей души: я очень ясно видѣлъ чрезвычайную холодность на лицѣ Катеньки, но меня это не оскорбило; я даже не думалъ объ этомъ, ибо никакая мысль не могла смутить меня въ сіи незабвенныя минуты. „Она холодно приняла меня“ думалъ я: „что жъ такое? Я ее люблю, я блаженствую чрезъ нее — и къ чему же ропотъ?“

Такъ думалъ я, упоенный счастіемъ, и относилъ холодность Катеньки къ тому, что свиданіе наше было въ присутствіи матери. — Съ утромъ, думалъ я, съ утромъ снова все воскреснетъ! —

Завтрашній праздникъ требовалъ ранняго успокоенія. Я скоро оставилъ Елисавету Ѳедоровну и Катеньку, пожелавъ имъ покойной ночи. Старикъ также ушелъ въ свой кабинетъ: мы остались съ Андреемъ.

—Что, Владиміръ, не пора ли спать? —

„Спать?.. Зачѣмъ?..“

—Завтра праздникъ; обѣдня будетъ рано...

„Праздникъ? а нынче развѣ не праздникъ? Да! нынче преддверіе его... а завтра... о, завтра для меня будетъ великій, свѣтлый праздникъ... Не правда ли, Андрей?“

Онъ горестно взглянулъ на меня.

„Что ты дуешься, обманщикъ?.. Да! зачѣмъ ты сказалъ, что маменька уѣхала?“

—Отецъ писалъ мнѣ, отвѣчалъ Андрей сурово, что маменька выѣзжаетъ; а я, получивши письмо, полагалъ, что онѣ уже уѣхали...

„И слава Богу!.. да, слава Богу!.. Ахъ, вотъ опять это фортепіано, это бюро, эти картины... Да неужели я здѣсь?..“

—Подумай-ка.

„Думать... къ чему думать? лучше *жить*..“

—Живи же ты; а я пойду спать... Прощай — другъ! сказалъ Андрей со вздохомъ и пожалъ мою руку... Долго я не думалъ ни о чемъ... Сидѣлъ, радовался и молился, о, много молился!.. Потомъ въ ожиданіи неизъяснимаго счастія и невыразимыхъ утѣхъ любви — уснулъ, но прежде мысленно поцѣловалъ Катеньку...

ГЛАВА XII.

Старикъ.

Не плачь!.. тоска тебя погубитъ.

Алеко.

Отецъ!.. Она меня не любитъ!..

А. Пушкинъ.

На другой день рано разбудили насъ. Я не спрашивалъ, поѣдетъ ли Катенька къ обѣднѣ, ибо былъ увѣренъ въ томъ; но вошедши въ церковь, съ удивленіемъ замѣтилъ, что мѣсто, гдѣ обыкновенно она молилась, было пусто. „Боже! .. можетъ быть она больна?" съ трепетомъ подумалъ я, и началъ тепло молиться за спокойствіе этой невинной души, этого милаго ангела... Кончилась обѣдня; я подошелъ къ Тронскимъ, поздравилъ ихъ съ праздникомъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ домой. По обыкновенію, всѣ городскіе приходили съ поздравленіями, и зала, почти до самаго обѣда, была наполнена гостьми. „Андрей! что это не видно Катерины Петровны? Здорова ли она?" — Не со всѣмъ, — однако сей часъ выйдетъ. —

И точно, чрезъ двѣ минуты появилась... Ахъ, зачѣмъ и теперь, когда давно, давно уже все кон-

чилось, не могу равнодушно говорить о каждомъ присутствіи ея?.. Она вошла прелестно одѣтая, блѣдная, печальная, съ примѣтами недавнихъ слезъ, милая, несравненная... Такая перемѣна поразила меня... Я подошелъ, горячо поцѣловалъ ея руку, и съ участіемъ спросилъ: „здоровы ли вы?" — Здорова — двусмысленно отвѣчала она... Я пожалъ плечами; хотѣлъ распросить подробнѣе; но эти несносные поздравители, съ ихъ безтолковою любезностію, безпрерывно подходили къ рукѣ и силились, каждый по своему, слѣпить какую нибудь праздничную глупость. Я отошелъ, сталъ подлѣ окна и задумался... Поднявши глаза, я увидѣлъ, что Катеньки уже не было... „Странно!.. О чемъ она грустить?... Ахъ!..." и я невольно схватился за сердце, сильно сжалъ его рукою, будто боясь, чтобъ оно не выдало мнѣ какого нибудь ужаснаго предчувствія... За обѣдомъ ея не было. Я молчалъ; я ждалъ вечера; зналъ, что соберутся гости, будетъ музыка, будутъ танцы — слѣдовательно — тогда все узнаю!.. Несносно было продолженіе времени отъ обѣда до совершеннаго вечера... Я ложился нѣсколько разъ на канапе, но сонъ бѣжалъ меня. Андрей приглашалъ къ знакомымъ, я отказался. Онъ поздно возвратился, но былъ не слишкомъ веселъ. Когда уже подали

свѣчи, я одѣлся, и вошелъ въ залу. Довольно съѣхалось. Каждый привѣтствовалъ меня; я отвѣчалъ тѣмъ же. Знакомымъ дамамъ и дѣвицамъ поклонился; межъ ними была Катенька. Видя, что онѣ сидятъ чинно въ гостиной, я ушелъ сей часъ же въ залу и ждалъ свободы танцевъ. Начались. Подхожу къ Катенькѣ, прошу на французскую кадриль и мазурку. „Извольте.“ За первымъ танцемъ я не сказалъ болѣе трехъ словъ, и то въ родѣ восклицаній. Она упорно молчала. Беру ее и на мазурку, ставлю въ отдаленіи два стула. Катенька отодвигаетъ одинъ изъ нихъ, и садится. Нынѣшній вечеръ далеко не походилъ на вчерашній; я давно уже замѣтилъ все, кипѣлъ, блѣднѣлъ и молчалъ.

„Въ семействѣ вашемъ есть какое нибудь несчастіе?“ спросилъ сурово я.

— Никакого. —

„Такъ въ сердцѣ вашемъ?“

— Ошибаетесь. —

„О, конечно!.. Вы, какъ причина моей ошибки, можете знать это навѣрное.“

— Я васъ не понимаю. —

„А я напротивъ; ошибка всегда научаетъ насъ полезному... Смѣю спросить, кому намѣрены вы, по добротѣ души своей, сдѣлать подобное одолженіе?“

— Вы хотите, чтобъ я оставила мазурку? —

„Нѣтъ! . . пойдемъ танцовать. . . безчувственная обманщица! . . " и я сильно сжалъ ея руку. Катенька смертельно поблѣднѣла и едва кончила туръ.

„Какъ жаль, что мы не на сцецѣ. Тамъ часто у хорошихъ актрисъ не достаетъ только искуства по волѣ блѣднѣть и краснѣть. . . "

— Замолчите, ради Бога замолчите. . . иначе — я уйду отъ васъ. . .

„Молчать. . . Какое наслажденіе! . . О, да замолчитъ же навѣки *все* въ душахъ приверженныхъ къ вамъ и вамъ любезныхъ! . . Я — предрекаю вамъ гибель! . . Извините. "

О, Боже! что сдѣлалось тогда съ моею Катенькой! лице ея поблѣднѣло; глаза закатились; судорожная дрожь пробѣжала по членамъ — и она стремительно схватилась за спинку чужаго стула. . . Мгновенно все пришло въ движеніе. . . Мать ахнула; старикъ вскочилъ изъ-за карточнаго стола; Андрей сурово, но спокойно, подошелъ, поднялъ ее на руки и почти безчувственную вынесъ изъ залы. Я стоялъ держась двумя руками за стулъ, и казалось, одинъ не принималъ участія въ общей суматохѣ. Мазурка прекратилась; дѣвицы всѣ бросились въ спальню. Мужчины спра-

шивали другъ друга причину обморока. Андрей вышелъ съ принужденно-веселымъ лицемъ, и объявилъ всѣмъ, что Катенька угорѣла, что въ комнатѣ, гдѣ она разливала чай, кромѣ самовара, было чадно, и проч. Ко мнѣ — ни слова!.. Я стоялъ, не перемѣняя своего положенія. Не знаю, могъ ли бы кто разгадать тогдашнее состояніе моей души?.. Я видѣлъ, я чувствовалъ, какъ постепенно разрушалось въ ней все прекрасно-милое, все завѣтно-идеальное; какъ разбивался въ дребезги еще недавно очаровательный міръ свѣжихъ фантазій; какъ угасали, одна за другой, несбыточныя надежды, вскормленныя веселыми мыслями юныхъ дней!.. О, страшенъ былъ для души этотъ хаосъ, порожденный внезапною измѣной... Я, казалось, застывалъ, или лучше сказать, я приходилъ въ забвеніе больнаго горячкой, когда бредъ начинаетъ его мучить... Но въ этой шумной тишинѣ, въ этой несвязной тмѣ, иногда звучала и просвѣчивала одна сильная мысль одно горячее чувство: это было желаніе — спасти *ее!* „Если еще не все кончилось?" смутно думалъ я. „Если она невинна? Если есть причины ея холодности?.. Но не сама ли она смѣялась надъ моимъ обманомъ?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Мнѣ еще сладко видѣть *ее*, сладко думать, что въ груди ея, быть можетъ, еще тлѣетъ искра прежняго... Ахъ,

зачѣмъ я такъ любилъ ее?.. Милая, ненаглядная моя!.. ты меня погубишь...“ И я готовъ былъ впасть въ сладкую меланхолію, которая облегчила бы меня, какъ вдругъ по залѣ пробѣжалъ шумъ, и музыка заиграла. Подымаю глаза... Боже!.. *Она, она* опять.. Платье все измято, на шеѣ большой платокъ, блѣдна и печальна... Въ послѣдній разъ, можетъ быть, я смотрѣлъ на нее влюбленными очами и сильно пламенѣлъ... Никогда, чувствую, никогда не любилъ я ее такъ, какъ въ эти минуты. Она казалась мнѣ воскресшимъ ангеломъ, котораго смерть я оплакивалъ; она явилась вполнѣ тѣмъ идеаломъ, который могла создать моя душа... Я любилъ теперь ее всѣми силами, всѣми муками души, и ждалъ, какъ умирающій въ тяжкой болѣзни ждетъ минуты смерти, одного сострадательнаго взгляда, взгляда, въ которомъ могъ бы я прочесть хотя одно равнодушіе, но не холодность и презрѣніе... Ждалъ — и все осталось тщетнымъ!.. Гости разъѣхались; Катенька быстро скрылась; старики разбрелись по спальнямъ... Я остался одинъ. Андрей былъ въ залѣ со мною.

ГЛАВА XIII.

Какъ часто милымъ лепетаньемъ
Иль упоительнымъ лобзаньемъ,
Мою задумчивость она
Въ минуту разгонять умѣла!..
И что жъ?.. Земфира не вѣрна,
Моя Земфира охладѣла!..

А. Пушкинъ.

Зала, изъ шумной и свѣтлой, обратилась въ уединенную и мрачную. Одна только свѣча горѣла на фортепіано, за которымъ сидѣлъ Андрей и тихо наигрывалъ печальныя фантазіи. Я сидѣлъ поодаль отъ него, облокотясь рукою о столъ. Невольно пришло на мысль, что въ этой самой залѣ, четыре мѣсяца только назадъ, все отрадное, все милое и увлекательное окружало и лелѣяло меня... А теперь?.. „Боже! чему же вѣрить, когда въ такомъ невинномъ, по видимому, ребенкѣ, скрывалось столько обмана и кокетства?.. Итакъ — вотъ мои предчувствія, вотъ та дрожь, тотъ ужасный трепетъ, та смертельная тоска, бывшіе у меня при мысли о П***. О, душа моя, душа! Зачѣмъ стремилась ты съ такою жадностію къ доброде-

тели?.. И ты думала найти ее въ пятнадцатилѣтней дѣвицѣ?.. Смерть и могила!.. Зачѣмъ не взяли вы меня въ свои мрачныя объятія? Зачѣмъ я пережилъ лучшую мечту моей юности? Зачѣмъ я существую?.. Еще вчера такъ вѣровалъ, такъ любилъ пламенно и тихо... и что же нынче?.. О, Боже! пути твои неисповѣдимы...

Она была для меня, въ моей бѣдной юности, тѣмъ ненагляднымъ сокровищемъ, существованіемъ котораго я утѣшался и улучшалъ свое существованіе; она была истинное счастіе, посланное благимъ небомъ для отрады жизни моей.. И гдѣ жъ это благо? гдѣ счастіе? кто отнялъ его?.. О, моя, еще милая, несравненная Катенька!.. зачѣмъ ты поступила такъ со мною?..“

И тихія слезы ручьями катились по лицу моему; на душѣ становилось тяжелѣе, тяжелѣе; глубокіе вздохи и рыданія раздирали грудь... Андрей взялъ свѣчу. „Перестань Владиміръ! пора уже спать“ сказалъ онъ и пошелъ въ свою комнату. — Варвары! — прошепталъ я, и машинально послѣдовалъ за нимъ.

Ужасно имѣть и днемъ недоброе на душѣ; но когда потухнетъ свѣтъ, когда все смолкнетъ кругомъ и глаза блуждаютъ во тмѣ: о, тогда еще ужаснѣе изнывать безнадежною тоскою! Она му-

читъ, давитъ и, какъ змѣя, гложетъ немилосердо изнывающую душу... Тутъ нѣтъ уже утѣшеній! Никакая мысль не закроетъ ранъ, не облегчитъ боли!..

Прошло болѣе двухъ часовъ, какъ въ нашей комнатѣ потушена была свѣча, я все еще не спалъ. Сперва плакалъ, горько плакалъ и рыдалъ, какъ ребенокъ. У меня было *все* отнято: все, чѣмъ жилъ, чѣмъ утѣшался, чѣмъ облегчалъ другія страданія... Потеря эта казалась больше потери жизни... Гдѣ я буду жить? съ кѣмъ? для кого? Вотъ вопросы, на которые отвѣтомъ были тяжкія, кровавыя слезы... Наконецъ, я пересталъ рыдать: душа выплакала все, что было у ней священнаго, но тѣмъ не избавилась отъ страданій... Лишенный слезъ, я терзался болѣе... Мнѣ было душно, голова горѣла, грудь будто разтреснулась, и жаръ нестерпимо жегъ всю мою внутренность. Я сталъ метаться изъ стороны въ сторону, рвалъ на себѣ одежду, стоналъ... Разбудило ли Андрея мое безумство, или онъ съ вечера наблюдалъ за мною, какъ бы то ни было, онъ не спалъ.

—Владиміръ! милый другъ мой! перестань терзаться... утѣшься! —

Отвѣта не было; удушливые стоны продолжались.

— Воскреси въ прошломъ. . . Еще не все погибло. . . Послушай, другъ. . .

И малѣйшаго знака вниманія не было замѣтно.

— Владиміръ ! ты не хочешь слушать ! Пойми же все изъ одного слова: *Испытаніе*. . .

Казалось, это слово ножемъ врѣзалось въ мою душу. Я вскочилъ.

„Кто смѣетъ издѣваться надо мною? Ты — *другъ-предатель* ! . . Бойся утѣшать меня игрушками: — я умѣю показать, что я не ребенокъ. . . *Испытаніе* ! . . ха, ха, ха ! . "

— Боже ! онъ не хочетъ вѣрить ! . Онъ помѣшался. . .

„На — посмотри, сколько было благородства и любви въ этомъ сердцѣ ! . . какая святыня въ немъ созидалась !.. И что жъ теперь? Груды пепла, обломки, развалины того міра, въ которомъ свѣтлѣлъ небесный пламень ! . . И вотъ твое *испытаніе* ! . . Одни презрѣнныя, низкія души не вѣрятъ благородству. . . Я любилъ вѣрою, а меня, какъ послѣдняго раба, испытываютъ въ честности. . . Испытаніе ! ха, ха, ха ! . ."

— Если такъ, сказалъ Андрей печально, не вини же, по крайней мѣрѣ ее. . . Я, я по своей безразсудной фантазіи, одинъ всему виною. Выслушай.

„Я ничего не хочу знать."

— Владиміръ! вспомни — она моя сестра. Мнѣ дорого ея спокойствіе, ея счастіе... Я лучше все знаю. Бѣдненькая!. Она ни въ чемъ не виновата предъ тобою, и если ты не вѣришь словамъ — на, прочти это письмо.

Начинало разсвѣтать; окно наше, обращенное къ Востоку, не было затворено ставнемъ. Слабый свѣтъ пробивался въ него, и въ комнатѣ предметы можно было различать очень явственно. Андрей хотѣлъ вздуть огонь.

„Ненадобно; я прочту и безъ свѣчи."

Андрей вынулъ изъ дорожней шкатулки письмо, то самое, которое онъ получилъ предъ отъѣздомъ, и подалъ мнѣ его. Дрожащею рукою я развернулъ его и прочелъ:

Любезный Братецъ!

„Послѣднее письмо твое, вмѣсто ожидаемой радости, навело на меня тоску и печаль... Подумай, милый, на что ты меня принуждаешь?.. Не довольно ли, что я четыре мѣсяца никому изъ подругъ не говорила о немъ, что я хранила сама отъ себя всѣ мои чувства? Соглашаюсь съ истиною словъ твоихъ: мнѣ, точно, рано думать о подобномъ... Но не ты ли самъ говорилъ, что мы не властны надъ собою? Подруги мои считаютъ меня ребенкомъ, и не многія изъ нихъ выска-

зывали мнѣ свои тайны. Ахъ, милый другъ мой! какъ радовалась я, что и съ моей стороны не было причины къ подобнымъ открытіямъ... Но возвратимся къ письму твоему. Ты говоришь, что Владиміръ Андреевичъ молодъ, вѣтренъ и легко можетъ забыть меня. Можетъ быть это и правда: въ такомъ случаѣ на что и испытывать?.. Ахъ, зачѣмъ я произнесла это слово? Я не люблю его... оно мнѣ вовсе не нравится и дышитъ чѣмъ-то... чѣмъ-то дурнымъ. Прости меня, милый. Я постараюсь, хотя пополамъ съ печалью, какъ нибудь исполнить твое намѣреніе... Не знаю почему, но я боюсь чего-то... Пріѣзжай скорѣе... скорѣе... Папенька и маменька здоровы, ждутъ тебя къ празднику. Конечно — они кланяются Владиміру Андреевичу и просятъ его пріѣхать вмѣстѣ съ тобою... Ахъ, если бы ты зналъ, какъ замираетъ мое сердце при этой мысли!. Онъ опять будетъ у насъ... и скоро! Когда бъ было все по прежнему!.. Я часто его вижу во снѣ такимъ печальнымъ, сумрачнымъ, и все будто онъ убѣгаетъ меня... А можетъ быть это есть и на яву... О, нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь ненадо снамъ вѣрить?.. Прости, милый, неоцѣненный братецъ!.. Ты говоришь, это все послужитъ къ лучшему, — я вѣрю и повинуюсь тебѣ. Цѣлую тебя много, много разъ... Пусть сохранитъ васъ Богъ.

Вѣрная твоя сестра

Екатерина Тронская."

Это письмо было для меня то же, что слова человѣку, который низвергнулся въ глубочайшую

пропасть: „не упади ты въ бездну — и ты былъ бы въ небѣ..." Я покачалъ головою, свернулъ письмо, и отдавая, сказалъ:

— Все равно! У меня теперь нѣтъ надежды ко спасенію... Все утрачено!.. Ты видѣлъ мои страданія! Все, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ любви и вѣрованія было сохранено въ душѣ моей, одинъ несчастный день, одна ужасная ночь все поглотила... Да притомъ — и я самъ ужаснулся мысли своей — да притомъ, кто могъ такъ искусно притворяться, что онъ меня не любитъ, тотъ легко можетъ притвориться, что онъ меня любитъ! а дважды — я не хочу быть обманутымъ... У меня нѣтъ теперь любви, потому, что нѣтъ вѣры... Кто бы ни былъ виноватъ — для меня все равно...

Андрей молчалъ; но по лицу замѣтно было, что въ душѣ его происходило многое... Я былъ въ странномъ состояніи. Я не зналъ — во снѣ ли это, на яву ли это; ощущалъ только какой-то хаосъ, какую-то безнравственную пустоту, какое-то дикое похмѣлье... Старался забыться; легъ — и вмѣсто сна, прометался въ какомъ-то смутномъ видѣньи, въ несвязныхъ грезахъ, темныхъ и безпокойныхъ, пока наконецъ совершенный день не освятилъ полъшара земнаго.

ГЛАВА XIV.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе . . .

А. Пушкинъ.

День, послѣдовавшій за этою ужасною ночью, былъ для меня нестерпимымъ . . . Знаете ли вы то состояніе души, когда ей все окружающее, все видимое и воображаемое, кажется несноснымъ, неумѣстнымъ, пустымъ? . . Я ходилъ изъ комнаты въ комнату, перелистывалъ то одну, то другую книгу, заговаривалъ съ однимъ, не доканчивалъ, нѣсколько разъ собирался выйти изъ дому куда нибудь, но лишь только выходилъ за-ворота, какъ проклиная міръ, снова возвращался, чтобъ проклинать людей . . . Въ продолженіе цѣлаго дня, я не взглянулъ, не заговорилъ съ Катенькой; да кажется, что и не думалъ о ней. На сердцѣ лежалъ камень . . . Старикъ замѣтилъ мое состояніе, спрашивалъ причину: я говорилъ, что нездоровъ. „А вотъ поѣдемъ завтра къ сестрѣ, въ деревню,—тамъ ты выздоро-

вѣешь...“ — Лучше въ гробъ, думалъ я, чѣмъ въ эту деревню! — и вечеромъ сказалъ Андрею, что хочу ѣхать завтра изъ города въ ***ъ.

— Послушай, Владиміръ! Я любилъ тебя и моя привязанность погубила, быть можетъ, много драгоцѣннаго... Но если ты имѣешь хотя что-нибудь товарищеское, умоляю тебя, останься хоть до Новаго года.

„Развѣ ты желаешь, чтобъ я сошелъ съ ума? Развѣ не видишь, что мнѣ мучительны эти мѣста, какъ злые укорители моихъ заблужденій? Развѣ не довольно я страдалъ? Грудь моя болитъ; сердце выжжено муками; а душа... душа!... О, какъ въ ней пусто и холодно!.. Перестань, не раздражай меня, не требуй ничего... я ни передъ кѣмъ теперь не умѣю дать отчета!.. Хочешь ли вывесть меня изъ этаго забвенія? Хочешь ли, чтобъ я подумалъ о моей участи?.. Нѣтъ! ты еще человѣкъ! И такъ—солги, что я долженъ непремѣнно, завтра или послѣ завтра, ѣхать отсюда... Однимъ словомъ — устрой все, какъ знаешь: я не могу теперь думать. Но послѣ завтра ѣду — и *никто* меня не удержитъ.

— Хорошо — рѣшительно произнесъ Андрей.

И вотъ я на другой день, не знаю какъ, очутился въ деревнѣ, въ домѣ тетки Андрея, съ

которою я одинъ разъ только видѣлся... Не помню ни лицъ, ни дѣйствій меня окружавшихъ. Знаю только, что я какъ-то нечаянно подошелъ къ окну. Предо мной была печальная картина: необозримая, хладная, снѣговая степь, на которой взоръ не могъ отыскать ни сухаго дерева, ни растенія, ни былинки... Все было мертво, лишь только безжизненное солнце, склонившись на западъ, мерцало печально, будто лишенное стужей и блеска и теплоты своей...

Долго, какъ помѣшанный, смотрѣлъ я на эту хладную природу и, казалось, умъ мой находилъ въ ней что-то схожее съ моею участію... „Холодно... солнце не грѣетъ... Кто отнялъ у него теплоту?.. Куда утекаетъ оно? Горизонтъ безмятеженъ, а жизни въ немъ нѣту... Стужа... О, какъ холодно вездѣ!..“ И я опять, задумавшись, безсмысленно взиралъ на багровую полосу, которая замѣнила кровавый шаръ солнца... Сумерки наступали... я забылся...

„О чемъ вы задумались?“ сказалъ кто-то близь меня. Машинально поворотилъ я голову въ ту сторону, откуда слышался вопросъ.

„Владиміръ Андреевичъ! Вы какъ-будто не узнаете меня... О чемъ вы думали?“

— Думалъ? о чемъ я думалъ?.. Не знаю...

„Вы не знаете . . . Боже мой, какъ измѣнились вы въ два дни! . .

— Что жъ удивительнаго здѣсь? —

„И вы такъ холодно, такъ сурово говорите . . . и кому же? Развѣ не знаете, что душа моя не измѣнялась для васъ?“

— Гмъ! . . Странно! . . Думаете ли вы, что оживетъ убитый, хотя убили его и нечаянно? . .

„Боже мой! Боже мой! . . Какія ужасныя мысли! . . Владиміръ Андреевичъ! ужели невозвратимо минувшее? . . Вспомните . . . подумайте . . .“

— Чего хотите? . . Куда вы зовете меня? . . —

„Я знаю вашъ умыселъ . . . Вы завтра намѣрены ѣхать . . .“

— Да; и поѣду. —

„Нѣтъ, вы этаго не сдѣлаете! . . Вы будете жить съ нами . . . проведемъ вмѣстѣ праздники; весело встрѣтимъ Новый годъ . . . и можетъ быть надежда опять оживитъ сердца наши . . . Зачѣмъ преждевременная печаль? . .“

— Утѣшайте себя, чѣмъ хотите! У меня отняли прошедшее и будущее, — слѣдовательно — у меня нѣтъ надежды! . . .

„Владиміръ Андреевичъ!“ произнесла Катенька слабымъ, дрожащимъ голосомъ, и послѣ этого послѣдовало молчаніе . . . . „Я любила васъ . . .“

— Я васъ боготворилъ — отвѣчалъ я равнодушно.

Слезы полились у ней градомъ; она закрыла глаза платкомъ и рыдала . . . Я терзался, но не могъ любить . . .

„Сколько дней сладостныхъ сулило мнѣ время . . . Мечты рисовались такъ очаровательно! . . Я предвидѣла грозу и съ трепетомъ повиновалась брату . . . Увы! . . чего мнѣ стоило притворство! . . Но я не могла думать, чтобъ изъ этого готовилась мнѣ могила . . .“

И она сильнѣе прежняго зарыдала . . . Я стоялъ, какъ убійца; въ душѣ ворочалось страшное . . .

„Я не смѣю ласкаться къ вамъ“ начала она опять; „но, въ послѣднія минуты нашего свиданія, прошу у васъ одного: не презирайте ту, которая унесетъ съ собой въ могилу непритворную любовь къ вамъ . . . Простите . . .“

Минуты три она еще стояла предо мной, безъ движенія, безъ дыханія . . . Я походилъ на палача, который долженъ прекратить жизнь любимой жертвы . . . Я молчалъ — и все кругомъ молчало, какъ въ могилѣ . . .

„Простите“ тихо, выразительно и жалобно сказала Катенька, и, закрывъ лице, медленно удалилась въ другія комнаты . . .

Что дѣлалось со мной!.. Какъ истуканъ, смотрѣлъ я въ слѣдъ ея, не зная самъ, что все это значитъ... Вдругъ, когда она скрылась, мнѣ сдѣлалось душно... Казалось — свинцовая гора упала на мою душу... Кругомъ было темно, тихо, страшно — и я стремительно бросился къ дверямъ... на крыльцѣ попался мнѣ лакей.

„Гдѣ Андрей Петровичъ?“ спросилъ я его.

Лакей изумился. — Развѣ вы не ѣздили съ нимъ? —

„Куда?“

— Къ Зорскому — верстахъ въ 3-хъ отсюда.

„Нѣтъ. А Елисавета и Анна Ѳедоровны?“

— Онѣ у сосѣдки-съ, еще съ самаго обѣда. Барышня-съ дома; пожалуйте... — И онъ отворилъ двери.

„Дуракъ“ произнесъ я. Лакей пожалъ плечами.

Вдругъ подъ крыльцо подъѣхали сани; изъ нихъ выскочилъ Андрей.

„Ну, Андрей! время все окончить.“

— Да вѣдь завтра же? —

„Нѣтъ, ни минуты! Дай мнѣ своихъ лошадей; и если не хочешь проводить меня въ городъ — я одинъ поѣду“

— Боже мой!.. Ѣдемъ. Петръ! Скажи маменьки, когда пріѣдетъ, что Владиміръ Андреевичъ забо-

лѣлъ, и что я повезъ его въ городъ. — Ну, милый Владимiръ — простися съ папенькой; скажи, что ты получилъ письмо, по которому немедленно долженъ ѣхать въ *** ъ. Остальное — я все устрою.

„Благодарю, другъ мой. Но еще одна просьба. Сдѣлай одолженiе — въ остальное время нашего товарищества (его ужъ не много!), не напоминай мнѣ ни о чемъ... Слышишь — ни о чемъ!..“

— Все, все исполню... А она?.. — сказалъ Андрей самъ себѣ, и крѣпко задумался...

Странное дѣло: мнѣ и въ мысль не приходило обвинять Андрея, хотя онъ былъ виною моего несчастiя... Удивительно, какъ иногда одна пустая фантазiя, одинъ необдуманный поступокъ, сдѣланный на-вѣтеръ, влечетъ гибельныя послѣдствiя... Но подобныя мысли не приходили тогда мнѣ на умъ, разслабленный и потемненный... Тяжелое мое забвенiе, или лучше сказать, помѣшательство продолжалось.

Мы подъѣхали къ городу. Чрезъ два часа, меня полубольнаго, полусумасшедшаго, уже мчала тройка вновь изъ города.

ГЛАВА XV.

. . . . . . Окны мѣломъ
Забѣлены. . . хозяйки нѣтъ;
А гдѣ? Богъ вѣсть! простылъ и слѣдъ!

А. Пушкинъ.

Не унывай! Минувшее съ тобою;
Незрима я, но въ мірѣ мы одномъ. . .
Будь вѣренъ мнѣ прекрасною душею,
Сверши одинъ *начатое* вдвоемъ.

В. Жуковскій.

Невидимо пролетѣли два года. . . Два года! Сколько перемѣнъ на земномъ шарѣ, сколько перемѣнъ и въ жизни человѣка! . . Я уже кончилъ курсъ, поѣхалъ на Югъ — броситься въ родныя объятія милыхъ, потерялъ свою дикость, сдружился съ тихою меланхоліею — и снова полюбилъ. . . Но это была любовь къ прошедшему, любовь въ прошедшемъ, это былъ какой-то тайный лепетъ души, которая, подобно замерзшему ручью, долгое время молчала; но стужа миновалась, солнце пригрѣло, ледъ оттаялъ, и тихія воды снова журчатъ своей несравненной мелодіею. . . Забытыя черты *ея*, мало-по-малу, начали сливаться въ моемъ воображеніи въ знакомый образъ; образъ этотъ при-

водилъ на память сердца тѣни минувшаго; онѣ, воскресая и оживляясь, родили любовь. И вотъ душа моя переродилась, или лучше сказать, души моей весна снова начала разцвѣтать. . .

Скоро мнѣ нужно было покинуть милую родину, гдѣ я безпечно и сладостно дремалъ подъ сѣнію родительскаго крова — и ѣхать далече отъ Юга, на Сѣверъ. Къ грусти разлуки присоединилась грусть о *ней*. . . Гдѣ она, что̀ съ нею, я ничего не зналъ. Наканунѣ моего отъѣзда, я слишкомъ былъ печаленъ. . . „Безмѣрная даль, думалъ я, разлучитъ меня, быть можетъ, навѣки съ престарѣлыми родителями и я ихъ не увижу. . Ее давно уже привыкъ считать чужею, товарищей нѣтъ. . . что жъ останется мнѣ? что утѣшитъ меня?" Тотъ, кто разлучался, подобно мнѣ, со всѣми радостями, у кого отнимали отъ души все милое: тотъ пойметъ тягость моихъ страданій. . .

И вотъ послѣдняя ночь на родинѣ наступила. Долго я не спалъ, тревожимый непонятнымъ чувствомъ; наконецъ мысли мои отуманились, и я забылся. Вотъ сновидѣнія: какое-то дикое, пустынное мѣсто, покрытое колючимъ кустарникомъ, изсохшею травою, сухими пнями, безлистными деревьями; кругòмъ — печальная мгла; нѣтъ нигдѣ ни тропинки, ни слѣда человѣческаго. . . Я ски-

таюсь тутъ одинокъ и силюсь выбраться. . . но все, чѣмъ дальше — деревья гуще, кустарники больше. . . Вдругъ — подъ стопами скала. . . Гляжу: внизу море. . . даль его покрыта туманомъ. . . тихо. . . едва едва плещетъ сонная волна о скалу, но въ этомъ плескѣ слышится какая-то жалобная пѣснь. . . И я задумчиво остановился у стремнины. . . и хотѣлъ уже броситься въ воду, какъ кто-то удержалъ меня. „Еще рано" раздалось надо мною; голосъ звучалъ привѣтно. . . я затрепеталъ. . . Душа не ошиблась: то была *она*. Безмолвно, съ отраднымъ удивленіемъ, вперилъ я въ *нее* очи. . . и на лицѣ ея просіяла улыбка.

„Видишь, я нашла тебя" промолвила она привѣтно. „Долго, сироткой, бродила одна по свѣту. . . Но мы не разлучались. . ."

— Милая — ужели опять наше счастіе? сказалъ я, трепетно схвативъ ея руку. Но она была холодна, какъ мраморъ, и я съ ужасомъ опустилъ ее.

„Ты не вѣришь? Да — не вѣрь! . . вѣдь это сонъ. . . Мы наяву будемъ жить отраднѣе. . . Посмотри. . ." Вдругъ лице ея помертвѣло, глаза упали, и она, какъ трупъ, свалилась въ море. . . У меня замеръ голосъ, члены онѣмѣли. . . Въ это жъ мгновеніе солнце ярко блеснуло на гори-

зонтѣ, глыбы тумана развѣялись, небо прояснилось; надъ головою моею носилось роковое *прости*. . . Тщетно я старался броситься въ слѣдъ за нею. . . ноги мои были прикованы. Въ ужасѣ, собралъ я послѣднія силы, рванулся — — и пробудился. . .

Какой переходъ отъ сновидѣній къ вещественности! Первое, что глаза мои увидѣли, сильно поразило меня. . . Чрезъ растворенное окно виднѣлось море; надъ нимъ, разсыпаясь въ лучахъ, горѣло солнце; прекрасное лѣтнее утро вѣяло свѣжимъ воздухомъ. И потомъ — оборачиваю взоры. . . добрая, нѣжная мать сидитъ у моего изголовья, и тихо плачетъ, скрывая слезы. . .

— Матушка! вскричалъ я. Это вы? . .

Она молчала.

— Боже! . . Ахъ, нынче надо ѣхать. . . — тревожно произнесъ я.

„Спи, душа моя, спи! . . Еще рано. . " и слезы опять заблистали на глазахъ ея.

Еще рано: эти слова поразили меня.

— О, нѣтъ. . . сказалъ я, силясь одолѣть волненія. . Теперь я не засну. . . Мнѣ грезился такой странный сонъ. . . Ахъ. . .

„О чемъ, мой другъ, ты безпокоишься? . . *Не вѣрь, вѣдь это сонъ*. . "

Вообразите же мое удивленіе, когда я чрезъ двѣ минуты послѣ сна, слышалъ повтореніе тѣхъ же самыхъ словъ!.. Желая прекратить эту непріятную странность, я сказалъ, что рѣшительно не хочу спать.

„Ну, до свиданія" произнесла мать съ грустной улыбкой и нѣжно поцѣловала меня. Я облилъ слезами невыразимой любви ея руку.

„Смотри же, Володя, прощайся съ нами до свиданія; не говори этого ужаснаго *прости.*" и съ улыбкой погрозивъ мнѣ, скрылась.

— Боже!.. что это?.. думалъ я. О, бѣдное мое сердце! познавай земное, познавай!.. Вотъ оно, неумолимое, наступило... Учись переносить его...

И сжавъ трепетаніе въ груди — я вынесъ ужасныя минуты печальной разлуки, разлуки съ родными, съ домомъ, съ дѣтствомъ, которое здѣсь началось, развертлось, манило прелестями жизни, и здѣсь же погибло разочарованное...

А родители!.. О, неприкосновенная святыня родства! Кто скуднымъ словомъ опишетъ твои святыя узы, твою простую, тихую, но драгоцѣнную любовь, твои горькія потери и ничѣмъ неутѣшныя печали?...

Это было 20 Августа 18.. года, въ Четвергъ. Чрезъ недѣлю я былъ уже въ ***ѣ. Толпа воспоминаній о минувшей юности, о веселыхъ дняхъ Студенческихъ, о товарищахъ и братьяхъ, на нѣсколько минутъ обрадовала и усладила мою душу; но зазвенѣлъ колокольчикъ, ямщикъ тронулъ лошадей, и мечты разсѣялись и отлетѣли... Казалось, судьба отнимала у меня все, чѣмъ могъ я утѣшаться, чѣмъ гордился!

Чрезъ два дня, я былъ уже близь тѣхъ мѣстъ, гдѣ впервые позналъ небо, и вмѣстѣ — всю невыгоду, всю непрочность земнаго... Глаза мои бѣжали впередъ; казалось, душа хотѣла отгадать, что ожидаетъ меня тамъ... Предчувствія сжимали сердце, но я не хотѣлъ вѣрить имъ; и понуждая ямщика гнать лошадей, внутренно досадовалъ, что тройка мчится быстрѣе птицы. Былъ четвертый часъ вечера; сумрачно, грязно и дождикъ накрапывалъ... Вотъ и городъ... „Куда прикажете?“ спрашиваетъ ямщикъ. — Въ домъ Городничаго — И онъ повернулъ направо отъ моста. „Куда же ты? Пошелъ налѣво!“ Ямщикъ пожалъ плечами и повиновался... Еще, еще одна улица— и мнѣ откроется домъ... Лечу... вотъ онъ!.. Что значитъ? Ставни закрыты... Но ворота не заперты — слѣдовательно тутъ живутъ — пошелъ!..

Услышавъ колокольчикъ, изъ кухни вышелъ старикъ, за нимъ горничная дѣвушка. Они съ удивленіемъ взирали на меня.

— Боже мой, Господи! Да это никакъ Владиміръ Андреевичъ? Здравствуйте батюшка! откуда изволите?...

„Ахъ, братъ, издалече... Здравствуй Аннушка! Что это! Гдѣ же господа̀?.. вѣрно въ деревнѣ?..“

— Да-съ — печально отвѣчалъ старикъ. Я немного успокоился. Мнѣ хотѣлось, прежде всѣхъ распросовъ, войти въ комнаты, и я сказалъ старику, что пока лошадей впрегутъ, я буду у нихъ въ домѣ...

— Да для̀-чего же не такъ? Извольте, батюшка; теперь здѣсь просторно и намъ будетъ веселѣе...

„Гдѣ же Семенъ, Петрушка, Аксинья? У васъ что-то пусто на дворѣ...“

— Всѣ тамъ, Владиміръ Андреевичъ, всѣ въ деревнѣ съ господами. —

Между тѣмъ, я велѣлъ отворить ставни, и вошелъ въ домъ... Праведный Боже!.. Что говорить объ этомъ? Что было тогда со мною!.. Безмолвно остановился я среди залы... Казалось, я долго, долго спалъ, и сонъ мой былъ крѣпко встревоженъ, потому, что впечатлѣніе его не изгладилось... Мнѣ казалось, что я воскресъ въ

прежнемъ мірѣ, только существа, которыя его наполняли, недавно удалились куда-то . . . Все было по прежнему . . . Я заглянулъ въ кабинетъ Тронскаго — тамъ не было кровати и его любимаго бюро . . . Что это значитъ? . . Далѣе — спальня вся пуста, дѣвичья тоже? . . Я изумился . . . Прохожу портретную — все на мѣстахъ; только одинъ новый портретъ задернутъ чернымъ флеромъ . . . Это опять поразило меня, но я всякое разсужденіе и разгадываніе отдалялъ отъ себя . . . Вдругъ вошла Аннушка, любимая порничная Катеньки.

„Что жъ ты оставила барышню?" скоро и трепетно сказалъ я, и какъ-бы боясь какого нибудь страшнаго отвѣта, не далъ ей говорить, и снова спросилъ, стараясь казаться покойнымъ: „Вѣрно господа̀ надолго уѣхали въ деревню? Тутъ многія комнаты совершено пусты."

— Они навсегда перебрались отсюда. —

„Какъ? Со-всѣмъ? Давно?"

— Дней пять. —

„Да развѣ Петръ Семеновичъ въ отставкѣ?"

— Въ отставкѣ-съ. Они-съ недавно пріѣхали изъ Петербурга.

„Изъ Петербурга? Зачѣмъ же онъ ѣздилъ туда?"

— Отвозили барина Андрея Петровича...

Послѣ этого послѣдовало молчаніе. Я боялся, я страшился расправшивать далѣе.

Наконецъ, дѣвушка начала, какъ-бы собравшись съ духомъ.

— Что жъ Владиміръ Андреевичъ, вѣрно вы не хотите ничего знать о барышнѣ?... Бѣдняжка... хоть немножко бы подождала... — И Аннушка начала плакать...

Еслибъ можно было, я прекратилъ бы навѣки слова ея, потому, что они, какъ дикіе враны, вѣстники гибели, впились въ мою душу... Кровь застывала въ жилахъ ... я молчалъ.

Ахъ, Владиміръ Андреевичъ!.. Зачѣмъ скрывать это горе?.. Нашей барышни, милой барышни уже нѣтъ больше на свѣтѣ...

„Что ты говоришь?" вскричалъ я, вскочивши.

— Она умерла...—тихо произнесла Аннушка, и залилася слезами...

„Боже, Боже мой!.. Теперь— все кончилось!"

И я въ изнеможеніи упалъ на стулъ... Не знаю, былъ ли то обморокъ, или камень горести убилъ всѣ силы и чувства, только я ничего не помнилъ, нечего не видѣлъ ... Страшно хрипѣла грудь, слезы не капали...

Въ комнатѣ была мертвая тишина.

— Она до послѣдней минуты все вспоминала васъ ... все говорила: ахъ, когда-то я его увижу!? — рыдая произнесла Аннушка.

Она?.. Этому правда?.. А я... О, Боже! Дай мнѣ слезы, пошли облегченіе!.. Катенька! Катенька!...

Двѣ, три крупныхъ слезы выкатились на горящія щеки мои.

— Ужъ какъ плакалъ баринъ!.. Сердечушка— какъ пріѣхалъ, не отходилъ отъ постели... Все сидитъ да плачетъ... Всѣ лекаря изъ губерніи пріѣхали — да не помогли!.. Такъ видно Богъ судилъ!...

„Перестань, Аннушка, перестань!.. Ради Бога, замолчи... Да! Когда она умерла?..“ быстро спросилъ я.

На прошлой недѣлѣ въ четвергъ, на зарѣ — какъ-разъ!..

„Четвергъ? — на зарѣ? — 20-го числа... Такъ!.. я ее видѣлъ... То она, она!.. О, ангелъ небесъ! ты являлась мнѣ!.. ты не забыла меня бѣднаго... А я?.. О, гдѣ найти избавленіе отъ этой муки?.. Боже! Боже!..“

И я опять впалъ въ мучительную безчувственность.

—Владиміръ Андреевичъ! Вы можете еще видѣть ее...

„Гдѣ? гдѣ? говори... въ могилѣ?.. Да! я пойду къ ней!.. На могилѣ усну непробудно вмѣстѣ съ нею... О, Катенька!..

— Могила ея не здѣсь, баринъ, а въ деревнѣ... А вотъ ея портретъ; еще не успѣли перевести всѣхъ вещей. Онъ написанъ незадолго до болѣзни ея.

Аннушка взяла меня за руку. Не зная самъ какъ, въ бреду, перетащился я въ портретную. Аннушка отдернула печальное покрывало и Катенька явилась моимъ очамъ... Боже! Какъ она измѣнилась! какъ похудѣла!.. Но сколько прелестей изображалось на ея ангельскомъ лицѣ!.. Та же задумчивость во взорахъ, хотя не такъ живыхъ, какъ прежде; та же дѣтская невинность, то же чистосердечіе и доброта... Я сѣлъ у камина и долго, долго смотрѣлъ на нее... Слезы лились градомъ; я не терзался уже, и только сѣтовалъ... „Аннушка! уйди на минуту отсюда... уйди! Мнѣ будетъ легче...“

Она повиновалась.

Въ комнатѣ становилось темнѣе; дождь стучалъ въ окна, и каждая капля, упадая на стекло, медленно тянулась по немъ, подобно слезѣ... Вѣтеръ хлопалъ ставнями, гудѣлъ и разносилъ звонъ колокола ближней церкви; кругомъ было какое-то запустѣніе, мгла, могильная тишина..

Я сидѣлъ, задумчиво склонивъ голову на плечо — и горько плакалъ... Казалось, вся природа, утративъ драгоцѣнное существо, плакала вмѣстѣ со мною и творила печальную тризну о душѣ усопшей... Далеко углубленный въ горестныя чувства мои, я, проливая слезы, будто вымаливалъ у судьбы образъ Катеньки моей; но печальный міръ оставался печальнымъ, и новыя, обильныя слезы ручьями лилися изъ очей . . . .

. . . .

— Полноте, баринъ, плакать. —

Я очнулся. Аннушка стояла предо мною.

— Уже давно готова повозка, — сказала она.

„Аннушка! Зачѣмъ ты пришла?"

— Не сердитесь, Владиміръ Андреевичъ... Зачѣмъ убивать себя?.. У васъ вѣдь есть маменька, папенька... Живите-ка для нихъ... Барышнѣ Богъ пошлетъ небесное царствіе... Голубчикъ мой! она отпустила меня на волю; да я и отъ воли отказалась бы, когда бъ она была жива. —

„Добродѣтель въ такихъ лѣтахъ!.. О, чистая душа!... Отнынѣ—если суждено мнѣ жить, пусть вся жизнь моя будетъ посвящена для блага другихъ... Мои родители!.. Итакъ — я не всего еще лишенъ... Милосердый Богъ утѣшитъ меня... Катенька!.. Я буду достоинъ тебя!.. Прости —

о, ангелъ мой — до радостнаго свиданія . . . прости! прости! . ."

Я поблагодарилъ старика управителя и дочь его. Сѣлъ въ повозку, и глаза мои въ послѣдній разъ взглянули на домъ Тронскихъ . . . Навѣки сказалъ я ему прости, ему, гдѣ пережилъ я драгоцѣнное сокровище юности, где схоронилъ мое упованіе на земное счастіе . . . Но надежда на благость небесъ крѣпитъ и доселѣ мое существованіе.

А. Кульчицкій.

1834. Окт.

ОТЦВѢТЪ.

Наконецъ, моя Людмила,
Неожиданна, страшна,
И для васъ ужъ наступила
Сороковая весна!

Вы хотѣли-бъ, можетъ статься,
Быть и нынѣ божествомъ;
Поздно: время расквитаться
Вамъ съ минувшимъ торжествомъ!

Вы не тѣ, что прежде, стали;
Вашей славы дни прошли,
Ваши прелести увяли,
Ваши щечки отцвѣли.

Нѣтъ въ васъ этихъ розъ прекрасныхъ,
Глянецъ вашихъ глазъ потухъ,
И словамъ похвалъ пристрастныхъ
Вашъ не внемлетъ больше слухъ.

Что теперь, моя Людмила?
Вамъ досадно, грустны вы —
Ни румяны, ни бѣлила
Не помогутъ вамъ: увы!

Полевъ.

1834. —

ТУДА! ТУДА!

Лети прямѣй, послушное вѣтрило,
Лобзай мой руль, прекрасная волна...
Мнѣ наслажденье измѣнило,
Дорога въ рай заграждена...
О, вѣйся флагъ надъ бездною морской!
О, сторожи грозу мой вымпелъ длинный;
Тамъ — надъ моей могилою простой
Съ тобою вѣтръ заговоритъ пустынный...
Прощай земля... я радость погубилъ,
Я схоронилъ свои надежды дорогія!...
И милый вихрь плѣнительно завылъ
Въ мои вѣтрила голубыя...
Туда, туда! корабль отважный мой,
Мой лучшій другъ, товарищъ дорогой!..
Лети быстрѣй, послушное вѣтрило!
Плещись нѣжнѣй, прекрасная волна!...
Близка моя прохладная могила,
Какъ ложе дѣвъ приманчива она...

Пл. Рѣдкинъ.

КЪ КИТТИ.

Нѣжныхъ персей колебанье,
Блескъ плѣнительныхъ очей,
И ланитъ благоуханье,
И улыбки рай твоей:
Все въ тебѣ невыразимо;
Съ чудной силой красоты
Ты въ себѣ соединила
Свѣтъ ума и свѣтъ мечты.
И воздушна, и прекрасна,
Сѳерой думъ окружена,
Ты Поэзьи сладострастной,
Недругъ милый, предана.
Надъ тобой сіяетъ мирно
Геній радости твоей,
Онъ ласкается эѳирно
Къ зыби шелковой кудрей . . .
Мнѣ завидно . . . я ревную . . .
Милый другъ! жалѣй меня,
И любовь мою земную,
Жертву перваго огня.
Ты увянешь, — надъ тобою
Плющъ широко расцвѣтетъ,
И другая красотою
Мѣсто праздное займетъ.

Пл. Рѣдкинъ.

1835. Декабрь.

А . . . Ѳ . . . . А — вой.

Скажите мнѣ: гдѣ обитаетъ радость?
Гдѣ вѣчно-юная цвѣтетъ любви краса?
Гдѣ безмятежный сонъ проводитъ младость?
Гдѣ вѣчной радугой обвиты небеса?

Скажите мнѣ: въ какой странѣ далекой
Горитъ Поэзіи прекрасная заря?
Гдѣ грустно геній одинокой
Кладетъ вѣнокъ на пламень алтаря?

Скажите мнѣ: гдѣ пламенныя розы,
Вѣнкомъ обвивъ любви налой,
Какъ сладкія младенческія грезы,
Его кропятъ душистою слезой?

Скажите мнѣ: гдѣ свѣтлыя мечтанья
Плѣнительны порой, какъ влага волнъ морскихъ?
Гдѣ ярко теплится лампада упованья?
Гдѣ нѣтъ скорбей и мукъ мірскихъ?

Скажите мнѣ: въ пустыняхъ океана
Отрадно ли душѣ страданья позабыть?
Въ торжественныхъ лѣсахъ волшебнаго Ливана
Былыя горести отрадно ль схоронить?

Тотъ край знакомъ вамъ, дѣва молодая,
Тамъ ваша родина роскошная цвѣтетъ,
Тамъ вамъ сестра — жилица неземная,
Любовь, какъ вы прекрасная, живетъ.

Скажите жъ мнѣ: надзвѣздный міръ далекой
Святыхъ ли полонъ звѣздъ? межъ нихъ звѣзда моя.
То прелесть дѣвы свѣтлоокой,
То дивныхъ совершенствъ и кротости края. . . .

Пл. Рѣдкинъ.

БОРЪ.

По небу осеннему сизыя тучи
Витаютъ, какъ тѣни; бѣгутъ надо мной,
Какъ будто ихъ кто-то рукою могучей,
Невѣдомый, гонитъ одну за другой.
Предъ мною, за мною угрюмыя сосны;
Одинъ я, безмолвный, межъ ними стою;
И думы тяжелыя, сумрачны, грозны,
Легли, какъ убійство, на душу мою!

Гляжу я на сосны: съ тѣхъ поръ, какъ возстали
Сіи исполины изъ нѣдра земли,
Судьбины превратность не разъ испытали

Народы и царства; вѣка протекли!
И всѣ измѣнились созданья людскія,
И самыхъ не стало людей и племенъ;
А сосны? — какъ прежде, стоятъ вѣковыя,
Стоятъ и смѣются усильямъ временъ.

Быть можетъ, событія міра минуя,
Пройдутъ надъ землей и другія вѣка.
Меня ужъ не будетъ: исчезну, умру я,
Мой прахъ гробовая сокроетъ доска,
И кости подъ нею сотрутся, истлѣютъ. . . .
А сосны? съ стихіями въ вѣчной войнѣ,
Онѣ не погибнутъ, онѣ уцѣлѣютъ,
Тогда, какъ и память угаснетъ о мнѣ!

Все глухо, все дико предъ мною, за мною!
Мертва, непробудна окрестъ тишина;
Лишь кой-гдѣ, качаясь верхушкой сухою,
Ударится съ трескомъ объ сосну сосна,
Да голая вѣтка случайно сорвется,
И падая сверху, по сучьямъ стучитъ;
Да желтый листокъ на землѣ шелохнется;
И снова потомъ все вокругъ замолчитъ. . . .

А тамъ, надъ вершинами сосенъ маститыхъ,
Въ пространствѣ безмѣрномъ гулъ слышенъ глухой;
Завѣтовъ и тайнъ старины нераскрытыхъ,

Преданій погибшихъ вѣщатель нѣмой;
Не молкнетъ онъ вѣчно, на мигъ не стихаетъ;
Всегда неизмѣненъ, суровъ и унылъ,
Надъ боромъ дремучимъ онъ ходитъ, гуляетъ,
Какъ ропотъ усопшихъ, какъ говоръ могилъ!

Вотъ слышится звѣря вдали завыванье,
Вотъ хищная птица несется, кричитъ. . . .
Нарушено дебри угрюмой молчанье!
Но поздній туманъ надо мною разлитъ,
Кругомъ неподвижны высокія сосны;
Одинъ я, безмолвный, межъ ними стою,
И думы тяжелыя, сумрачны, грозны,
Легли, какъ убійство, на душу мою! . . .

Полевъ.

1835. Ахтырка.

ДУЕЛЬ.

Въ 18 . . году вступилъ я въ *** Университетъ. Званіе Студента, бывшее до того времени единственною цѣлію моихъ желаній, помирило меня съ Судьбой; я былъ счастливъ, потому, что хотѣлъ считать себя таковымъ. Говорить ли объ образѣ Студенческой жизни? — Думаю, что это лишнее: кому не извѣстны эти однообразные дни? Посѣщенія Университетскихъ лекцій, веселые, беззаботные часы въ кругу товарищей, предположенія, блестящія надежды, романическіе диспуты о русыхъ волосахъ и стройныхъ ножкахъ, ссоры за перчатку какой-нибудь Эммы въ сараѳанѣ и примиренія, кончающіяся громкимъ откупориваніемъ бутылокъ: вотъ весь объемъ дѣятельности нашего брата. — Болѣе или менѣе покоряясь по-

минутымъ условіямъ, я мирно проводилъ дни и рѣдко, очень рѣдко платился визитами со скукой. Наступила осень. — Природа, какъ покинутая любовница, одѣлась грустнымъ покровомъ постепеннаго увяданія; уныло зашумѣли пожелтѣвшіе листы деревъ; затихли пѣсни счастливыхъ своею бѣдностію поселянъ; съ появленіемъ брюзгливаго Ноября свиданія знакомыхъ становились рѣже, а наконецъ задымился и каминъ. — Съ перемѣною природы измѣнился и образъ жизни моей. — Свободное отъ занятій науками время я оставался дома, порой трудясь надъ лаконизмами Виргилія, Горація и другихъ великихъ Поэтовъ древняго міра; порой изучалъ мнѣнія современныхъ Литераторовъ; иногда же — грѣхъ утаить — уставлялъ повзводно строфы неугомоннаго ямба. Жизнь эта была мнѣ оченъ по-сердцу. — Не объявляя большихъ претензій на будущее, я жилъ прошедшимъ, и былъ доволенъ собою и другими.

Однажды — это было въ началѣ Января — возвратясь изъ дому Графа С., я получилъ разомъ нѣсколько писемъ. — Былъ вечеръ; мятель стучала въ окна, покрытыя кудрявымъ морознымъ инеемъ. — Въ комнатѣ былъ какой-то волшебный полу-мракъ. Не знаю, какъ назвать тогдашнее состояніе моей души: мнѣ было и не грустно и не

весело; я былъ похожъ на куклу, движущуюся по волѣ затѣйливаго художника. Прочитавъ письма, я — какъ-бы пробужденный отъ Летаргическаго сна, предался воспоминаніямъ со всею живостію мечтателя. Годы, какъ пары рѣзваго котильона, мелькали передо мною; въ душѣ моей воскресли всѣ залоги моихъ свѣтлыхъ полу-младенческихъ лѣтъ. — Я былъ грустно-счастливъ, я жилъ жизнію Поэзіи. Часовая стрѣлка подходила къ восьми; самоваръ потухалъ, и мой старичекъ Ѳедоръ нѣсколько разъ просовывалъ въ дверь сѣдую свою голову въ намѣреніи напомнить мнѣ о чаѣ; но видя, что я — *закручинился* — такъ говорилъ онъ всегда, когда заставалъ меня въ такомъ положеніи, — онъ уходилъ, ворча: *когда этому будетъ конецъ*! — Вдругъ послышался звукъ колокольчика. Онъ ближе и слышнѣе ... вотъ подъѣхали къ воротамъ — спрашиваютъ — отворяется дверь — передо мною товарищъ моего дѣтства, нѣкогда неугомонный Студентъ, тогда же Гусарскій Поручикъ — назовемъ его Лонскимъ.

Кто бы ты ни былъ читатель! слова: *товарищъ дѣтства*, безъ сомнѣнія, ясно покажутъ тебѣ радость, какую почувствовалъ я при этомъ свиданіи. Семь трудныхъ, горестныхъ для меня лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ, провожая Лонскаго,

я выпилъ сердечный бокалъ разлуки. Многое перемѣнилось съ того времени: изъ пылкаго, неуступчиваго мальчика — я сдѣлался холоднымъ, расчетливымъ, а слѣдовательно и недовѣрчивымъ юношей; я доживалъ уже двадцать пятую зиму, а еще ни одна весна завѣтной надежды не разогрѣла души моей. — Сколько этихъ фантасмагорическихъ зданій рушились на самаго же меня — объ этомъ послѣ когда нибудь; здѣсь скажу одно, что результатомъ всего прекраснаго, такъ сильно нѣкогда занимавшаго меня, осталась только боль сердца, похмѣлье пирующихъ съ лукавымъ рокомъ. Не стану утверждать, что разочарованіе мое противъ жизни не было слѣдствіемъ гиперболическаго взгляда моего на предметы: быть можетъ, не совсѣмъ правъ и я; только неоспоримо и то, что испытаніе или, лучше сказать, уроки, данные мнѣ жребіемъ, были очень тяжелы. Да, я потерялъ вѣру въ счастіе и теплую любовь къ людямъ, — удивительно ли послѣ этого, что встрѣча съ человѣкомъ, котораго привыкли мы любить съ Гимназическихъ уроковъ, встрѣча нежданная, могла до испуга поразить, обезумить меня? Я не стыжусь признаться въ этомъ; не скрою и того, что эта встрѣча, какъ-бы упрекнувъ меня за мою маленькую неприязнь къ людямъ, въ минуту переродила

меня, влила въ меня всѣ добрыя чувства и заставила снова вѣрить радости — и какой радости! чистой, младенческой! Однако же, М. Государи, вы теряете терпѣніе; вамъ надоѣла моя Философія — не правда ли? Виноватъ! сей часъ къ дѣлу.

Сбросивъ съ плечъ покрытую снѣгомъ бурку, Лонскій прижалъ меня къ груди.

— Здравствуй! братъ! другъ! что! ждалъ ли? думалъ ли видѣть меня такъ скоро? видѣть меня здѣсь, въ колыбели нашего младенчества? —

Холодно, хотя учтиво, принялъ я его привѣтствіе; устремивъ на него глаза, я сдѣлалъ шагъ назадъ и молчалъ. — Чудно! я не узналъ его. Лонскій, этотъ алмазъ моихъ воспоминаній, и Лонскій былъ уже не тотъ, какимъ видалъ я его прежде, за семь лѣтъ. Загорѣвшее лице, рубецъ на лѣвой щекѣ, два пистолета, шашка, заткнутые за богатый Турецкій поясъ, и Орденъ Св. Анны, выглядывавшій изъ-за пуговицы пестрой венгерки: все это измѣняло его и все являло въ немъ мужа, воина, Русскаго офицера.

— Да вымолви хоть слово! — началъ онъ опять, удивленный въ свою очередь моимъ молчаніемъ:— слушай, не знаю, какъ величать тебя... Впрочемъ, будь хоть наслѣдникомъ Индійскаго Могола,

я и тогда скажу тебѣ, что такъ не встрѣчаютъ старыхъ друзей. —

— Александръ! *я* не вѣрю глазамъ своимъ. . . Другъ!.. ты ли? откуда? какъ?..

— Я ли! забавно! Да кто-жъ? развѣ, прости Господи, у васъ нынче время чудесъ, т. е. думаешь ли ты, что какой нибудь рогатой влѣзъ въ мою шкуру и пришелъ пугать тебя? *я ли*! Ну, cher ami, провались ваша премудрость въ омутъ, если она выгоняетъ изъ вашей памяти товарищей.

Обнявшись снова, нѣсколько минутъ мы молчали. — Сердца наши были такъ встревожены, такъ упоены; они слились въ одно цѣлое, нераздѣльное — въ дружбу. — Медленно, томительно проходитъ свинцовое время разлуки; но быстро, незамѣтно, подобно звукамъ отрадной сердцу молитвы младенца, утекаютъ часы свиданія съ другомъ. Было уже далеко за полночь, а мы все еще недумали о снѣ. — Мы говорили. . . о чемъ неговорили мы! Воспоминанія уносили насъ то въ волшебный міръ дѣтства, то въ область кипучей, какъ пѣна Токайскаго, юности; первыя шалости, первыя надежды, вздохи и неразгаданныя еще желанія, удачи и неудачи Гимназической любви; словомъ: ничто не было забыто нами.

— Но скажи, Лонскій, началъ я послѣ сотаго пожатія у него руки; скажи, ради Бога, какіе вихри занесли тебя ко мнѣ, въ нашъ грязный, несносный городъ? —

— Да, забавно! въ десятый разъ спрашиваешь ты меня объ этомъ и все не добьешься отвѣта. Не вихрь, а воля начальства примчала меня къ тебѣ. Здѣсь назначена квартира нашему полку и, кажется, прогостимъ у васъ долго. —

— Право!.. очень мило!

— Развѣ ты не слыхалъ этой новости? —

— Слышалъ такъ, мелькомъ; но я не зналъ, какой именно Гусарскій полкъ придетъ сюда. —

— Я познакомлю тебя съ товарищами моего ремесла. — У насъ, братъ, офицеры хоть куда.

— Еще вопросъ: гдѣ Сульскій и Долинъ; я помню ты писалъ, что служишь въ одномъ полку съ ними? —

— Сульскій въ отставкѣ, женатъ; Долинъ... Лонскій задумался, тяжелый вздохъ его договорилъ мнѣ что-то недоброе.

— Да, молвилъ онъ помолчавъ: судьба Долина печальна... онъ заплатилъ тяжелую дань гибельному предразсудку, которымъ вѣкъ нашъ зараженъ болѣе, чѣмъ когда либо: Долинъ —

— Ну!

— Убитъ. —

— Убитъ? возможно ли? —

— Къ сожалѣнію слишкомъ возможно? —

— Но гдѣ и какъ? —

— На дуели. — Послушай — исторія недолга; имѣешь ли охоту выслушать?

— Сдѣлай милость! —

— Кажется, я писалъ тебѣ въ то самое время, когда Долинъ перешелъ въ нашъ полкъ. Ты знаешь, что онъ составлялъ третье и послѣднее звено въ цѣпи нашей дружбы; послѣ этого неудивительно, что встрѣча съ нимъ была для меня однимъ изъ лучшихъ праздниковъ жизни. Скоро познакомился онъ съ обществомъ офицеровъ. Привыкнувъ съ дѣтства къ отчетливости поступковъ, онъ являлъ себя отличнымъ исполнителемъ службы, а благородство души, украшенной прочнымъ воспитаніемъ, обратило на него особенное вниманіе полковаго командира. — Съ чиномъ Поручика получилъ онъ эскадронъ. Говорить ли о томъ, что въ шумныхъ бесѣдахъ бивуака Долинъ всегда выигрывалъ первенство? Ты знаешь его хорошо — этого довольно. Бывало, особенно за Балканомъ, сшибка кипитъ, картечь осыпаетъ насъ со всѣхъ сторонъ; поглядишь — около Долина толпа. — Подумаешь, что онъ читаетъ товарищамъ отход-

ную и уговариваетъ ихъ покаяться въ грѣхахъ: нѣтъ, онъ дѣлиться съ ними завѣтными каплями рома и декламируетъ элегіи Парни. Дойдетъ дѣло до приступа, — эскадронъ Долина впереди; возьмутъ городъ, — у Долина спрашивай гдѣ и какъ повеселиться. За то, храни Боже, если солдаты его забушуютъ съ жителями! онъ строгъ, какъ Римлянинъ. — Отпраздновавъ славу Адріанопольскаго мира и помолясь за Царя и матушку Русь, войска наши двинулись восвояси. Нашему полку велѣно было зимовать въ уѣздномъ городѣ, верстахъ въ восьмидесяти отъ Херсона, куда мы и пришли въ началѣ Мая 18. . года. — Долго знакомится съ новымъ мѣстомъ расчетливый фрачникъ; мы — космополиты — привыкнувъ къ безпрестаннымъ перемѣнамъ, живя на кредитъ настоящаго, скоро уживаемся, хотя бы судьба бросила насъ на пустынные берега Анадыра. — *Царь велитъ!* вотъ магическое слово, которое стальную нашу волю дѣлаетъ мягче воску. Тепло, желудокъ не жалуется на условіе уменьшающейся прогрессіи; есть два или три дома, гдѣ можно убить вечеръ: быть такъ! солдатъ и за то скажетъ сердечное спасибо. —

Сверхъ ожиданія мы встрѣтили довольно хорошее общество; окружные Дворяне были

истинно — Русскіе, и держались обычая предковъ касательно гостепріимства. Пріѣзжай хоть до утреннихъ пѣтуховъ, тебѣ рады, какъ самому старинному знакомому; не знакомъ съ хозяиномъ — и то не бѣда: имя офицера умѣетъ говорить за себя. Съ наступленіемъ зимы открылись собранія (разумѣется не тѣ, какія найдешь въ городахъ болѣе близкихъ къ обѣимъ нашимъ столицамъ); общество доброе, умное по возможности средствъ образованія; за то безъ критическаго взгляда, или, говоря опредѣлительнѣе, безъ злословія: вотъ что досталось намъ въ удѣлъ.

Однажды нѣсколько человѣкъ сидѣло за стаканами чаю въ квартирѣ Ротмистра Лилеева. Насъ сбилъ туда холодный Декабрскій вечеръ. Разговоръ, какъ всегда и вездѣ, былъ сначала общимъ; говорили о производствѣ, о компаментѣ; вспоминали житье - бытье съ ревнивыми Турками; служили панихиду сожалѣній о товарищахъ, положившихъ свои молодецкія головы на поляхъ суевѣрнаго Востока — говорили обо всемъ, а все разговоръ нашъ былъ сухъ, натянутъ — ему не доставало чего-то.

— Да гдѣ жъ Долинъ? спросилъ меня Лилеевъ?

— Не знаю, — отвѣчалъ я.

— Легокъ на поминки! вскричали нѣсколько офицеровъ, увидя входящаго Долина.

— Стряхни снѣгъ съ твоей бурки! повторили тѣ же голоса: ты похожъ на Борея, а мы и безъ того не въ ладу съ тепломъ.

Съ приходомъ Долина шумно закипѣло веселье; посыпались остроты, развязались сердечныя тайны многихъ изъ насъ, и уже не однажды чистосердечное: *браво, славно, Долинъ!* останавливало на улицѣ Малороссіянъ, которые думая слышать команду полковаго ученья, почтительно снимали свои косматые шапки.

— Знаете ли, господа̀, что случилось со мною на послѣднемъ балѣ? продолжалъ Долинъ: я ангажировалъ на котильонъ Вѣрочку Тонскую. Усѣлись — вотъ я начинаю говорить съ ней; завожу рѣчь объ одномъ, о другомъ, — и получаю въ отвѣтъ одни только лаконическіе: *да-съ, нѣтъ-съ, не знаю-съ, можетъ быть.* Я подумалъ, что ей не по-сердцу звуки роднаго языка, и засыпалъ ее Французскими фразами — Отвѣты тѣ же. Изумленный, раздосадованный прибѣгаю къ языку Нѣмецкому — все тоже. Въ это время подходитъ къ ней какой-то пріѣзжій, садится, и разговоръ получаетъ оборотъ живой, веселый; я же дѣлаюсь лицемъ совершенно постороннимъ, изношенною

шляпкой, на которую не хотятъ и взглянуть. Кусая губы, я съ досадою просидѣлъ три битыхъ часа молча, а сосѣдъ мой посматривалъ на меня съ улыбкою сардоническаго сожалѣнія. Впрочемъ, я не подарю этой Французской куколкѣ моего оскорбленія; надобно показать ей, что бѣленькое личико и богатое наслѣдство не даютъ еще права на подобные фарсы.

— Вы хотите мстить дѣвушкѣ? сказалъ Маіоръ Перстневъ, съ нѣкотораго времени ухаживавшій за Танскою.

— Не мстить, Маіоръ: женщина не стоитъ мести; я постараюсь вразумить эту вертушку, что нужно быть осторожнѣе: кто поручится, что другой поступитъ по моему?

— По вашему? Вы правы! не много сыщется офицеровъ, которые примутся за низкое ремесло обижать дѣвицъ.

— Подумали ль вы, господинъ Маіоръ, о томъ, что говорите?

— Нужно ли объ этомъ думать! Послушайте, Поручикъ, я увѣряю васъ, что вамъ не удастся и близко подойти къ Тонской — ее можно оградить такимъ волшебнымъ талисманомъ, котораго не-пробьетъ ни одна стрѣла вашего нахальства. —

— Вы обижаете меня, Перстневъ! —

— Обижаю? чтожъ изъ этого слѣдуетъ?

— Что? кровь! —

— Очень радъ. Часъ и мѣсто въ вашемъ выборѣ. —

— Въ семь часовъ утра — въ двухъ верстахъ отъ города, вправо отъ большой дороги есть оврагъ . . . Пріѣзжайте туда съ кѣмъ - нибудь, я буду васъ ждать съ парою пистолетовъ . . . семь шаговъ ручаются за вѣрность выстрѣла . . . секундантъ мой Лонскій — не правда ли, другъ? прибавилъ онъ, судорожно схвативъ мою руку.

Я не умѣлъ еще отвѣчать на этотъ вопросъ, какъ Маіоръ, вѣжливо, но съ терзающимъ душу хладнокровіемъ, поклонился и вышелъ. —

Мы были до того поражены случившимся, что нѣсколько минутъ хранили гробовое молчаніе. Долинъ былъ страшенъ, какъ Везувій въ роковой часъ взрыва. Глаза его сверкали, губы посинѣли, члены тряслись. Молча допивалъ онъ стаканъ чаю и пускалъ изъ трубки облака дыму, какъ-бы стараясь укрыться въ немъ отъ нашихъ взоровъ. Напрасно пытались помирить поссорившихся. Маіоръ долго никого не впускалъ къ себѣ, а наконецъ сказалъ, что тогда только отклонится отъ дуели, когда Долинъ признáетъ себя виноватымъ и попроситъ извиненія у Тонской. Долинъ

презрительно улыбнулся узнавъ такое требованіе, и просилъ насъ, чтобы мы оставили дѣло на волю случая. Весь вечеръ и ночь провелъ я у нашего добраго товарища. Онъ былъ покоенъ, долго писалъ письма, и окончивши ихъ просилъ меня, въ случаѣ его смерти, отыскать старшаго брата его, который, по словамъ его, живетъ здѣсь, и отдать ему письмо, въ которомъ заключается прощальный поклонъ. Другъ! никогда не забуду я той ночи! Страшно было смотрѣть на принужденную веселость Долина: ее безошибочно можно было сравнить съ дикимъ хохотомъ умирающаго осужденнаго, когда палачъ прикоснется къ шеѣ его холоднымъ топоромъ своимъ. — Передъ разсвѣтомъ Долинъ попросилъ меня выйти въ другую комнату. — Онъ молился, я слышалъ его рыданія.

Пора! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку. — Молча приготовилъ я пистолеты, и когда пуля застучала, катясь въ граненое дуло — я заплакалъ; рыданья стѣснили мнѣ духъ, въ иступленіи я упалъ на грудь его — заплакалъ и онъ, но слезы его были холодны, какъ капли замерзающей души; онъ похожъ былъ на спящаго, души котораго не тревожитъ ни одна земная мысль — такова была наружность, но въ груди его . . . Боже! упокой его душу! — Мы поѣхали. Солнце едва выглянуло

изъ-за темныхъ покрововъ пробуждающагося Востока, мало по малу развеселялось чело природы и вотъ — явилась она, прекрасная, какъ первенецъ Творческой благодати. — Снѣжные ковры заискрились радужнымъ инеемъ; по всюду жизнь и радость, начиная отъ человѣка до твореній бездушныхъ: все, казалось, дышало какимъ-то упоеніемъ. — Мы одни ѣхали безмолвно, не обращая вниманія на окружающіе насъ предметы. О чемъ думалъ тогда мой бѣдный спутникъ — не знаю. Быть можетъ въ душѣ его встрепенулись всѣ завѣтныя надежды, всѣ сладкіе сны прошедшаго, и онъ боролся съ мыслію разставанья съ міромъ; быть можетъ грозное Провидѣніе голосомъ совѣсти шептало ему о вѣчной гибели, ожидающей тѣхъ, которые своевольно отказываются отъ жизни: все это возможно; но лице его было по прежнему... Какъ опредѣлить это лице? Въ немъ не было ни жизни, ни смерти; это было смѣшеніе чего-то невразумительнаго, это была линія, проведенная между временемъ и вѣчностью. Философъ возьметъ ее за основаніе всѣхъ земныхъ пространствъ, но заставьте его измѣрить, опредѣлить эту линію: онъ пожметъ плечами и назоветъ себя вторымъ Симонидомъ.

Подъѣзжая къ назначенному мѣсту мы увидѣли Маiора съ двумя секундантами. Боже Всемогущiй! что было тогда со мною! я готовъ былъ обнимать колѣна противниковъ, чтобы отклонить ихъ отъ ужаснаго намѣренiя. — Попробовали еще разъ помирить ихъ — тщетно . . . Отмѣряйте шаги, господа! сказалъ Перстневъ, и сбросилъ съ себя шенель. Они взялись за пистолеты . . . курки взведены . . . — Постойте! . . закричалъ я отчаяннымъ голосомъ, но выстрѣлъ заглушилъ эти слова; Долинъ упалъ — бросаюсь къ нему — поздно: судьба требовала жертвы и получила ее. Хрипѣнiе и судороги были послѣдними памятниками жизни злополучнаго.—Пуля остановилась въ груди. — Долина показали умершимъ, Маiоръ вышелъ въ отставку. Въ прошедшемъ году я проѣзжалъ Москву и видѣлся съ нимъ. — Онъ женатъ на Тонской и, кажется, не думаетъ о томъ, что на душѣ его лежитъ кровь.

Лонскiй кончилъ свой разсказъ. Мы сидѣли, погрузясь въ горестныя размышленiя; кончина общаго нашего друга, какъ тяжелая гора, легла намъ на сердце.

— Ты знакомъ съ братомъ покойника? спросилъ Лонскiй, машинально взглянувъ на часы.

— Знакомъ. —

— Каковъ онъ? —

— Доброй малой, какъ и всѣ мы. —

— Съ какою цѣлью живетъ онъ здѣсь?

— Этого не знаетъ никто. Кажется онъ большой поклонникъ общественной жизни. Тебѣ извѣстно, что онъ расквитался съ Университетомъ еще прежде своего брата. Съ тѣхъ поръ безвыѣздно живетъ онъ здѣсь. Иногда встрѣчаюсь я съ нимъ въ гостинныхъ — вотъ всѣ наши связи. Если сказать правду, онъ мнѣ не нравится: благо жизни его есть, кажется, матеріялизмъ; какое-то эгоистическое равнодушіе, являющееся во всѣхъ его поступкахъ, отталкиваетъ отъ него людей, и я не знаю никого, кто бы былъ съ нимъ близокъ. — Однакожъ, пора спать: тебѣ съ дороги нуженъ добрый отдыхъ. — Мы разошлись.

И........ъ.

МИНУВШЕЕ.

Нѣтъ! не забыться мнѣ, волшебница младая,
Съ младенческой мечтой склонясь на грудь твою;
Я страстно изнемогъ, я гасну, увядаю,
И Парки стерегутъ пустую жизнь мою.
Я счастье зналъ, — куда жъ умчали годы
И звукъ и мигъ минувшаго святой?
Зачѣмъ шатеръ таинственный природы,
Какъ пагодъ радостный раскинутъ надо мной?
Всегда въ скорбяхъ и смутахъ жизни мутной,
Какъ ранній цвѣтъ полей поникнулъ я главой,
Погасъ, какъ въ небесахъ звѣзды огонь минутной. . .
Нѣтъ! не уснуть мнѣ сномъ невинности былой! . . .
Гдѣ жъ воскрешу былое наслажденье?
Куда бѣжать? гдѣ голову склонить?
Гдѣ душу погрузить въ отрадное забвенье?
Кому на грудь слезу раскаянья пролить? . . .
Бѣгу въ далекія, безвѣстныя страны;
Тамъ погребу тяжелыя печали,
Тамъ воскрешу былаго счастья сны —
Прекрасныя мечты, которыя ласкали
Роскошный сонъ младенческой души,
Гдѣ нѣтъ слѣдовъ безжалостнаго горя,
Гдѣ небеса, какъ очи хороши,
Гдѣ слышенъ ропотъ волнъ недремлющаго моря. . .

Пл. Рѣдкинъ.

1834.

ДНѢПРЪ.

От приморскихъ степей ураганъ налетѣлъ;
Прахъ взвѣвая столбомъ, вѣтеръ всталъ надъ Днѣпромъ.
Днѣпръ вскипѣлъ въ берегахъ, заклубился, взревѣлъ;
За волною волна, подымаясь со дна,
Грознымъ валомъ по немъ, боевая, идетъ,
И вздымаясь горой, бьется въ берегъ крутой!
Буря свищетъ кругомъ, завываетъ, реветъ!
Дикій филинъ во мглѣ прокричалъ на скалѣ.
Непогода сильнѣй поднялась . . . не къ добру!
Вотъ плывутъ вдоль рѣки на ладьяхъ казаки;
Ихъ бросаетъ волной, ихъ несетъ по Днѣпру,
По свирѣпымъ валамъ: нѣтъ спасенья пловцамъ,
Отовсюду грозитъ гибель скорая имъ.
Но отвагой полны, не страшась глубины,
Пронеслися они по пучинамъ сѣдымъ!
Ихъ водой залило, ихъ къ утесу снесло:
Объ утесъ ихъ ладьи раздробились въ куски. . .
Только бурю потомъ стало слышно кругомъ:
Потонули въ Днѣпрѣ удальцы казаки.
Чу! кричитъ на скалѣ дикій филинъ во мглѣ. —

Полевъ.

1834.

СОНЕТЪ.

Я помню время: предо мною
Мечты грядущаго неслись
Игривой, радужной толпою;
Польстили мнѣ . . . и не сбылись.

Мнѣ тяжело; съ моей душою
Заботы жизни не сжились,
И горе съ вѣчною тоскою
Вкругъ ней, какъ змѣи, обвились.

Я жизнь начать хотѣлъ бы снова;
Вотще! съ оковами земнаго
Меня не подружитъ печаль.

Привыкъ: иду стезей моею;
Остановиться не умѣю:
Душа томится, рвется въ даль! —

Полевъ.

1835.
Ахтырка.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

(П. Е. Урюпину).

Завѣтъ минувшаго! торжественный завѣтъ!
Воспламенись опять въ моей душѣ суровой,
И оживи меня для рая жизни новой,
Для подвиговъ высокихъ прежнихъ лѣтъ!
Пусть вольный вѣтръ мой бѣлый парусъ вздуетъ—
Бѣгу — мнѣ не страшна могильная доска;
Но отъ чего меня такъ сладостно волнуетъ
Священная по родинѣ тоска?
Что я оставилъ тамъ? Воспоминаній милыхъ
За чѣмъ въ душѣ тѣснится легкій рой?
Что я отраднаго покинулъ за собой?...
Пустынные слѣды моихъ надеждъ унылыхъ...
Что на пути возвратномъ я найду?
Глухихъ полянъ немилое молчанье,
Завѣтныхъ рощъ и мракъ и пустоту,
И моря жаднаго тревожное роптанье....
Итти ль?...Иду!...тамъ дѣва-красота!...
Царица думъ и пѣсенъ позабытыхъ,
Моей любви свидѣтелей убитыхъ;
Небесъ и горъ святая высота...
Увижу вновь свои холмы родные!
Увижу вновь цвѣтущую ее!...

О, перси неба голубыя,
Примите вновь лобзаніе мое!...
Пришелъ!..темны родныя ночи. ..
На небесахъ луны бывалой нѣтъ....
Лишь миріады звѣздъ бросаютъ блѣдный свѣтъ
И смотрятъ на меня, какъ демонскія очи....
Вхожу...лежитъ она, красавица младая,
Въ палатахъ сумрачныхъ покой сидитъ нѣмой. ..
И свѣтитъ лампа голубая
Надъ опозоренной главой!...

Пл. Рѣдкинъ.

Одесса.

ОТРЫВОКЪ изъ МАКБЕТА.

Дѣйствіе первое.

Сцена первая.

Открытая степь. Громъ и молнія.

Три Вѣдьмы.

1-я *Вѣдьма.*

Когда мы другъ другу предстанемъ, и гдѣ,
Во громѣ и молньи иль бурной водѣ?

2-я *Вѣдьма.*

Когда смертельный стихнётъ бой
И явится въ крови герой.

3-я *Вѣдьма.*

Мы дѣло окончимъ вечерней порой.

1-я *Вѣдьма.*

Гдѣ же мѣсто?

2-я *Вѣдьма.*

Степь вотъ эта.

3-я *Вѣдьма.*

Мы тамъ найдемъ Макбета.

1-я *Вѣдьма.*

Иду, иду, мой сѣрый котъ.

Всѣ три.

Зоветъ насъ жаба. — То́тчасъ!
Прекрасное есть гнусно,
А гнусное прекрасно.
Чу, чу! сквозь дымъ и облака.

(исчезаютъ).

Сцена вторая.

Лагерь недалеко отъ Фореса. Военный крикъ.

Король Дунканъ, Малькольмъ, Донапьбайкъ, Ленoксъ; Свита.

(Они находятъ раненаго солдата.)

Король.

Кто воинъ сей въ крови? Судя по виду,
О возмущеньи вѣсть подать онъ можетъ намъ.

Малькольмъ.

Сей смѣлый воинъ спасъ мою свободу,
Изъ рукъ враговъ меня освободивъ.
Здорово, храбрый другъ! Король желаетъ
Судьбу сраженія узнать. Скажи,
Какъ было все, когда ушелъ ты съ поля битвы.

Солдатъ.

Сраженіе еще не рѣшено.
Войска дрались, въ пылу кровавой сѣчи,
Какъ два пловца, уставшіе въ борьбѣ
Между собой и влажною стихіей. —
Свирѣпый, дикій Макдовальдъ, сей извергъ,
Бунтовщикомъ вполнѣ достойный быть,
Съ душей, исполненною всѣхъ пороковъ,
Усилился явившимися въ бой
Дружинами Ирландіи коварной;
Его неистовой, отчаянной борьбѣ,
Съ умильнымъ взоромъ счастье улыбнулось,
И тѣмъ себя наложницей явило.
Но все вотще! Неустрашимый Макбетъ,
Достойный имени безстрашнаго герой,
Съ презрѣньемъ къ счастію въ безтрепетной груди,
Съ клинкомъ, сверкающимъ въ десницѣ мощной,
Дымящимся въ пылу кровавыя борьбы,
Любимецъ мужества, просѣкъ себѣ дорогу
Къ лицу измѣнника, чрезъ полчища враговъ,
И прежде не сказалъ ему: прости!
Какъ палъ злодѣй, разсѣченный на-двóе.
Главу онъ выставилъ на нашемъ замкѣ.

Король.

О, храбрый родственникъ! Достойный чести
мужъ!

Солдатъ.

Какъ изъ страны, гдѣ солнце въ блескѣ всходитъ,
Несутся вихрь и буря громовая,
Такъ изъ ключа, гдѣ прежде было счастье
Несчастье потекло. Внимай, Король!
Едва лишь мужество и справедливость
Сразили строй упорныхъ въ битвѣ Керновъ,
Какъ Князь Норвегіи, неистовый Свенонъ,
Увидя выгоду внезапнаго удара,
Отважился напасть на насъ, съ мечемъ
Еще блистающимъ, съ дружиной свѣжей.

Король.

Сія нечаянность не устрашила ль
Военачальниковъ: Макбета, Банко?

Солдатъ.

Да!
Какъ воробей орла, иль заяцъ льва.
Клянусь! они ударили на строй врага,
Какъ громъ вдвойнѣ заряженныхъ орудій;
Удары грознаго меча удвоивъ,
Измѣнниковъ-враговъ они сразили.
Не знаю я, чего хотѣлось имъ:
Омыться ли въ дымящейся крови,
Иль новую соорудить Голгоѳу.
Но я слабѣю; раны сильно мучатъ. . .

Король.

Какъ рѣчь твоя, онѣ къ тебѣ идутъ;
Въ обѣихъ честь видна. — Врача ему пришлите.
(Россъ *входитъ*)
Кто тамъ идетъ?

Малькольмъ.

Достойный Танъ нашъ, Россъ.

Леноксъ.

Какимъ огнемъ пылаетъ взоръ его!
Лишь тотъ такъ смотритъ, кто великое
Имѣетъ возвѣстить.

Россъ.

Да здравствуетъ Король!

Король.

Откуда, храбрый Танъ?

Россъ.

Изъ Фейфа, Государь!
Оттуда, гдѣ Норвежскія знамена
Шотландскій дерзко оскверняютъ вѣтръ,
И хладъ на войско наше навѣваютъ.
Норвежскій Князь, съ дружиной сильною числомъ,
Въ союзѣ съ Кавдоромъ, предателемъ отчизны,
Отчаянный, кровопролитный началъ бой.
Но наконецъ любимецъ бога брани,
Макбетъ, въ стальной одеждѣ закаленный,
Съ отвагой равною противусталъ ему,

Они дрались, грудь съ грудью и рука съ рукой,
И подъ ударами десницы мощной
Палъ гордый духъ врага. Побѣда наша!

Король.

О, счастіе!

Россъ.

Норвежскій Князь такъ сильно пораженъ,
Что миръ ужъ съ нами заключить желаетъ.
Землѣ предать тѣла убитыхъ онъ просилъ,
Однако жъ мы, владѣя полемъ битвы,
Дотоль сей долгъ свершить ему не дали,
Пока не заплатилъ онъ намъ въ казну
Большую дань на островѣ Колумба.

Король.

Кавдорскій Танъ отнынѣ ужъ не будетъ
Такъ злобно измѣнять. Поди и возвѣсти
Ему ты смерть; съ его жъ высокимъ саномъ —
Поздравь Макбета.

Россъ.

Иду.

Король.

Чего лишился онъ —
Пусть тѣмъ обогатится Макбетъ.

Сцена третія.

Громъ. Три вѣдьмы.

1-я *Вѣдьма.*

Гдѣ была ты, сестра?

2-я *Вѣдьма.*

Свиней я душила.

3-я *Вѣдьма.*

А ты гдѣ, сестра?

1-я *Вѣдьма.*

Съ корзиной каштановъ женщина сидѣла,
И ѣла, и ѣла, и ѣла.
Дай мнѣ немного, сказала я ей;
Сгинь ты, колдунья, въ отвѣтъ мнѣ она.
Но мужъ ея на морѣ; въ Турцію онъ
Отсюда плыветъ; я за нимъ поплыву
Въ решетѣ, въ видѣ крысы безхвостой!
Поплыву, поплыву, поплыву!

2-я *Вѣдьма.*

Я тебѣ вѣтеръ даю.

1-я *Вѣдьма*

Благодарю.

3-я *Вѣдьма.*

И я тебѣ свой уступаю.

1-я *Вѣдьма.*

Другими я повелѣваю;

И гдѣ бъ ни вѣяли они,
И суть и будутъ всѣ мои.
Я на него повѣю Югомъ,
Я изсушу его недугомъ:
Какъ листъ увядшій будетъ онъ;
Ни днемъ, ни ночью сладкій сонъ
Ужъ не сомкнетъ его ресницъ.
Пусть будетъ седмью семь седмицъ
Болѣзнью лютою гонимъ:
Ужъ месть я выполню надъ нимъ.
Корабль его на дно не сядетъ,
Но буря въ паруса нагрянетъ,
И вихрь размечетъ всѣ суда.
Смотри что у меня.

2-*я* ***Вѣдьма.***

Подай сюда.

1-*я* ***Вѣдьма.***

Отважнаго то палецъ моряка;
Домой онъ плылъ издалека,
Но не узрѣлъ своей отчизны, —
По немъ отправили лишь тризну.

(Слышны звуки барабана.)

3-*я* ***Вѣдьма.***

Чу! барабанъ тамъ бьетъ?
Макбетъ, Макбетъ идетъ!

Всѣ три.

Судьбины сёстры мы, рука съ рукой,
Мы носимся надъ моремъ и землёй;
Всегда другъ съ другомъ
Мы ходимъ кругомъ.
Кругъ первый трижды—мой; другой кругъ—твой,
Еще разъ трижды, девять. — Стой!
Очарованье совершилось.

Макбетъ и Банко *входятъ.*

Макбетъ.

Прекрасно-пасмурнаго дня, какъ сей
Еще не видѣлъ я.

Банко.

До Фореса далеко ли? — Но это кто
Съ осанкой дикою, въ одеждѣ странной?
Съ земными тварями въ нихъ сходства нѣтъ;
Однако жъ на землѣ онѣ. — Живете ль вы?
Вы существа ль, которыхъ можно вопрошать?
Конечно вамъ понятна рѣчь моя:
Я вижу, каждая свой перстъ костяный
Къ устамъ, давно поблекшимъ, прилагаетъ.
Вы женщины, но ваши бороды
Противное вѣщаютъ мнѣ.

Макбетъ.

Когда вы можете — гласите — кто вы?

1-я Вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, Гламисскій Танъ!

2-я Вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, Кавдорскій Танъ!

3-я Вѣдьма.

Да здравствуетъ Макбетъ, предбудущій Король!

Банко Макбету.

Какъ, Государь? Неужли изумленье
И трепетъ поселилъ въ твой мужественный духъ
Такъ мило въ сердце намъ тѣснящійся привѣтъ?

(къ Вѣдьмамъ):

Во имя правды, говорите! Кто вы?
Воображенья ль призраки пустые,
Иль истину гласитъ мнѣ видъ наружный вашъ?
Сподвижника войны и друга моего
Привѣтствуете вы судьбой счастливой,
Высокой почести великимъ предвѣщаньемъ,
Надеждою на скипетръ и вѣнецъ: —
И онъ, внимая вамъ, восторгомъ упоенъ!
Мнѣ ничего не говорите вы.
Когда вашъ взоръ въ посѣвъ временъ проникнуть
И можетъ зрѣть, которому зерну взойти,
Которому погибнуть, то вѣщайте мнѣ!
Благоволенья вашего я не ищу,
И гнѣва не страшусь.

1-я Вѣдьма.

Ура!

2-я Вѣдьма.

Ура!

3-я Вѣдьма

Ура!

1-я Вѣдьма.

Ниже и выше Макбета!

2-я Вѣдьма.

Не столько счастливъ, но счастливѣе его!

3-я Вѣдьма.

Царей родоначальникъ, но не Царь!
Итакъ, да здравствуютъ Макбетъ и Банко!

1-я Вѣдьма.

Да здравствуютъ Банко и Макбетъ!

Макбетъ.

Вы мрачныя вѣщательницы, стойте!
Яснѣй и болѣе скажите мнѣ!
Со смертью Синеля я Танъ Гламисскій,
Но Танъ Кавдорскій какъ? Кавдорскій Танъ
Живетъ, лучами счастья озаренный;
А Королемъ быть нѣкогда, столь далеко
За горизонтомъ вѣроятности,
Какъ и содѣлаться Кавдорскимъ Таномъ.
Повѣдайте, пророчицы, откуда
Чудесная исходитъ ваша вѣсть?

И для чего симъ тайнымъ предвѣщаньемъ
Вы въ сей степи остановили насъ?
Я заклинаю васъ, вѣщайте!

(Вѣдьмы исчезаютъ).

Банко.

Исчадія земли то были. Гдѣ онѣ?

Макбетъ.

Исчезли въ воздухѣ, и вѣтръ разнесъ
Ихъ тѣло мнимое, какъ бы дыханье. —
О, если бъ здѣсь еще пророчицы были!

Банко.

Но точно ли свершилося здѣсь то,
О чемъ мы говоримъ? Иль мы вкусили
Той пагубной травы, отъ коей умъ
Въ чаду безумія мертвѣетъ?

Макбетъ.

Царями быть должны твои сыны.

Банко.

И Королемъ ты самъ.

Макбетъ.

Къ тому жъ еще Кавдорскимъ Таномъ;
Не такъ ли намъ гласило предвѣщанье?

Банко.

Да, точно такъ. Смотри, кто тамъ идетъ?

(Россъ и Ангусъ *входятъ).*

Россъ.

Царя уже коснулась, храбрый Макбетъ,
Твоей побѣды радостная вѣсть;
Когда внимаетъ онъ на что ты лично
Отважился противъ враговъ отчизны,
Въ немъ борятся хвала и удивленье;
Не знаетъ онъ, прилично что ему,
И что тебѣ. Безмолвный, онъ глядитъ
На подвигъ твой, въ сей день судьбы великой;
Онъ зритъ какъ мужественно бьешься ты
Средь яростной Норвежскія дружины,
И какъ безтрепетной ты шествуешь стопой
Средь ужасающихъ явленій смерти,
Мечемъ твоимъ губительнымъ созданныхъ.
Какъ градъ густой, за вѣстью вѣсть гремѣла,
Дѣла твои, сіяющія славой
Предъ Королемъ слагая.

Ангусъ.

Мы посланы благодарить тебя
Отъ имени великаго Дункана,
До Фореса сопутствовать тебѣ,
Но не воздать за трудъ.

Россъ.

И высочайшихъ почестей въ залогъ —
Онъ повелѣлъ привѣтствовать тебя
Кавдорскимъ Таномъ, о, великій Танъ!

Да здравствуешь ты въ санѣ семъ, — онъ твой.

Банко.

Какъ? Дьяволъ правду говоритъ?

Макбетъ.

Но Танъ Кавдорскій живъ; такъ для чего
Чужой одеждой украшать меня?

Ангусъ.

Онъ живъ, который Таномъ былъ; но жизнь его
Подавлена ужаснымъ приговоромъ смерти.
Въ союзѣ ль онъ съ Норвежскимъ Княземъ былъ,
Бунтовщикамъ ли тайно помогалъ,
Или съ обоими сражаясь за одно,
Старался Царство погубить, не знаю.
Но онъ въ измѣнѣ уличенъ. Она
Его низвергла съ высоты величья.

Макбетъ.

Уже Гламисскій и Кавдорскій Танъ!
Король еще въ грядущемъ. — Россъ и Ангусъ,
Благодарю за трудъ. —

(къ Банко).

Теперь
Надѣешься ль въ вѣнцѣ узрѣть свое потомство,
Когда пророчицы, мнѣ давшія Кавдора,
Тебѣ не меньшее въ грядущемъ предрекли?

Банко.

И если все продлится такъ, какъ началось,
Весьма немудрено, что духъ воспламенится

Желаніемъ короной обладать,
Быть болѣе Кавдора. Это странно!
И часто, чтобъ вѣрнѣе погубить
Вѣщаютъ истину намъ силы ада,
Манятъ къ себѣ ничтожными мечтами,
И упоенныхъ наконецъ влекутъ
Въ ужасныя послѣдствія.

(Россе и Ангусу).

Друзья, на слово.

Макбетъ (тихо).

Два изреченія оракула сбылись,
Какъ два прекрасные пролога счастья
Къ великой драмѣ царскія судьбы. —
Благодарю, друзья! — Но этотъ вызовъ,
Который внѣ природы человѣка,
Не можетъ быть ни худъ, ни добръ: когда онъ худъ,
Зачѣмъ онъ подалъ мнѣ залогъ успѣха,
Начавши истиной? Я Танъ Кавдорскій.
Когда онъ добръ, зачѣмъ меня такъ хитро
Сѣтьми опутываетъ обольщенье,
Предъ страшнымъ призракомъ котораго, власы
Вздымаются отъ ужаса на головѣ моей,
И сердце твердое, наперекоръ природѣ,
О ребра боязливо бьется? — Да!
Дѣйствительные ужасы слабѣе
Угрюмыхъ призраковъ воображенья.

Одна мечта, одинъ лишь образъ умерщвленья
Во мнѣ столь сильно потрясаетъ человѣка,
Что вся упругость твердыхъ нервъ моихъ
Въ предчувствіе грядущаго обращена,
И для меня лишь то есть, что не есть.

Банко.

Смотрите, какъ онъ восхищенъ!

Макбетъ (тихо).

Когда судьбѣ
Угодно, чтобъ я былъ Царемъ, то пусть она
Меня безъ помощи моей вѣнчаетъ.

Банко.

Въ сей почести, какъ въ новой онъ одеждѣ;
Со временемъ и къ ней привыкнетъ.

Макбетъ (тихо).

Пускай свершается, чему быть должно! Время
И день суровѣйшій съ собой уноситъ!

Банко (Макбету).

Мы ждемъ лишь васъ, славнѣйшій Танъ!

Макбетъ.

Простите мнѣ; смущенною душой
Я въ памяти моей перебиралъ
Прошедшія, забытыя дѣла.
Друзья! Я внесъ услуги ваши въ книгу,
Въ которой каждый день я долгъ читаю мой.
Теперь къ Царю.

(къ Банко).

Случившееся помни;
При лучшемъ случаѣ, когда оно
Ужъ будетъ взвѣшено на времени вѣсахъ,
Поговоримъ о немъ мы откровенно.

Б а н к о.

Охотно.

М а к б е т ъ.

А до толь ни слова.
Идемъ друзья.

(Уходятъ).

Сцена четвертая.

Форесъ. Комната въ замкѣ. Трубный звукъ.

Король Дунканъ, Малькольмъ, Дональбайкъ, Леноксъ и свита *входятъ.*

К о р о л ь.

Казненъ ли Кавдоръ? Возвратились ли
Послы, уполномоченные нами?

М а л ь к о л ь м ъ.

Нѣтъ, Государь,
Ихъ нѣтъ еще; но я ужъ видѣлся съ однимъ,
Который былъ на мѣстѣ казни; онъ сказалъ,
Что бывшій Танъ торжественно, предъ всѣми,
Предательство свое признаъ, что онъ
Въ слезахъ молилъ васъ о прощеньи,

И глубоко раскаялся въ душѣ.
И на пути его протекшей жизни
Ничто такъ не было прекрасно, какъ конецъ;
Онъ умеръ такъ, какъ будто изучилъ онъ смерть,
Дабы съ сокровищемъ своимъ разстаться
Какъ съ дѣтскою, ничтожною игрушкой.

Король.

Искуства нѣтъ — читать движенія души
Въ чертахъ лица.
Я безусловно довѣрялъ ему.

(*Входятъ:* Макбетъ, Банко, Россъ и Ангусъ.)

Достойный родственникъ! Неблагодарность,
Сей тяжкій грѣхъ, меня теперь смущаетъ.
Полетъ твоихъ геройскихъ дѣлъ такъ скоръ,
Что и быстрѣйшій бѣгъ моей награды
Не въ силахъ ихъ догнать. — Зачѣмъ не менѣе
Ты заслужилъ, дабы я могъ достойно
Тебя благодарить! Теперь я лишь скажу:
Считай меня въ долгу, который выше
Всего, что можетъ цѣлый міръ тебѣ воздать.

Макбетъ.

Я должной вѣрности исполнилъ долгъ,
И самъ себѣ онъ сладкая награда.
Къ твоимъ стопамъ, великій Государь,
Должны мы повергать свои услуги;
Они престола твоего рабы

И дѣти царства и отчизны нашей;
Всѣмъ жертвуя твоей любви и чести,
Они святой лишь долгъ творятъ.

Король.

Я насадилъ тебя, и долгъ мой будетъ
Тебя взрастить. — Мой благородный Банко,
Въ моихъ глазахъ не менѣе ты заслужилъ;
И будешь ты достойно награжденъ.
Позволь мнѣ заключить тебя въ мои объятья,
И къ сердцу моему прижать.

(Обнимаетъ его).

Банко.

Когда я *тамъ*
Могу произрасти, то жатва ваша.

Король.

Мой сладостный восторгъ, въ красѣ разцвѣтши,
Уже готовъ ниспасть росою скорьби. —
Внимайте сыновья, родные, Таны,
И вы, ближайшіе къ особѣ нашей:
Малькольму, старшему изъ нашихъ сыновей,
Наслѣдовать престолъ даемъ мы право,
Отнынѣ Принцемъ Кумберландскимъ нарекая.
И только этой почестью высокой,
Да будетъ онъ предъ всѣми отличенъ,
Которые подобно свѣтлымъ звѣздамъ
Нашъ озаряютъ тронъ.

(Макбету).

Теперь
Мы ѣдемъ въ Инвернесъ, а ты сопутствуй намъ.

Макбетъ.

Вамъ неприлично, Государь, исполнить
Намъ предстоящее теперь; я самъ
Хочу герольдомъ быть, обрадовать жену
Извѣстіемъ о вашемъ посѣщеньи.
Позвольте жъ мнѣ отсюда удалиться.

Король.

Достойный Кавдоръ мой!

Макбетъ (*уходя, тихо*).

Принцъ Кумберландъ!
Вотъ грозная преграда на пути, —
Я долженъ сокрушить ее, иль пасть!
Померкните вы звѣздныя свѣтила,
Да ни единый лучъ вашъ, замыселъ мой мрачный
Съ небесной высоты не озаритъ.
Закройтеся вы очи, да десница
Свершитъ ужасное для взора дѣло.

(*Уходитъ*).

Король.

Поистинѣ, мой благородный Банко,
Онъ доблестенъ и храбръ, какъ ты мнѣ говоришь.
Въ хвалахъ ему мой духъ ненасытимъ;
Онѣ отрадны для меня. Теперь
Послѣдуемъ за нимъ, котораго любовь,

Влечетъ заботливо впередъ, чтобъ насъ принять.
Ему подобнаго нѣтъ мужа.

(Всѣ уходятъ).

Сцена пятая.

Инвернесъ. Комната въ замкѣ Макбета.

Леди Макбетъ *съ письмомъ.*

Леди Макбетъ *читаетъ.*

„Онѣ встрѣтились со мною въ день побѣды, „и мнѣ навѣрное извѣстно, что знаніе ихъ сверх„человѣческое. Когда я сгаралъ отъ желанія уз„нать отъ нихъ болѣе, обратились онѣ въ воз„духъ и исчезли. Я еще стоялъ, пораженный изум„леніемъ, какъ приблизились къ намъ послан„ные отъ Короля, и пожелали мнѣ счастья какъ „Тану Кавдорскому, — санъ, которымъ незадол„го предъ тѣмъ привѣтствовали меня волшебныя „сестры, и вмѣстѣ съ тѣмъ указали мнѣ на бу„дущность словами: *„Да здравствуетъ Мак„бетъ, предбудущій Король!‘* Я разсудилъ „за благо извѣстить тебя объ этомъ, дражайшая „соучастница моего величія, дабы ты не лиши„лась своей части въ радости, еслибы отъ тебя „осталось сокрытымъ, какое величіе обѣщано те„бѣ. Запечатлѣй это въ твоемъ сердцѣ. Прощай.“

Уже ты Танъ Гламисскій и Кавдорскій!
И долженъ ты той почести достигнуть,
Которая тебя въ грядущемъ ждетъ. —
Боюсь я сердца твоего: въ немъ слишкомъ
Млека любви къ сочеловѣкамъ много;
Кратчайшій путь оно не изберетъ.
Охотно бъ ты въ величіе облекся,
Ко славѣ есть въ тебѣ любовь, но злости нѣтъ,
Которая съ ней быть должна. Великое
Желаешь ты чтобы священно было.
Тебѣ хотѣлось бы неправедно стяжать,
Однако же въ игрѣ не хочешь ты хитрить.
Охотно бы, великій Гламисъ, ты владѣлъ
Той вещію, которая къ тебѣ взываетъ:
„Когда ты мною обладать желаешь,
„Свершить ты долженъ это преступленье!"
И посягнуть на жизнь ты болѣе страшишься,
Чѣмъ не желаешь посягнуть! — Спѣши сюда!
Да поселю въ тебя я духъ неукротимый,
Да истреблю словами мужества твой страхъ,
Дабы ты взялъ безтрепетной десницей,
Златой владычества вѣнецъ, духовной силой
И вышнею судьбой тебѣ предназначенный.

(*Входитъ* Вѣстникъ).

Что новаго?

Вѣстникъ.

Сегодня ввечеру Король
Къ вамъ въ замокъ будетъ.

Леди Макбетъ.

Сумасшедшій! Какъ?
Развѣ Макбетъ не съ нимъ? А если такъ,
То онъ навѣрное мнѣ ранѣе бъ сказалъ,
Чтобъ я могла его принять.

Вѣстникъ.

Повѣрьте, это правда; Танъ въ дорогѣ.
Товарищъ мой, принесшій эту вѣсть,
Едва живой къ намъ въ за́мокъ прискакалъ,
И задыхаясь высказалъ препорученье.

Леди Макбетъ.

Поди и присмотри за нимъ.
Онъ вѣсть великую принесъ.

(Вѣстникъ *уходитъ.*)

Охрипъ и вранъ на кровлѣ, возвѣщая
Дункана роковое вшествіе въ нашъ домъ.
Стекайтеся сюда, вы духи смерти,
Въ сердца убійства сѣющія мысли!
Лишите вы меня здѣсь пола моего!
Отъ головы до пятъ, съ краями вровень,
Вы звѣрской лютости исполните меня!
Сгустите кровь мою и затворите
Раска́янью вы каждый въ сердце входъ,

Чтобъ ни единый вопль моей природы
Не пошатнулъ ужаснаго рѣшенья,
И миромъ бы не отдѣлилъ его
Отъ дѣла самаго! Убійства демоны,
Сюда невидимыя существа,
Гдѣ бъ ни скитались вы, со злобой адской
Подстерегая гибель естества,
Сюда стекайтеся, къ грудямъ моимъ,
И въ желчь млеко вы въ нихъ преобратите!
Ты мрачная спустись на землю ночь,
И облекись въ непроницаемый дымъ ада!
Дабы кинжалъ не зрѣлъ, куда разитъ;
Чтобъ твердь небесная на дѣло ада
Не устремила взоръ сквозь мракъ густой,
И не вопилъ бы гласъ ея: *стой! стой!*

(*Входитъ Макбетъ*).

Великій Гламисъ! Знаменитый Кавдоръ!
И выше ихъ въ привѣтствіи пророчицъ!
Твое письмо исхитило меня
Изъ настоящаго; уже теперь
Я въ будущемъ живу.

Макбетъ.

Дражайшая любовь!
Сего дня ввечеру Дунканъ къ намъ будетъ.

Леди Макбетъ.

А ѣдетъ онъ когда назадъ?

Макбетъ.

Ужъ завтра,
Какъ онъ располагаетъ.

Леди Макбетъ.

О, да не узритъ солнце это утро! —
Твое чело, мой Танъ, подобно книгѣ,
Въ которой дивныя описаны дѣла.
На зло жъ дѣламъ, да будетъ твой наружный видъ
Такъ радостенъ и тихъ, какъ этотъ день.
Въ твоихъ рѣчахъ, во взорахъ и поступкахъ
Невинности пусть отразится образъ;
Будь скроменъ, тихъ, какъ полевой цвѣтокъ,
Но внутренно ты злобной будь змѣей.
Ты позаботишься принять Дункана,
А я свершу великое, ночное дѣло.
Оно намъ дастъ и скипетръ и вѣнецъ,
И царскую свободу наконецъ!

Макбетъ.

Мы болѣе поговоримъ объ этомъ.

Леди Макбетъ.

Перемѣни свой видъ, смотри живѣй;
Знакъ робости, измѣна краски на челѣ.
Мнѣ предоставь всё прочее.

(Уходятъ.)

Сцена седьмая.

Комната въ замкѣ.

Гобои и факелы. Кравчій и нѣсколько слугъ *проходятъ чрезъ сцену съ кушаньями. Потомъ входитъ* Макбетъ.

Макбетъ.

Когда бъ свершить, и дѣлу положить конецъ, —
Одно и тоже было, — о! прекрасно!
Я быстро бы его свершилъ.
И если бы предательскій ударъ
Могъ оковать полетъ неотразимыхъ слѣдствій,
Подать залогъ вѣрнѣйшаго успѣха;
И въ *этомъ* будь ударѣ *всё* заключено,
Лишь только здѣсь, на зыбкой отмѣли временъ, —
Я перепрянулъ бы чрезъ будущую жизнь!
Но нѣтъ! Рукà судебъ за таковое дѣло
Всегда готова покарать насъ *здѣсь!*
Едва урокъ кровавый данъ, — обратно
Онъ на главу преступную падетъ.
И рокъ отравленную нами чашу
Подноситъ къ нашимъ же устамъ. —
Онъ здѣсь живетъ, вдвойнѣ мнѣ довѣряя:
Вопервыхъ я ему вассалъ и кровный;
Двѣ сильныя, противныя причины!
А во вторыхъ его хозяинъ я,

Который долженъ быть ему щитомъ
Отъ остраго клинка убійцы, а не самъ
Зарѣзать гостя своего. Къ тому жъ
Дунканъ сей былъ столь кроткій Государь,
Столь незапятнанный въ великомъ санѣ,
Что добродѣтели его души,
Какъ ангелы-защитники невинныхъ,
Завопятъ страшнымъ трубнымъ звукомъ,
На адскій грѣхъ его уничтоженья:
И состраданье, — какъ нагой младенецъ,
Несущійся по бурѣ и громамъ,
Какъ неба херувимъ, въ ѳеирной колесницѣ,
Летящій на невидимыхъ коняхъ, —
Переселитъ ужасное злодѣйство
Въ сердца и въ очи всѣхъ, и слезы поглотятъ
Неистовые взрывы бурь и вихрей.
Исполнить замыселъ мой мрачный
Лишь честолюбіе меня влечетъ,
И гордо надъ самимъ собою вознесшись,
Въ бездонную меня низвергнетъ пропасть.

(Леди Макбетъ *входитъ.*)

Ну? что?

Леди Макбетъ.

Онъ только что отужиналъ;
Зачѣмъ изъ комнаты ты вышелъ?

Макбетъ.

Онъ спрашивалъ меня?

Леди Макбетъ.

Не знаешь развѣ?

Макбетъ.

Оставимъ это дѣло; онъ меня
Недавно почестьми украсилъ; я
Златое мнѣніе стяжалъ въ народѣ;
Дай сохранить его прекрасный блескъ,
Его не должно помрачать такъ скоро.

Леди Макбетъ.

Гдѣ жъ пламенная та надежда скрылась,
Которою одушевлялся ты?
Мертва иль спитъ? И пробудилась такъ блѣдна,
Такъ немощна взирать на то, что сильно
Съ охотой радостною начала?
Отнынѣ знаю я, какъ любитъ Макбетъ.
Какъ? Въ помыслахъ, въ желаніяхъ души,
И въ дѣлѣ, гдѣ нужна отвага,
Боишься ты явиться тѣмъ же мужемъ?
Конечно ты готовъ стяжать вѣнецъ,
Красу и царственное счастье жизни,
А самъ себя какъ трусъ ты осуждаешь?

Макбетъ.

Молчи! прошу тебя; на все рѣшусь я,
Прилично мужу что; кто далѣе идетъ,
Тотъ ужъ не мужъ.

Леди Макбетъ.

Зачѣмъ же ты открылъ
Мнѣ замыселъ? Когда рѣшился ты,
Ты мужъ былъ; будь ты выше, чѣмъ въ прошедшемъ,
Еще бъ ты болѣе былъ мужъ! Тогда
Ни времени, ни мѣста не было, —
Ты ихъ создать хотѣлъ; теперь они
Явились сами здѣсь, и ихъ стеченьемъ
Ты уничтожился. — Кормила я,
Я знаю, какъ сладка любовь къ дитяти, —
Но я бъ отторгла грудь отъ нѣжныхъ устъ
И выбила бы мозгъ его, когда бъ клялась,
Какъ клялся ты.

Макбетъ.

Но если не удастся?

Леди Макбетъ.

Не удастся!
Исполни мужествомъ ты весъ свой духъ,
И намъ удастся всё. Когда Дунканъ уснетъ,
Отъ долгаго уставши перехода,
Виномъ и крѣпкой сонною травою
Его я стражей такъ перепою,
Что чувства ихъ преобратятся въ чадъ,
И чаша разума въ его отдушникъ.
Когда же, опьяненные, они
Въ глубокомъ снѣ, какъ-бы въ объятьяхъ смерти,
Лежатъ, чего не можемъ мы свершить

Надъ беззащитнымъ Королемъ? Чего
Не можемъ своротить на слугъ его,
Которые снесутъ тогда вину
Великаго смертоубійства?

Макбетъ.

Не порождай мнѣ дочерей! Мужей однихъ
Неукротимое твое мнѣ чрево
Пусть производитъ!
Когда мы тѣхъ, которые вдвоемъ
Съ Дунканомъ въ королевской спальнѣ спятъ,
Обрыжжемъ кровью и мечами ихъ
Убійство совершимъ, не ихъ ли обвинятъ
Всѣ въ преступленьи?

Леди Макбетъ.

Кто дерзнетъ подумать
Противное, когда оплакивать
Мы станемъ смерть его?

Макбетъ.

Я твердъ;
Уже я напрягаю мои нервы
Къ ужасному убійству.
Идемъ, и пусть веселое чело
Надъ временемъ презрительно смѣется;
Пусть лживое лице отъ всѣхъ сокроетъ
Души коварной помышленья. *(Уходятъ.)*

А. Кронебергъ.

ВИДѢНІЕ.

Что такое сновидѣніе? Изъ какого міра ѳантазій и чудныхъ грезъ слетаетъ къ намъ оно? Кто изъяснитъ его недоконченные виды, его несвязныя, разнообразныя нити, безъ начала, безъ конца? Утомленный матеріяльною жизнію, почти безъ чувствъ, безъ мыслей смыкаешь глаза — и вдругъ, нежданные, являются имъ странные образы, давно забытые или никогда невиданные, говорятъ, дѣйствуютъ, исчезаютъ; раскрывается новый міръ, встаютъ исполинскія горы, ползутъ то тамъ, то сямъ — химерическія бредни, ворочаются чудовища, или пролетаютъ по сценѣ гиперболы неслыханныя... Иногда находишь себя внѣ своей сѳеры, видишь, какъ съ человѣческимъ составомъ твоимъ слилось что-то животное; говоришь съ духами, повелѣваешь стихіями, мелькаешь въ высотахъ неприступныхъ — или пресмыкаешься въ глубочайшей безднѣ и, кажется, чувствуешь на себѣ всю тягость огромнаго шара земнаго . . .

Иногда же цѣлыя событія, цѣлыя періоды жизни съ ихъ перемѣнами, съ дѣйствующими лицами, проходятъ въ безпредѣльномъ пространствѣ, и такъ заманчиво сплетаются, такъ оригинально растутъ, возрастаютъ и скрываются, что въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ до того свыкнешься съ этимъ новымъ, поэтическимъ міромъ, что проснувшись—долго не вѣришь плѣнительному обману чудной, своевольной Поэмы, лица которой будто еще тайно присутствуютъ съ нами, и напѣваютъ душѣ неясные, но понятные звуки или шепчутъ зловѣщія предсказанія.

Однимъ изъ таковыхъ видѣній я былъ сильно пораженъ. Снилось мнѣ, будто я отчужденъ отъ нашего обыкновеннаго міра и нахожусь въ другомъ, высшемъ, гдѣ существа не имѣютъ плоти, гдѣ они не видятъ подобныхъ себѣ, но чувствуютъ присутствіе ихъ; имѣютъ тайное сношеніе другъ съ другомъ, и наблюдаютъ движеніе видимой для нихъ ѳизической природы. Яснѣе сказать: я былъ существомъ духовнымъ, чародѣемъ, озлобленнымъ противу людей . . . Я вырвался изъ рабской ихъ сѳеры и умчался далече за предѣлы земнаго . . Мое *Я*, сознаваемое во всю жизнь, осталось, впрочемъ, со мною; только отъ него отдѣлилась какая-то часть, связывавшая меня съ людьми . . . Пребы-

ваніемъ моимъ былъ воздухъ; свободно и легко перелеталъ я неизмѣримыя пространства, видѣлъ подъ собою миніатюрную землю, носился надъ безднами океана или парилъ поверху горъ, отуманенныхъ волнами тучъ . . . Чуденъ былъ гордый восторгъ моего могущества: стоило загадать — и все мгновенно исполнялось: пространство исчезало какъ сонъ и время не дерзало противиться моимъ предпріятіямъ . . . Съ какимъ презрѣніемъ взиралъ я на грязную землю, отъ которой отдѣлился; на людей, которые ползали и пресмыкались у ногъ моихъ; на всю ихъ жизнь, на страсти, движенія и происшествія... Я чувствовалъ себя далеко выше ихъ сѳеры, но невольно признавалъ и надъ собою какую-то непостижимую власть, велѣніямъ которой слѣпо повиновался. . . . Перелетая горы, лѣса и бездны, я останавливался на какихъ-то воздушныхъ высотахъ, заключался въ невидимую сѳеру, чувствовалъ тамъ присутствіе ду́ховъ, посвящался въ ихъ таинства, исчезалъ въ забвеніи, окруженный какою-то свѣтлою мглою . . . Все человѣческое покидало тогда меня, и только робкая боязнь, только смутное недоумѣніе и туманное сочувствіе жизни, неясно говорили о моемъ существованіи...

Вдругъ мнѣ захотѣлось, вѣроятно изъ любопытства, посѣтить землю, и я принялъ на себя

тѣлесность. Слетая съ нагорней высоты, я быстрѣе птицы мчался стремительно внизъ; земля болѣе и болѣе яснѣла предо мною; уже я могъ различать горы, лѣса, поляны, города и рѣки; уже видѣлъ людей, стремящихся по разнымъ направленіямъ, сходящихся въ толпы и расходящихся снова; но путь мой не былъ еще оконченъ. Я направилъ его въ городъ, гдѣ воспитывался, когда былъ человѣкомъ, и откуда улетѣлъ съ могущественной силой въ неопредѣленныя страны. Вижу знакомыя мѣста, широкую рѣку, и перпендикулярно спускаюсь на воду... Выхожу на берегъ, начинаю дышать земною атмосѳерой, впиваю въ себя прежній образъ мыслей и будто просыпаюсь отъ продолжительнаго сна... Вдругъ — откуда ни возмись, является предъ глазами огромная зала, толпа товарищей Студентовъ, музыка и танцы... Невольно я вмѣшиваюсь въ веселую компанію и начинаю мазурку.... Одумавшись, я оставляю сообщничество людей, для меня непріязненныхъ, и спѣшу удалиться... Запустѣлый садъ примыкаетъ къ дому; едва пробитая тропинка вьется межъ деревьями... Я иду по ней, потупивъ голову и задумавшись о своей странной участи; могильная тишина окружаетъ меня; хрупкій листъ шелеститъ подъ ногами... даль безконечна и память о самомъ

себѣ теряется въ забвеніи... Вдругъ... и члены мои потряслися, кровь застыла въ жилахъ... оцѣпенѣніе облило меня ледяною корою... Въ пяти шагахъ отъ меня, медленно передвигая свинцовыя ноги, показался въ исполинскомъ размѣрѣ живой трупъ несчастнаго товарища, погибшаго самоубійцей... О, что бы я далъ, чтобъ перелить это страшное видѣніе во всей силѣ его на холстину!.. Съ ногъ до головы привидѣніе было окутано въ какую-то мантію страннаго цвѣта, похожаго на сгнившее дерево; руки его были сложены крестообразно, а лице... лице довершало ужасъ картины!.. Неподвижныя, окостенѣлыя черты его, подернутыя могильной пеленою, сохранили какую-то угрозу и ясно говорили душѣ о непреклонности злобнаго рока... Вся прошедшая, бѣдственная его жизнь, весь ужасъ будущей, и это отверженіе отъ всѣхъ существъ, нѣкогда съ нимъ однородныхъ, и это безконечное скитаніе изъ страны въ страну, изъ міра въ міръ, изъ предѣла въ предѣлъ, и непреклонность судьбы, и вѣчное упорство воли несчастнаго: все зловѣщее и роковое, въ одно мгновеніе, какъ молнія, озарившая страшную картину, мелькнуло въ душѣ моей... Затрепетавъ, я палъ на колѣна, закрылъ лице и вскричалъ: „Судьбинскій!..“ полагая, что приви-

дѣніе удалится не вымолвивъ слова; но оно простонало могильнымъ глаголомъ, какъ-бы въ отвѣтъ на мое малодушіе: *Судь-бин-скій.* Труба Страшнаго Суда менѣе поразила бы мою душу, какъ это роковое слово. Имъ видѣніе пояснило непостижимую участь свою... „Да“ выражалъ тонъ звуковъ слова: „я Судьбинскій, тотъ самый, который для свободы жизни, разорвалъ оковы неволи земной; тотъ самый, который, проклиная жестокость рока, непобоится упорствовать ему, хотя бы мученія за это были безконечнѣе вѣчности, тотъ самый, который не имѣетъ теперь пристанища во вселенной, и скитается одинокою тѣнью въ хаосѣ міроздания... Да—я Судьбинскій...“

Большаго не могли сносить силы мои; цѣпенѣя, я рвался уничтожить себя, закружился, какъ въ вихрѣ листъ, и проснулся. Сердце мое сильно билось; слезы градомъ катились изъ глазъ моихъ; глухой шумъ гудѣлъ въ ушахъ... Была предразсвѣтная пора — и Востокъ едва просвѣчивалъ зарею... Сотворивъ крестное знаменіе, я немного успокоился, но сонъ бѣжалъ очей...

Что же предвѣщало явленіе твое, злосчастный товарищъ? Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, носится окровавленная тѣнь твоя? Кто искупаетъ твое преступленіе?.. Кто разгадываетъ твою участь?.. Увы!

отъ насъ сокрыто все; но я не вѣрю, чтобъ явленіе твое было нѣчто обыкновенное, какъ ежедневная греза души, какъ бредъ впечатлѣній . . . Ты сошелъ съ невѣдомыхъ странъ, какъ жилецъ-скиталецъ, перешелъ этотъ міръ, и, можетъ быть, номчался далече . . . . . . Такъ живо сны не снятся, и въ тайныхъ помыслахъ души моей, я умѣлъ истолковать твое появленіе . . .

А. Кульчицкій.

СОКОЛЪ.

На верху скалы высокой,
Недоступной никому,
Свилъ гнѣздо пустынный соколъ,
И привольно тамъ ему.

Въ дикой дебри онъ одинъ
И жилецъ, и властелинъ!

Только лебедь запоздалый
Пролетитъ надъ кучей скалъ,
Вылетаетъ онъ, удалый,
Онъ настигъ, и лебедь палъ!

Только мимо пронесется
Стадо дикихъ журавлей,
Вслѣдъ за нимъ онъ и — взовьется
Рѣзвой молніи быстрѣй.

Налетѣлъ и — полный силъ,
Онъ любаго поразилъ!

Подъ грядами дальныхъ тучъ,
Надъ землею и надъ моремъ,
Беззаботенъ и могучъ,
Онъ гуляетъ на просторѣ!

Въ свѣтлый день, въ ночную тму
Всюду путь открытъ ему!

Полевъ.

БЕЗУМІЕ.

Безстрастныя очи вперивши на темное небо,
Сидѣла печальная дѣва на скалахъ прибрежныхъ,
высокихъ...
Власы распущенные вѣтеръ порывистый взбилъ...
Угрюмое море клубилось, вспѣненное бурей...
Далеко на немъ одинокій чуть видѣлся парусъ...
Валы разъярились, кипятъ, и бушуя,
Хотятъ поглотить беззащитный корабль, —
Борющійся, рѣющій въ грозной пустынѣ...
Пловцы безнадежно взываютъ ко брегу.
На ликѣ прекрасномъ, земномъ идеалѣ,
У дѣвы мелькнула тревожная дума,
Ланиты — увядшія розы, зардѣлись,
Въ померкшихъ, безстрастныхъ очахъ загорѣлась
Молнія вспыхнувшей пламенемъ жизни...
Дико и пусто на скалахъ окрестныхъ, угрюмыхъ,
Что было живое, то скрылось, гонимое бурей,
И только безмолвныя звѣзды небесъ отдаленныхъ,
Да птицы ночныя, гнѣздившіясь въ скалахъ,
Видали, какъ дѣва на помощь далекимъ пловцамъ
Въ грозно шумящее море низверглась, —
сокрылась...

Пл. Рѣдкинъ.

Отрывокъ

изъ *МАРЬЯНЫ де ЛОРМЪ,*

Драмы В. Гюго.

Сцена II-я

Марьяна *(одна. Она затворяетъ дверь, въ которую вышелъ Саверньe.)*

Иди! Какъ я боялась, чтобъ Дидье. . .

(Бьетъ полночъ.)

Но полночь бьетъ!. .

(Пересчитавъ удары боя)

Пробила! гдѣже онъ? Не слышно. . .

(Идетъ на балконъ и смотритъ на улицу).

Нѣтъ! нейдетъ. . . .

(Возвращается и садится съ досадой).

Онъ отдаляетъ часъ желаннаго свиданья. . .
Онъ не спѣшитъ ко мнѣ. . . мнѣ грустно ждать его. . .

(Молодой человѣкъ, въ черномъ костюмѣ, появляется за перилами балкона, перелѣзаетъ чрезъ нихъ, входитъ — кладетъ на кресло плащъ и ручную шпагу. Идетъ, — потомъ останавливается и смотритъ нѣсколько мгновенiй на Марьяну, которая сидитъ потупя взоры.)

Сцена III.

Марьяна и Дидье.

Марьяна. (*Быстро поднимая глаза, съ радастію*)
А!..
(*съ упрекомъ*)

Какъ долго вы меня заставили васъ ждать,
И скучные часы въ безмолвіи считать.

Дидье (*важно*).

Я медлилъ, признаюсь, въ мучительномъ томленьи...

Марьяна.

Вы слову измѣнить хотѣли?..

Дидье (*не слушая ее*).

Въ изступленьи —
Внизу у мрачныхъ стѣнъ въ мечтахъ я изнывалъ;
За васъ страшился я, за васъ я трепеталъ.
Проклятіемъ судьбы, тоской обремененный,
Я думалъ про себя, любовью вдохновенный:
„Тамъ въ добродѣтели, въ блестящей красотѣ,
Тамъ ангелъ бодрствуетъ, какъ свѣта лучъ во тьмѣ,
Созданье кроткое, предъ кѣмъ съ благоговѣньемъ,
Міръ цѣлый долженъ пасть съ мольбой и съ умиленьемъ!
Я жъ, осужденный жизнь въ толпѣ, въ грязи влачить,
Дерзну ли свѣтлыхъ струй теченье возмутить?..
Сорву ли лилію? дерзнули жизни тлѣнной

Дыханьемъ омрачить взоръ дѣвы несравненной?..
Невинность благостью Всесильный освятилъ,
Небесной красотой отъ смертныхъ отличилъ;
Такъ въ правѣ ль я принять отъ дѣвы добродушной
Безцѣнный даръ небесъ, любви великодушной,
И тьмой души моей жизнь ангела затмить?..“

Марьяна (въ сторону).

Не Гугенотъ ли онъ? о чемъ онъ говоритъ?
Онъ Богословіе мнѣ, кажется, читаетъ?..

Дидье.

Вдругъ слышу — голосъ вашъ вокругъ меня ви-
таетъ;
Онъ долетѣлъ ко мнѣ въ безмолвной тишинѣ —
И я помчался къ вамъ......................

Марьяна.

Серьёзно ль истину вы говорите мнѣ?..

Дидье.

Я слышалъ голоса..'

Марьяна.

То Роза говорила;
Не женскимъ голосомъ природа надѣлила
Ее. Но вы пришли — душой вамъ рада я!

(Показывая ему мѣсто):

Садитесь здѣсь, — вотъ тутъ, поближе, вотъ —
сюда.

Дидье.

Нѣтъ! здѣсь — у вашихъ ногъ...

(Садится на табуретъ у ногъ Марьяны и нѣсколько мгновеній смотритъ на нее въ безмолвномъ размышленіи.)

Внемли же мнѣ, Марія:
Зовутъ меня — Дидье. Я съ роду не знавалъ
Отца и матери. Младенцемъ я лежалъ
Близь церкви, брошенный въ добычу состраданья;
Прохожей женщины птенецъ привлекъ вниманье,
Старушка добрая склонилась къ сиротѣ;
Согрѣла у груди, взяла подъ кровъ къ себѣ;
Потомъ, какъ водится, вскормила, воспитала,
И небольшой доходъ по смерти завѣщала.
И снова — въ двадцать лѣтъ, съ названьемъ сироты,
Блуждалъ я по свѣту — и встрѣтилъ на пути
Толпу бездушниковъ и ихъ — возненавидѣлъ;
Вездѣ тщеславіе, корысть и бѣдность видѣлъ;
И, въ тускломъ зеркалѣ на обликѣ людей,
Безмолвно вычиталъ ничтожность ихъ затѣй!..
Презрѣлъ ихъ—изабылъ!.. и, жизнью утомленный,
Душою одряхлѣлъ, какъ старецъ истощенный!
Тоски мучительной печальные слѣды,
Браздами на челѣ страдальца налегли.
Все надоѣло мнѣ, все мучило, томило:
Міръ дуренъ, думалъ я, но люди хуже міра.

Я не жилъ, я страдалъ; какъ вдругъ, счастливый
день!
Я съ вами встрѣтился въ Парижѣ. Вы, какъ тѣнь,
Мелькнули; я не зналъ, кто вы; но утѣшенье
Проникло въ грудь мою. . . Красавицы явленье,
Улыбка, легкій станъ, блескъ пламенныхъ очей
И отзывы души — гармонія рѣчей,
Все съ вашимъ образомъ въ мечтахъ моихъ сли-
валось . . .
Но сердце гордое любви еще боялось. —
Я убѣжалъ. . . а вы, въ согласіи съ судьбой,
Какъ геній, какъ мечта летите вслѣдъ за мной!
И наконецъ . . . . . . не въ силахъ я скрываться —
Вы мнѣ позволили — пришелъ въ любви сознаться,
Пришелъ сказать, что жизнь, свободу, честь и кровь,
Надежду — все мое — за ласку, за любовь
Готовъ отдать я вамъ; готовъ моей душею
Пожертвовать за взглядъ, и твердою рукою
Въ угодность прихоти убійство совершить!
И жертву падшую утѣшить, обольстить
Улыбкой ангела въ предсмертное мгновенье. . .
Скажите! я готовъ на смерть, на преступленье. . .

Марьяна (*улыбаясь*).

Вы странны. . . Но я васъ люблю *такимъ какъ вы!*

Дидье.

Ты любишь?.. Я любимъ!?. Страшись!.. слова любви
Не произносятся безумно и напрасно,
И, обмануть въ любви — постыдно и ужасно!..
Ты любишь?.. знаешь ли ты эту страсть—любовь?..
Лучъ жизни, свѣтъ души, блаженство, нашу кровь —
Любовь, сокрытую въ душѣ неукротимой
И, вдругъ разлитую струей неугасимой,
Которая въ груди пылая и таясь,
Мертвитъ земное въ ней, возноситъ къ небу насъ
И въ сердцѣ пламенномъ всѣ страсти истребляетъ!?
Любовь, которая все, все переживаетъ:
Надежды, радости, восторги бытія, —
И надъ могилою *еще* томитъ себя?
— Такъ о любви ли ты сомною говорила?

Марьяна (съ изумленіемъ).

Конечно... я любви моей отъ васъ не скрыла.

Дидье.

О, нѣтъ! не знаешь ты, какъ я тебя люблю!
Со встрѣчи радостной блескъ взоровъ я ловлю;
Они тоску мою лучами разгоняютъ,
Тьму жизни и души надеждой озаряютъ!
Съ тѣхъ поръ міръ лучше сталъ, и ты въ моихъ глазахъ, —
Какъ призракъ неземной, какъ солнце въ небесахъ!
И жизнь, въ которой я съ тоскою состязался —

Повѣришь ли? теперь — я бъ съ неюне разстался!..
А до тебя... увы! я дни мои губилъ,
Боролся съ жизнію — тогда я не любилъ!..

Марьяна.

Ты жалокъ мнѣ, Дидье.

Дидье.

Марія!..

Марьяна.

Всей душею...
Да, я люблю тебя! и, можетъ быть, тобою
Любима *менѣе*... Не я ль въ пылу любви
Слѣдила, будто тѣнь, тебя — твои шаги?..
Теперь я *вся* твоя!..

Дидье. (*падая на колѣни*).

Я палъ предъ обольщеньемъ:
— Не погуби меня обманомъ и презрѣньемъ!
О! если я любимъ какъ я тебя люблю,
Моимъ блаженствомъ я вселенную куплю!..
Жизнь наслажденіямъ вседневно посвящая,
Умру у ногъ твоихъ, въ восторгахъ изнывая!..
— Не обмани меня!..

Марьяна.

Чего же хочешь ты,
Чтобы увѣриться въ моей къ тебѣ любви?

Дидье.

Рѣшишься ль доказать?

Марьяна.

О, я на все готова!..

Дидье.

Свободна ль ты?.. Скорѣй!.. отвѣта роковаго
Жду съ нетерпѣніемъ... свободна ли ты?..

Марьяна (*съ замѣшательствомъ*).

— Да.

Дидье.

Рѣшись же быть моей — до гроба, навсегда!
Позволь мнѣ братомъ быть, твоей опорой, другомъ...
И назови меня — любовникомъ, — супругомъ!..

Марьяна (*въ сторону*).

Увы! достойна ль я!?..

Дидье.

Скажи! — зачѣмъ молчать?

Марьяна.

Но...

Дидье.

Странно и смѣшно!.. я вздумалъ докучать
Любовью. Сирота, безъ званья, безъ имѣнья,
Дерзнулъ любить, мечтать и дѣлать предложенье...
Оставь меня въ тоскѣ, въ страданьяхъ изнывать!..
Прощай!

(*Хочетъ выйти — Марьяна его удерживаетъ.*)

Марьяна.

— Что ты сказалъ?

(*плачетъ.*)

Дидье.

Прости, я виноватъ!

(Приближаясь къ ней):

Рѣшайся!... выслушай ... мы время убиваемъ...
Быть другъ для друга всѣмъ, отчизной, міромъ,
раемъ,
Жить въ неизвѣстности, далеко отъ людей,
Завидовать любви заставить всѣхъ царей...
Неправда ль? согласись . . . .
. . . .

Марьяна.

То не земная бъ жизнь — небесная была...

Дидье.

Когда бъ ты сердце мнѣ и руку отдала;
Когда бъ судьбу свою съ моей соединила!

Марьяна *(въ сторону)*.

Увы! я бы его навѣки погубила!

Дидье.

Рѣшилась ли, скажи?

Марьяна (въ сторону).

Несчастная! О!.. Да!..

(Громко).

Нѣтъ! нѣтъ! я не могу рѣшиться никогда!

(Вырывается изъ рукъ Дидье и падаетъ въ креслы)

Дидье (мрачно).

Вы правы; точно—я вамъ жертвовалъ не многимъ;
Вы правы предо мной, предъ бѣднякомъ убогимъ!

Я вижу — вы меня не можете любить —
И, о любви я вамъ не стану говорить.
Довольно... кончено... забудемъ... ни пол-слова!..

Марьяна (*въ сторону*).

Да будетъ проклятъ день свиданья роковаго!
(*Громко*):
Дидье! послушайте... я вамъ хочу сказать...
Но для чего меня такъ мучить и терзать...
Я все вамъ объясню...

Дидье (*съ холодностiю*).

Что вы тогда читали,
Когда я къ вамъ пришелъ?...
(*Съ упрекомъ*) Когда меня вы ждали...
(*Беретъ книгу со стола и читаетъ*:)

Вѣнокъ любви, Марьянѣ де Лормъ.

(*Презрительно*).

Красивой женщинѣ съ поруганнымъ челомъ!
Толпы безсмысленной презрѣнному кумиру!
(*Бросая книгу съ бѣшенствомъ*):
О! тварь безчестная! укоръ любви и мiру!
Укоръ всѣмъ женщинамъ!..

Марьяна (*трепещущимъ голосомъ*):

Государь мой!...

Дидье.

Что дѣлаете вы съ подобными стихами?
Какъ къ вамъ они *дошли?*

Марьяна (*потупляя глаза, слабымъ голосомъ*)
По случаю...

Дидье.

Съ очами,
Какъ небо ясными, съ возвышеннымъ челомъ,
Вы не должны бы знать прелестницы де Лормъ!
Она — красавица съ душею развращенной,
Фринея, женщина — она толпѣ презрѣнной
Честь, совѣсть, прелести постыдно продаетъ...
Любовь ея позоръ, безчестье навлекетъ!!..

Марьяна (*склоняя голову на руку*).
Всесильный Богъ!...

(*На улицѣ раздается шумъ шаговъ, стукъ оружія и крикъ:*)
Разбой! убійство! караулъ!

Дидье (*съ удивленіемъ*):
Что дѣлается тамъ? въ сосѣдствѣ слышенъ шумъ!

(*Крикъ продолжается*)
На помощь! караулъ!

Дидье (*глядя съ балкона*).
Кого-то убиваютъ...

(*Беретъ шпагу и перелѣзаетъ чрезъ периллы балкона. Марьяна встаетъ, бѣжитъ къ нему и хочетъ удержать за плащъ.*)

Марьяна.
Останься... не ходи... тамъ смертью угрожаютъ...
Останься, милый другъ...

Дидье.
Нѣтъ, *надобно* идти;

(*Прыгая на улицу*):

Я долженъ бѣдняка отъ гибели спасти.

(на дворѣ, къ сражающимся):

Остановитесь! Прочь! — Отважнѣе! смѣлѣе!...

(Шумъ шаговъ, стукъ оружія и голоса).

Держитесь такъ! на нихъ! ударимте дружнѣе!

А что, бездѣльники?

Марьяна *(на балконѣ, съ ужасомъ)*

О небо! шесть на двухъ!

Голоса на улицѣ.

Онъ чортъ, не человѣкъ! онъ смѣлъ, какъ адскій духъ!

(Стукъ оружія усиливается, потомъ затихаетъ. Шумъ шаговъ отдаляется. Дидье показывается на балконѣ).

Дидье *(лицемъ къ улицѣ)*:

Вы внѣ опасности. Прощайте! до свиданья...

Саверни *(съ улицы)*.

Позвольте выполнить сердечное желанье...

Мой долгъ... благодарить и руку вамъ пожать.

Дидье *(съ нетерпѣніемъ)*.

Къ чему, сударь, слова и время вамъ терять?

Отъ благодарности я васъ освобождаю...

Саверни.

А я признательность въ обязанность вмѣняю;

Она священный долгъ — я выполню его...

(всходитъ на балконъ).

Дидье.

Но лазить вамъ на верхъ, скажите, *для чего?*

И съ низу можете вы мнѣ сказать: *спасибо.*

Лавръ.

Отрывокъ изъ Исторической Картины:

ПАДЕНІЕ НѢМЕЦКАГО ОРДЕНА

въ Ливоніи.

ГЛАВА I.

Duncan.

My worthy Cawdor!

Macbeth.

The Prince of Cumberland! — That is a step,
On which s must fall down, or else o'erleap,
(aside)
For in my way it lies. Stars, hide your fires!
Let not light see my black and deep desires:
The eye wink at the hand! yet let that be,
Which the eye fears, when it is done, to see.

Shakspeare's Macbeth.

Полная, свѣтлая луна взошла надъ плодоносными равнинами Нигтенскими и озарила станъ Гермейстера Ливонскаго. Тихая, ясная ночь послѣдовала за прекраснѣйшимъ днемъ осеннимъ и погрузила въ сонъ утомленное воинство Нѣмецкаго Ордена.

Правое крыло стана примыкало къ небольшому озеру, изъ коего вытекаетъ маленькая рѣчка, или лучше сказать, ручеекъ, впадающій, въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда въ быструю Эльбу; лѣвое простиралось до большой дороги, ведущей изъ Риги въ Дерптъ, возлѣ самой церкви мѣстечка Нигтена. Станъ расположенъ былъ на лѣвомъ берегу помянутаго ручейка.

Палатка Гермейстера, находившаяся въ центрѣ, возвышалась на большомъ холмѣ, и отличалась отъ прочихъ, какъ своею обширностію, такъ и богатствомъ убранства и роскошнымъ вкусомъ. Она представляла правильный восьмиугольникъ, коего стороны обтянуты были попеременно черною и голубою парусиною, и украшены по угламъ огромными шелковыми кистями и густою бахромою. Верхъ палатки, или лучше сказать, средняя часть ея, была обита шелковою матеріею небесноголубаго цвѣта, и украшена шитыми золотыми гирляндами, въ промежуткахъ коихъ видѣнъ былъ черный крестъ; самая же верхушка, отдѣляемая отъ средней части ея широкими галунами, была покрыта бѣлымъ, какъ снѣгъ, полотномъ. На каждой изъ восьми сторонъ ея вышита была золотая звѣзда, а вдоль каждаго угла красный, огненный мечъ. Надъ палаткою возвышался гербъ Ордена

Нѣмецкаго, блистающій золотомъ и яркими красками. Главный входъ, обращенный къ Востоку, украшался фамильнымъ гербомъ Гермейстера. Противъ сего входа, на разстояніи 25 шаговъ отъ палатки, водружено было священное знамя Орденское, охраняемое нѣсколькими тяжело вооруженными воинами, которые прохаживались въ какомъ то торжественномъ безмолвіи взадъ и впередъ, и только изрѣдка бросали унылые взоры на Палладіумъ Ливоніи. Черный цвѣтъ тяжеловѣсныхъ латъ, освященныхъ невѣрнымъ свѣтомъ луны, и мертвая тишина, господствующая между стражею, и только прерываемая изрѣдка глухимъ шумомъ оружія, вселяли какой-то невольный трепетъ, и заставляли почитать ихъ за нѣмыхъ пришельцовъ съ другаго свѣта.

Позади и по сторонамъ палатки Гермейстера, на покатѣ холма, расположены были, въ видѣ полумѣсяца, палатки присутствующихъ Контуровъ и могущественнѣйшихъ сановниковъ Ордена. Многія изъ нихъ въ великолѣпіи и богатствѣ не уступали Гермейстеровой, и даже превышали ее въ послѣднемъ отношеніи. За сими палатками слѣдовали шатры отборнѣйшихъ воиновъ, а за ними, наконецъ, вправо, разбросано было, почти безъ всякаго порядка, прочее малочисленное воинство, состоящее большею частію изъ наемниковъ, сбѣ-

жавшихся крестьянъ, и людей всякаго званія, привлеченныхъ или видами корысти, или надеждою найти безопаснѣйшее убѣжище отъ разрушительнаго меча Русскихъ. Они составляли главную силу праваго крыла. Бѣдный и жалкій видъ сего отдѣленія стана представлялъ разительную противуположность съ великолѣпіемъ и восточною роскошью центра. Большая часть ратниковъ вовсе не имѣла никакого крова, и расположена была на голой землѣ подъ открытымъ небомъ; другая же построила себѣ небольшіе шалаши изъ древесныхъ лозъ, покрыла ихъ густыми еловыми вѣтвями, и тѣмъ старалась укрыться отъ ночной сырости. Но сія часть была болѣе обезпечена отъ внезапнаго нападенія непріятеля, нежели прочія. Фронтъ ея былъ обращенъ къ помянутой рѣчкѣ, коея низменные, чрезвычайно топкіе берега были непреодолимою преградою для скорой и скрытной переправы. Не менѣе выгодное положеніе имѣло сіе крыло съ праваго бока: кромѣ небольшаго озера, непроницаемыя болота, поросшія частымъ кустарникомъ, тянулись на необозримое пространство отъ Востока къ Югу, и заграждали путь всякому, кто бы рѣшился съ многочисленнымъ отрядомъ напасть врасплохъ на слабыхъ поборниковъ Ливоніи. Лѣвый флангъ сообщался съ центромъ.

Въ лучшемъ видѣ было лѣвое крыло стана. Здѣсь находились отборнѣйшіе ратники Ордена. Большая часть рыцарства и прочаго дворянства, притекшаго на защиту своей родины, вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ конницы, расположена была на самомъ берегу, и примыкала къ церкви Нигенской, при которой находился мостъ, ведущій чрезъ рѣчку. Богатые и блестящіе шатры раскинуты были по обѣимъ сторонамъ дороги, и защищались съ праваго и лѣваго боковъ батареями.

Таковъ былъ видъ войска, на которое Ливонія полагала единственную и послѣднюю свою надежду!

Ночный часъ, тяжкіе труды минувшаго дня и жаркое сраженіе съ Русскими подъ стѣнами Дерпта, въ коемъ Гермейстеръ приписывалъ себѣ честь побѣды, погрузили въ крѣпкій сонъ усталыя полчища ратниковъ Ливонскихъ. Внутренность палатки Гермейстера соотвѣтсвовала въ великолѣпіи богатой ея наружности, и раздѣлялась на три части. Первая, находящаяся при главномъ входѣ, обита была зеленымъ штофомъ съ вышитыми серебряными трофеями, и служила какъ-бы переднею. Два великорослыхъ латника стояли на часахъ при самомъ входѣ. По лѣвую сторону, въ большихъ креслахъ, сидѣлъ молодой тринадцати-

лѣтній пажъ, склоня голову на правую руку. Усталость и дремота одолѣвали утомленные члены мальчика, и сонъ ежеминутно готовъ былъ распространить надъ нимъ свое цѣлительное владычество. Нѣсколько старыхъ служителей дремали въ противуположной сторонѣ. Небольшая дверь соединяла эту комнату съ другою, гораздо обширнѣйшею. Стѣны, обитыя прекрасною голубою парчею съ вышитыми золотыми гербами Нѣмецкаго Ордена, соединялись вверху въ видѣ балдахина и представляли родъ купола въ готическомъ вкусѣ. На каждой изъ четырехъ сторонъ онаго изображенъ былъ черный крестъ, окруженный золотымъ сіяніемъ. Вдоль стѣнъ находились оттоманки, обтянутыя штофомъ кармазиннаго цвѣта; полъ же устланъ былъ богатыми Персидскими коврами. Посреди комнаты стоялъ небольшой столъ, накрытый тою же матеріею, какъ и оттоманки. На немъ находился прекрасный серебряный канделабръ съ 8-ю зажженными свѣчами. Множество разбросанныхъ бумагъ закрывали остальную поверхность стола, около коего стояли шесть богато вызолоченыхъ креселъ съ кармазинными же шелковыми подушками. Отсюда вела другая дверь въ третіе и послѣднее отдѣленіе палатки, образующее неправильный шестиугольникъ, обтя-

нутый богатою парчею прекраснаго пунцоваго цвѣта съ вышитыми изображеніями чернаго креста, въ промежуткахъ коего виднѣлись эмблемы меченосцевъ. По правую и лѣвую сторону стояли два стола съ небольшими канделабрами; на стѣнѣ, противу двери, висѣло, въ богатой кіотѣ, изображеніе Богородицы, покровительницы Ордена, предъ коимъ горѣла золотая лампада, усыпанная жемчугомъ и дорогими каменьями. На другой стѣнѣ, по обѣ стороны двери, вышитъ былъ фамильный гербъ Гермейстерскій. Полъ, какъ и въ прежнихъ комнатахъ, покрытъ былъ дорогими коврами; наконецъ, постель съ кожанымъ тюфякомъ, нѣсколько креселъ и большой круглый столъ, забросанный бумагами, довершалъ убранство комнаты.

Небольшой средняго роста мужчина, лѣтъ около тридцати, въ черномъ короткомъ кафтанѣ и сапогахъ съ широкими голубыми отворотами, расхаживалъ по комнатамъ, сложивъ назадъ руки. Это былъ Готгардъ Кетлеръ, послѣдній Гермейстеръ Ливонскій. Орлиный носъ, небольшіе черные глаза, смуглыя впалыя щеки, маленькій ротъ, который во время улыбки разливалъ неизъяснимую прелесть на прочія черты лица его, и наконецъ высокій лобъ, оттѣняемый черными

кудрями волосъ, придавали какую-то особенную, двоякую выразительность его физіономіи. Проходку свою онъ располагалъ такимъ образомъ, что начиная отъ образа Св. Маріи, дѣлалъ изгибъ направо, входилъ въ среднюю комнату, и, обошедъ вокругъ большаго стола, возвращался въ первую, и, сдѣлавъ полукругъ въ противную сторону, подходилъ снова къ образу. Нѣсколько разъ бросался онъ на постель и, казалось, старался уснуть, но сонъ бѣжалъ его очей; съ примѣтною досадою вставалъ онъ снова съ своего ложа и начиналъ ходить. Иногда внезапная улыбка появлялась на мрачномъ лицѣ его, глаза начинали сверкать какимъ-то чуднымъ огнемъ, шаги примѣтно ускорялись... но это былъ мгновенный лучъ солнца, блеснувшій сквозь черныя тучи... Прежній мракъ покрывалъ снова черты его, которыя послѣ минувшаго блеска казались еще пасмурнѣе. Иногда, съ какимъ-то счастливымъ самодовольствіемъ, останавливался онъ предъ фамильнымъ гербомъ своимъ, водилъ пальцемъ по воздуху, какъ-бы намѣреваясь прибавить къ нему еще новыя украшенія или перемѣнить старыя; но вдругъ, какъ-бы испугавшись чего нибудь, скорыми шагами отходилъ отъ него, подобно человѣку, устрашенному исполинскою смѣлостію соб-

ственныхъ мыслей своихъ. Уже нѣсколько разъ звонилъ онъ въ колокольчикъ и сонный пажъ вбѣгалъ съ безпокойствомъ, но холодное: *не нужно! ступай!* было единственнымъ его приказаніемъ. Наконецъ, пронзительный звукъ колокольчика снова встревожилъ бѣднаго пажа и онъ опрометью вбѣжалъ въ двери.

„Прикажи позвать Маршала!“ сказалъ отрывисто Гермейстеръ, продолжая ходить по прежнему.

Приходъ Маршала, высокаго, худощаваго мужчины лѣтъ за пятдесятъ, въ черномъ шелковомъ кафтанѣ, прервалъ на нѣсколько времени молчаливую прогулку Гермейстера.

— Еще не спишь, Г. Гермейстеръ — сказалъ Маршалъ, поклонившись ему съ почтеніемъ; кажется пора бы успокоиться послѣ вчерашней схватки!

„И радъ бы уснуть, да не спится, любезный Маршалъ“ сказалъ Кетлеръ, подошедъ къ нему и пожавъ ему обѣ руки. „Извини“ прибавилъ онъ, повысивъ голосъ, „что я потревожилъ твой сонъ! Мнѣ нуженъ совѣтъ стараго, испытаннаго воина.“

— Искренно благодарю за лестный отзывъ, Г. Гермейстеръ! отвѣчалъ Маршалъ съ язвительною улыбкою и съ гордымъ наклоненіемъ головы. — Правда, нынѣ рѣдко спрашиваютъ старыхъ людей—

продолжалъ онъ, опускаясь въ большія кресла. Молодые стали умнѣе насъ дряхлыхъ стариковъ. Да въ чемъ дѣло? если смѣю спросить.

„Ты знаешь, что мы вчера порядкомъ потрепали Русскихъ“ сказалъ Гермейстеръ, скрывая съ трудомъ свое негодованіе; „а кто намъ ручается за то, что Русскіе завтра же не потреплютъ насъ вдвое.? Они получили сильное подкрѣпленіе.“

— Сильное подкрѣпленіе?—повторилъ Маршалъ съ какою-то недовѣрчивою миною. — Ты, вѣроятно, получилъ извѣстіе?

„Да, Маршалъ!..“ отвѣчалъ съ холодностію Гермейстеръ. „Молодой Шлиппенбахъ привезъ мнѣ это извѣстіе часа за два назадъ; да и самъ онъ съ своимъ отрядомъ едва ускакалъ отъ Русскихъ наѣздниковъ. Человѣкъ десять добрыхъ кавалеристовъ осталось на мѣстѣ, а прострѣленная нога Шлиппенбаха, и нѣсколько глубокихъ сабельныхъ ударовъ на спинѣ, свидѣтельствуютъ, что дѣло было жаркое...“

— А еще болѣе доказываютъ — прибавилъ съ лукавою усмѣшкою Маршалъ, что нашимъ порядкомъ разжарили спины! Нынѣ рѣдкій молодой человѣкъ можетъ похвалиться раною на груди! Признаться, храброе поколѣніе Крестоносцевъ!..

„Прошу не обижать Шлиппенбаха“ возразилъ Кетлеръ — „или кого нибудь другаго“ прибавилъ онъ съ явною досадою. „Еслибъ у насъ поболѣе было Шлиппенбаховъ, то Русскіе не владѣли бы теперь Дерптомъ.“

— За то Поляки переселились бы на берега Эмбаха! — невнятно пробормоталъ Маршалъ. — Въ какомъ же дѣлѣ я могу служить моимъ совѣтомъ, Г. Гермейстеръ?—спросилъ онъ погромче.

„Я уже сказалъ тебѣ“ отвѣчалъ равнодушно Гермейстеръ, „что на завтра я опасаюсь сильнаго нападенія со стороны Русскихъ. Наше положеніе не столь выгодно, чтобъ выдержать натискъ стотысячнаго войска, и хотя сраженіе минувшаго дня покрыло славою небольшую толпу нашихъ ратниковъ, но за то поубавило, почти въ половину, число ихъ, а скораго подкрѣпленія намъ ожидать неоткуда.

— Плохо, Г. Гермейстеръ, сказалъ Маршалъ, наморщивъ лобъ, и взглянувъ съ испытующимъ взоромъ на Кетлера. Да развѣ Поляки не обязаны, по заключенному трактату, подкрѣплять Орденъ? развѣ Сигизмундъ только на бумагѣ хочетъ называться Протекторомъ Ливоніи? Это значило бы ужъ слишкомъ дорого платить за покровительство честныхъ Поляковъ!

„Признаться, я и самъ не понимаю, почему они не торопятся выполнять условій“ прервалъ Гермейстеръ, стараясь скрыть свое негодованіе.

— Поляки напоминаютъ мнѣ басню объ ежѣ, и. . . и объ какомъ-то другомъ уступчивомъ животномъ, которую разсказывалъ мнѣ покойный учитель мой, ученый Докторъ Книппердоллингъ — сказалъ Маршалъ съ самодовольнымъ видомъ. — Поляки рады, что выгнали непрозорливыхъ хозяевъ изъ теплыхъ норъ: теперь могутъ они поволѣ щетиниться, какъ въ собственныхъ. Трудно будетъ выжить этихъ несговорчивыхъ гостей изъ крѣпкихъ стѣнъ Бельсонскихъ и Дюнабургскихъ. Несчастная Ливонія! —

„Если Ливонія несчастна“ отвѣчалъ Кетлеръ, „то не Поляки тому причиною, а ея собственное необдуманное поведеніе; и ты напрасно гнѣваешься на нихъ, почтенный Маршалъ! Они всегда съ точностію исполняли свои обѣщанія и были вѣрными союзниками Ордена.“

— Это не разъ доказали они вмѣстѣ съ братьями своими Литовцами, — возразилъ Маршалъ; но какъ-бы вспомня, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и начиналъ забывать должное уваженіе къ начальнику, прибавилъ съ почтительностію: — ты

спрашиваешь у меня совѣта, какъ бы избѣгнуть предстоящей опасности. . .

„Объ Литовцахъ я не спорю" прервалъ Кетлеръ, какъ-бы не замѣчая послѣднихъ словъ Маршала; „они были всегда нарушителями даннаго слова; но относительно Поляковъ, я готовъ биться объ закладъ, что если они когда либо не выполнили договорной статьи, то Ливонцы были первые, которые нарушали святость оной.

— Согласенъ, Г. Гермейстеръ — сказалъ Маршалъ съ жаромъ, что мы не разъ показали себя вѣроломными союзниками, и еще недавно измѣнническимъ образомъ раздражили сѣдаго Героя Шведскаго; но что касается до Польши, да позволено будетъ мнѣ усумниться въ этомъ: если бъ вѣрная союзница наша желала намъ искренно добра, она не оставила бы насъ въ настоящемъ жалкомъ положеніи, не смотря ни на какія препятствія, которыя не что иное, какъ пустыя отговорки, и существуютъ только, по милости Сигизмунда, въ разгоряченномъ воображеніи дальновидныхъ наслѣдниковъ Медемовъ и Плеттенберговъ. Къ несчастію, во мнѣ лѣта ослабили очаровательную силу воображенія, и я могу теперь ясно вникать въ намѣренія безкорыстной политики Польской: мнимая честность ея для насъ ни въ чемъ не луч-

ше открытой злобы прочихъ Державъ, которыя, какъ хищные коршуны, собрались около лобнаго мѣста: каждый старается схватить лучшую часть истлѣвающаго преступника.

„Надобно стараться разогнать могучихъ хищниковъ!“ сказалъ въ раздумьи Кетлеръ.

— Позволь спросить, Г. Гермейстеръ, какимъ бы это средствомъ?“ спросилъ Маршалъ съ усмѣшкою. Не чародѣйствомъ ли? Правда, у насъ въ дремучихъ лѣсахъ Эстонскихъ можно еще отыскать хорошихъ колдуновъ, которые отлично знаютъ свое дѣло! Не намѣренъ ли ты обратиться къ которому нибудь изъ нихъ съ просьбою, чтобъ вызвалъ онъ изъ подземныхъ странъ почтенныя тѣни храбрыхъ воиновъ, которые такъ славно дрались при Магольмѣ и подъ стѣнами Пскова? Признаться, тогда бы обстоятельства наши немного поправились. Да кстати бы за однимъ походомъ потревожить и старика Плеттенберга — прибавилъ онъ бросивъ испытующій взглядъ на Кетлера — не угодно ли ему будетъ обрадовать своимъ посѣщеніемъ достойныхъ правнуковъ, хоть мнѣ, признаться, и стыдно будетъ показаться на глаза моего стараго начальника. Другаго средства спасти Ливонію я, покамѣстъ, не вижу!

„По крайней мѣрѣ можешь подать совѣтъ, какимъ образомъ спасти ввѣренное намъ войско?“ сказалъ съ негодованіемъ Кетлеръ.

— Скорымъ отступленіемъ — отвѣчалъ Маршалъ.

„Чтобы очистить Русскимъ дорогу въ Валкъ?“ прибавилъ Гермейстеръ.

— Въ противномъ случаѣ они и сами ее очистятъ. На завтрашнюю ночь свѣтлая луна снова озаритъ обширныя равнины Ниггена, но не увидитъ более на нихъ войска Маріанскихъ рыцарей! Знамя враговъ водрузится на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь развѣвается священная хоругвь Ордена!

„На счетъ отступленія я только отчасти согласенъ съ тобою, почтенный Маршалъ!“ сказалъ съ ласкою Кетлеръ, видя, что старикъ начиналъ увлекаться горестными чувствами. „Согласенъ только въ томъ, что съ разсвѣтомъ намъ должно оставить наше опасное мѣстоположеніе и отступить на Сѣверъ къ высотамъ Лаиса, взять замокъ штурмомъ, или по крайней мѣрѣ, обложить его; а между тѣмъ и Поляки, можетъ быть, возьмутся за дѣло, и подоспѣютъ къ намъ на помощь.“

— Можетъ быть! — сказалъ печально Маршалъ. А какую пользу принесетъ намъ взятіе Лаиса? На какой конецъ терять намъ нѣсколько сотенъ добрыхъ ратниковъ? Чтобъ отдать взятый

замокъ на сохраненіе какому нибудь храброму Контуру, который, изъ Христіанскаго отвращенія къ кровопролитію, поспѣшитъ оставить его при первомъ приближеніи непріятеля?

„Мы поищемъ другаго Георга Икскуля" отвѣчалъ Кетлеръ.

— Да врядъ ли удастся найти его, возразилъ Маршалъ. Впрочемъ, замокъ еще не нашъ, а чужею собственностію располагать покамѣстъ не совсѣмъ прилично.

— При всемъ томъ Г. Гермейстеръ — прибавилъ онъ подумавъ немного — я долженъ похвалить твое намѣреніе, и хотя увѣренъ, что Русскіе не замедлятъ послѣдовать за нами, по крайней мѣрѣ намъ не трудно будетъ избѣгнуть непріятнаго посѣщенія этихъ навязчивыхъ друзей и неудобной встрѣчи съ ними на равнинѣ: вѣковые лѣса Кассинормскіе и гористыя окрестности Св. Варѳоломея легко укроютъ малочисленныхъ нашихъ ратниковъ, и уравняютъ силы; но совѣтую, какъ можно поспѣшить исполненіемъ. Теперь же, позволь мнѣ удалиться; мочи нѣтъ — сонъ одолѣваетъ, а къ разсвѣту, можетъ быть, понадобятся свѣжія силы.

„Сердечно радъ, любезный Маршалъ" сказалъ Кетлеръ съ ласковымъ видомъ, „что мысли

наши сегодня не совершенно разнствуютъ между собою; съ первымъ появленіемъ утра поспѣшу оставить окрестности Ниггена. Теперь, мой другъ, ты свободенъ, и я еще разъ прошу простить меня" продолжалъ онъ, схвативъ съ притворною горячностію руку Маршала, „что рѣшился потревожить твое спокойствіе въ такое позднее время, и послѣ такого труднаго дня, каковъ вчерашній; но дѣло не терпѣло отлагательства. Прощай! покойной ночи!" прибавилъ онъ, провожая хитрымъ взоромъ выходящаго Маршала.

Несносный колокольчикъ снова зазвенѣлъ, и бѣдный пажъ, котораго, между тѣмъ, легкокрылыя сновидѣнія успѣли перенести въ роскошные чертоги милыхъ родственниковъ, влетѣлъ безъ памяти въ двери, споткнулся и полетѣлъ со всего размаха.

„Что это значитъ, мой милый?" вскричалъ Гермейстеръ, подымая его съ участіемъ. „Къ чему такъ торопиться?"

— Ахъ! я позабылъ... отвѣчалъ пажъ; но обильныя слезы полились ручьями и не дали ему договорить.

„Не стыдно ли плакать!" сказалъ Кетлеръ. „Слезы приличны только слабой женщинѣ, а менѣе всего тому, кто готовится для военнаго по-

прища. Прикажи позвать Доктора Пикколмонте, да кстати и камердинера Шлиппенбаха.

Небольшой широкоплечій человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ черной бархатной мантіи, съ огромнымъ, крѣпко накрахмаленнымъ, Испанскимъ воротникомъ, изъ котораго, какъ полный мѣсяцъ изъ скважины облака, выглядывала лысая голова съ раздутыми малиновыми щеками, съ немного вздернутымъ носомъ и черными огненными глазами, вошелъ со всею почтительностію, съ какою обыкновенно являются мудрые питомцы девяти сестеръ Парнасскихъ предъ знатными и богатыми, отвѣсилъ пренизкій поклонъ Гермейстеру, (который, казалось, вовсе не замѣчалъ его важнаго прихода), и сталъ, какъ вкопанный, возлѣ самаго входа. Въ слѣдъ за нимъ вошла другая особа, совершенно противуположнаго съ описанною вида. Густые сѣдые волосы и окладистая борода ярко оттѣняли желтое, продолговатое лице, на которомъ могучій римскій носъ занималъ большую часть всего пространства. Синій полуизношенный кафтанъ, обшитый во время оно богатыми галунами, плотно обтягивалъ исполинскій ростъ, и выказывалъ роскошную талію, нисколько не потерпѣвшую отъ пяти или шести дюжинъ лѣтъ, которые видимо тяготѣли надъ его составомъ. Старикъ

вошелъ съ какимъ-то гордымъ видомъ, поклонился и сталъ поодаль отъ своего предшественника. Гермейстеръ продолжалъ ходить по прежнему, погруженный въ мрачныя думы, и не обращая, по видимому никакого вниманія на пришельцевъ; вѣроятно, молчаніе продолжалось бы довольно долго, если бъ худощавому старику не пришло на умъ троекратнымъ громкимъ кашляньемъ прервать его. Гермейстеръ бросилъ на него пронзительный взглядъ и потомъ, вдругъ обратясь къ человѣку съ малиновыми щеками, спросилъ его тихимъ голосомъ: „а, Г. Хирургъ! что вы? надѣюсь — вы принесли мнѣ добрую вѣсть? Каково положеніе больнаго Шлиппенбаха?"

— Опасности нѣтъ никакой. Г. Гермейстеръ— отвѣчалъ ученый Пикколмонте, поклонившись въ поясъ — да только ему придется пролежать недѣль восемь въ постелѣ. —

„Восемь недѣль!" повторилъ Кетлеръ. „Это много. Однако — что будемъ дѣлать. . ."

— „Прикажите отправить моего господина въ безопасное мѣсто, Г. Гермейстеръ" — сказалъ высокій старикъ.

„Это необходимо, добрый Готѳридъ" сказалъ Кетлеръ.

„Съ разсвѣтомъ мы оставляемъ Ниггенъ, —

такъ ты постарайся приготовить просторныя, спокойныя носилки; мы отправимъ твоего Шлиппенбаха въ Борнгузенъ.“

— „Въ Борнгузенъ?“ — сказалъ старикъ.

„Да, въ Борнгузенъ.“ повторилъ Гермейстеръ. „Вы Г. Хирургъ“ прибавилъ онъ, обратясь къ Пикколмонте — „отправитесь вмѣстѣ съ больнымъ.“

— „Боже мой! Боже мой!“ — вскричалъ Готфридъ, схватившись за волосы. — „Что это такое, Г. Гермейстеръ! Да станетъ ли у моего барина силъ перенести такой дальній путь?“

— Да притомъ и дорога не безопасна — прибавилъ ученый Докторъ. — Русскіе отряды нигдѣ не даютъ проходу.

„Не безпокойтесь!“ отвѣчалъ Гермейстеръ. „Это уже не ваше дѣло. Я вамъ дамъ десятка два добрыхъ всадниковъ въ провожатые.“

— „Это уже не наше дѣло!“ сказалъ Докторъ съ низкимъ поклономъ.

„Ступайте приготовляться въ дорогу“ сказалъ Гермейстеръ, махнувъ рукою.

Наконецъ усталость взяла верхъ надъ крѣпкимъ сложеніемъ Кетлера. Во всей одеждѣ бросился онъ въ постель, и заснулъ мертвымъ сномъ.

ГЛАВА II.

Norfolk.

We had need pray,
And heartily, for our deliverance;
Or this imperious man will work us all
From princes into pages.
Shakspeare's King Henry VIII.

Яркіе лучи осенняго солнца освѣтили обширныя равнины Ливоніи, но пустынная тишина господствовала въ окрестностяхъ Ниггена. Вдали, по направленію къ Сѣверу, по узкой и неровной дорогѣ, между пригорками и мелкимъ кустарникомъ, тянулись послѣдніе остатки Марьянскаго воинства. Тяжеловѣсные всадники, въ вороненыхъ латахъ, съ развѣвающимися цвѣтными перьями на шлемахъ, то внезапно появлялись на вершинахъ холмовъ, то мгновенно исчезали какъ минутные призраки въ ночное время. Уже и послѣдніе ряды сдѣлались невидимыми, но отблескъ оружія, на

коемъ солнечные лучи отражались въ безчисленныхъ огняхъ, еще долго обозначалъ путь ихъ; наконецъ и это исчезло, когда войско спустилось въ обширную долину, орошаемую Эльбою. —

На противуположной сторонѣ, на Юго-Западъ отъ Нигтена, небольшой отрядъ, изъ двадцати всадниковъ и нѣсколькихъ пѣшихъ, пробирался по маленькой тропинкѣ къ черному сосновому лѣсу, но и онъ скоро скрылся во глубинѣ онаго.

Погода была прекрасная: хотя деревья не украшались зеленою одеждою и поля не испещрялись душистыми цвѣтами, но за то и несносный жаръ не томилъ усталаго селянина. Небо было самое чистое, самое ясное; ни одно облачко не мрачило голубаго свода его: солнце, казалось, хотѣло еще разъ показать себя во всемъ небесномъ величіи, чтобы потомъ надолго сокрыться въ другія счастливѣйшія страны, предоставляя неограниченное владычество вѣтрамъ и бурямъ надъ печальною страною. Тѣмъ плѣнительнѣе была теперь прояснившаяся природа, что нѣсколько дней сряду стояла самая дурная, мокрая, осенняя погода. — Но Ливонія не могла вполнѣ чувствовать торжества природы. Ужасное бремя тяготѣло надъ злополучною страною: опустошенныя поля, дымящіяся села и города, толпы несчастныхъ,

арміею Русскою, снабженною всѣми нужными припасами и снарядами? Двѣсти семдесятъ человѣкъ конныхъ, приведенныхъ Епископомъ Дерптскимъ, четыреста конныхъ и около восьмидесяти пѣшихъ, съ которыми явился Гермейстеръ, и наконецъ тысяча пятьсотъ крестьянъ: вотъ то страшное войско, которому предоставлено было спасеніе Ливоніи. Достопочтенный Архіепископъ Вильгельмъ и прочіе благочестивые Прелаты, вмѣсто вооруженныхъ ратниковъ, прислали пустыя извиненія, но за то обѣщались прилежнѣе молиться за благо Отечества. Нейгаузенъ не могъ долѣе держаться, и неустрашимый Георгъ Икскуль, защищавшій замокъ въ продолженіе шести недѣль съ восьмидесятью воинами противъ восьмидесяти-тысячной арміи Русской, увидѣлъ себя наконецъ принужденнымъ сдать оный на предложенныя съ непріятельской стороны условія. Послѣ паденія Нейгаузена, Русскіе быстро приближались къ Дерпту; Гермейстеръ Фюрстенбергъ, видя чрезвычайную несоразмѣрность силъ и невозможность удержать свою позицію, оставилъ Киремпе, сжегши напередъ замокъ и находившіеся въ ономъ богатые магазины, и отступилъ къ Валку. Но во время ретирады, Русскіе передовые отряды нагнали Маріянское войско; и вѣроятно изрубили бы

опос въ куски, если бы расторопность и мудрыя распоряженія Готгарда Кетлера, который едва самъ не лишился жизни, не спасли его отъ совершенной погибели. Въ слѣдствіе того Русскіе обложили Дерптъ 11-го Іюля 1558 года, и городъ, оставленный Орденомъ на произволъ судьбы, невидя для себя ниоткуда помощи, сдался уже 18 Іюля того года на выгодную капитуляцію, предложенную Воеводою Петромъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Такимъ образомъ рушилось Епископство Дерптское, а съ онымъ палъ и важный оплотъ Ливоніи! Всѣ усилія Готгарда Кетлера, сдѣлавшагося въ 1558 году Коадюторомъ Гермейстера, отнять городъ обратно, остались тщетными и взятіе замка Рингена было единственнымъ плодомъ многотрудной компаніи, предпринятой имъ въ концѣ сего года. Престарѣлый Фюрстенбергъ, чувствуя умственную и тѣлесную свою неспособность спасти Орденъ отъ угрожающей ему погибели, рѣшился сложить Гермейстерское достоинство и провести остальные дни своей бурной жизни въ счастливой и мирной тишинѣ. На сей конецъ избралъ онъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ замокъ Феллинъ, какъ безопаснѣйшее мѣсто во всей Ливноіи по причинѣ чрезвычайно сильныхъ укрѣпленій, и переселился туда со всѣми своими

сокровищами и многочисленною толпою тѣлохранителей, почти увѣренный, что никакая земная сила не будетъ въ состоянiи потревожить его спокойствiя. Вѣроятно большей части моихъ читателей уже извѣстно, сколь сильно почтенный Экс-Гермейстеръ обманулся въ своемъ расчетѣ! —

Молодой двадцати-восьмилѣтнiй Готгардъ Кетлеръ избранный единогласно Капитуломъ въ его преемники могъ спасти или погубить бренный остатокъ Морiянскаго Рыцарства. Онъ сдѣлалъ послѣднее — и заслужилъ благодарность или порицанiе потомства, смотря потому, съ какой точки зрѣнiя будетъ взирать оно на его поступокъ. Строгiй моралистъ никогда не будетъ другомъ и защитникомъ Кетлера, тѣмъ болѣе, что честолюбiе было главною пружиною всѣхъ его дѣйствiй; но истинный другъ человѣчества, который смотритъ на послѣдствiя дѣянiй великихъ людей, будетъ вѣчно благодарить Кетлера за разрушенiе политическаго тѣла, противнаго природѣ и нравственности, противнаго здравому разсудку и чистымъ правиламъ Религiи! —

Готгардъ Кетлеръ принадлежалъ къ тѣмъ холоднымъ, непоколебимымъ умамъ, которые рѣдко появляются на поприщѣ Исторiи, которые рождаются стеченiемъ необыкновенныхъ обстоятельствъ, и рождаются для того, чтобы произвести великiй

переворотъ въ дѣлахъ человѣчества. Съ раннихъ лѣтъ избираютъ они одну главную цѣль для всѣхъ своихъ дѣйствій, которою, какъ морякъ свѣтлымъ маякомъ во время бурной осенней ночи, руководствуются они во все продолженіе ихъ политическаго поприща. Часто сильные порывы вѣтра далеко отбрасываютъ легкій челнокъ ихъ отъ яркаго путеводителя, и едва примѣтный свѣтъ готовъ уже исчезнуть съ послѣднимъ лучемъ надежды; но крѣпкій мужественный духъ ихъ не ослабѣваетъ: они снова борются съ разъяренными волнами, наконецъ съ радостными восклицаніями достигаютъ давно желаннаго пристанища или съ трескомъ разбиваются объ острыя скалы опаснаго берега! Это не тѣ сластолюбивые юноши, которые жаждутъ однихъ удовольствій, составляющихъ цѣль всѣхъ ихъ стремленій, всѣхъ усилій пустой и вздорной ихъ жизни. — Это и не тѣ, которые обворожаютъ своимъ умомъ и любезностію, какъ на шумныхъ пиршествахъ Вакха, такъ и среди блестящаго общества большаго свѣта, и около которыхъ всегда собираются пестрыя толпы любезныхъ вѣтренницъ и суетныхъ пустоголовыхъ Денди; наконецъ и не тѣ, которые блестящими талантами или постоянными, неутомимыми трудами, успѣли рано снискать себѣ громкія похвалы сво-

ихъ учителей, любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и знакомыхъ. — Это тѣ мрачные, неразгаданные юноши, безпрестанно, по видимому, погруженные въ черныя думы, безпрестанно ищущіе уединенія, чтобы на свободѣ предаться одной любимой ихъ мысли, презирающіе обыкновенныя забавы легкомысленной молодости, не отъ того, чтобы они были мертвы для наслажденій, но отъ того, что забавы сіи кажутся имъ слишкомъ мелкими въ сравненіи съ огромностію идеи, объемлющей, такъ сказать, всю жизнь ихъ. Невѣжественная толпа честитъ ихъ пошлымъ названіемъ молодыхъ стариковъ, а, такъ называемые, знатоки — хитрыми политиками. По нашему мнѣнію ихъ скорѣе можно назвать людьми вѣка, или выраженіемъ идей цѣлой страны, или даже цѣлаго міра. И по сей то причинѣ они не входятъ уже въ тѣсный объемъ Біографіи: только цѣлая Исторія можетъ выразить ихъ полное значеніе. Съ удивительнымъ искуствомъ умѣютъ они пользоваться смутными обстоятельствами, и скоро дѣлаются необходимыми въ дѣлахъ Государства. — Мучимые безпрестаннымъ подозрѣніемъ, они никому не довѣряютъ, и рѣдко щадятъ того, кто проникаетъ ихъ тайну. Все, что только можетъ служить препятствіемъ къ достиженію ихъ цѣли, дѣлается не-

минуемо врагомъ ихъ, и должно рано ли, поздно ли превратиться въ ничтожество. Холодные, жестокіе, они никогда не бываютъ сострадательны къ слезамъ несчастныхъ, если обширные ихъ виды требуютъ погибели сихъ послѣднихъ. — Рѣдкій человѣкъ, проникнутый чистымъ, моральнымъ чувствомъ, охотно пожелаетъ занять то мѣсто, на которое поставилъ ихъ безпристрастный рѣзецъ Исторіи; но никто не можетъ удержаться отъ удивленія къ ихъ обширному уму и твердому, великому духу, который, подобно какому-нибудь ужасному исполину, презираетъ всѣ опасности, сопряженныя съ достиженіемъ предположенной цѣли, шагаетъ чрезъ лѣса и горы, и наконецъ, послѣ безчисленныхъ препятствій и затрудненій, вырываетъ награду изъ когтей стерегущаго дракона! Таковы были: Юлій Кесарь и Августъ, Вильгельмъ Оранскій и Борисъ Годуновъ; таковы Готгардъ Кетлеръ, Валленштейнъ, свирѣпый Кромвель, и наконецъ величайшій изъ всѣхъ — Наполеонъ Бонапарте! —

Д. Л.

ЭЛЕГІЯ.

Давно ль во мнѣ роилися мечты,
И въ образы совокупляясь стройно,
И такъ легко рисуяся, онѣ
Текли въ словахъ то дико, то спокойно?

Давно ль душа была погружена
Въ роскошныхъ вымыслахъ воображенья,
И милыхъ грезъ и чистыхъ думъ полна,
Полна огня живаго вдохновенья?

Давно ль еще очарованья сны
Холодный опытъ прогоняли,
Шептали мнѣ про таинства любви?
Имъ вѣрилъ я, и звуки рокотали...

И что жъ? Огонь въ свѣтильникѣ потухъ,
Подернулся золой забвенья,
Умолкла лира, мраченъ духъ,
Въ груди тоска: примѣты запустѣнья.

И тщетно я стремлюся возродить
Забытыхъ дней забытое искуство;
Мнѣ трудно мысль словами перелить,
И тяжело я выражаю чувства...

Золотоноша.

1835.

ПОЭТЪ и МУЗА.

(*Фантазія.*)

— Что такое Поэтъ? — разбитый памятникъ радости; мученикъ, которому не помогутъ ни люди, ни ангелы.

Посвящено

14...... 14......... 1............

Жилище Поэта. Лучи повѣшенной предъ образомъ Спасителя лампады скользятъ по женскому портрету, задернутому чернымъ флеромъ. Поэтъ стоитъ предъ картиной, погрузясь въ глубокую думу; руки его крестообразно лежатъ на груди; лице его являетъ удивительную смѣсь добра и зла. Слѣды утратъ и пламенныхъ, неукрощенныхъ страстей замѣтны на этомъ лицѣ. Вотъ является Муза въ видѣ прелестной, но грустной женщины. Въ одной рукѣ держитъ она погребальный факелъ, а въ другой вѣнокъ изъ листьевъ кипариса. Кругомъ тихо, какъ въ могилѣ; лишь иногда изъ дальнихъ комнатъ послышится звукъ флейты; онъ замолкъ, и снова тишина.

Муза.

Печаленъ ты? Скажи, какой заботой
Твой гордый духъ смущается теперь?
Бывало ты съ привѣтною улыбкой
Встрѣчалъ меня, а нынѣ... что съ тобой?

Поэтъ.

Покинь меня! возьми свой даръ зловѣщій!

Муза.

Зловѣщій даръ?

Поэтъ.

Я гибну. — Погляди,
Я одичалъ, я сумраченъ, какъ время;
Въ моей душѣ безуміе и смерть,
А кто виной?

Муза.

Кто жъ? я?... неблагодарный!
И ты дерзнулъ роптать на тотъ удѣлъ,
На жребій тотъ завидный и высокій,
Который я готовила тебѣ?
Ты, жалкій рабъ страстей своихъ ничтожныхъ,
Прикованный желаньями къ землѣ:
Чѣмъ былъ бы ты, когда бъ рукою сильной
Изъ праха я тебя не извлекла?
Я разумъ твой такъ ярко освѣтила,
Я возвеличала его; черезъ меня
Постигъ ты то, что ангелы лишь знаютъ,
Увилъ главу безсмертія вѣнцемъ —
И на меня жъ, безумецъ своевольный,
Возводишь ты преступную хулу!

Поэтъ (съ горькою улыбкой).

Да! памятно до гроба мнѣ то время,
Какъ въ первый разъ съ тобой сошелся я.

До той поры, младенецъ легковѣрный,
Я счастливъ былъ: меня ласкала жизнь
Какъ первенца. — О, сколько думъ прекрасныхъ
Рождалъ во мнѣ веселый Божій міръ!
Какъ радостно, съ какой любовью братской
Тогда съ людьми дѣлился сердцемъ я!
Нѣтъ, никогда не плакать мнѣ такъ сладко,
Какъ плакалъ я въ младенческіе дни,
И въ тѣхъ слезахъ я выпилъ райскій нектаръ
Невинности плѣнительной моей.
Какъ пламенно, бывало, въ часъ вечерній,
Предъ образомъ Распятія склонясь,
Шлешь къ небесамъ сердечныя молитвы;
Душа полна священной тишины
И свѣтелъ взоръ, какъ рѣзвая денница...
А нынѣ... Гдѣ минувшаго слѣды?
Все тотъ же міръ, все тѣ же люди въ мірѣ —
Кто жъ влилъ мнѣ въ грудь ужасный ядъ вражды
И подружилъ съ моей душою ропотъ?

Муза.

Не я. — Судьбы своей не стоишь ты,
И самъ попралъ алтарь земной надежды.
Сознайся мнѣ, кто научилъ тебя
Глядѣть на жизнь такъ пагубно, такъ ложно?
Зачѣмъ создалъ себѣ ты новый міръ?
Ты жизнь клянешь, тебѣ врагами люди

Являются; а отъ чего? за что
Бѣжишь ты ихъ, какъ тигровъ кровожадныхъ?
Твой новый міръ . . . вѣрь, не возможенъ онъ:
Не на землѣ предѣлы совершенства.

Поэтъ.

Не на землѣ? Зачѣмъ же вдохновенье
Вселила ты въ мою младую грудь?
Зачѣмъ рукой своей властолюбивой
Повязку ты съ очей моихъ сняла,
И указавъ на бѣдность жизни этой,
Желаньями смутила мирный сонъ
Моей души, невѣдавшей печали?
Когда бъ еще и нынѣ вѣрилъ я
Въ прекрасное земли, — то былъ бы счастливъ,
И отъ людей не бѣгалъ бы теперь;
Любилъ бы ихъ какъ прежде, и измѣны
Во взорѣ ихъ не сталъ бы находить.
Что я? кто я? . . . скиталецъ осужденный,
Между людьми суровый недругъ-гость;
Я не могу уже глядѣть на радость
Довѣрчиво: сомнѣнье, какъ змѣя,
Язвитъ мнѣ грудь какимъ-то страшнымъ жаломъ;
Живу, бродя, какъ сирая звѣзда,
Забытая среди пустыни неба;
Чего хочу, куда стремлюсь душою,

Не знаю самъ; но лиры тихій звонъ
Унылъ, какъ плачъ, какъ пѣсня похоронъ.

Муза.

Такъ должно быть, когда ты самъ не знаешь
О чемъ молить всесильную судьбу.
Душа твоя во прахѣ ищетъ неба, —
Такъ гдѣ жъ оно? Рыдай, терзайся вѣкъ,
А все пойдешь за темнымъ сновидѣньемъ,
За призракомъ обманчивымъ. — О, другъ!
Скажу еще: земля не небо. Лучше
Проси того, что могутъ дать тебѣ.
Пускай твоя гремящая цѣвница
Раскажетъ быль...

Поэтъ (насмѣшливо).

О чемъ? о славѣ? нѣтъ,
Та быль стара, кричатъ, и слава дымъ.

Муза.

Мнѣ жаль тебя: упорствомъ безразсуднымъ
Окованъ умъ непостоянный твой.
Какъ! и любовь и дружбы даръ волшебный —
Ужель и въ нихъ не видишь счастья ты?
Слѣпецъ! взгляни, въ улыбкѣ дѣвы страстной
Восторга лучъ, блаженства лучъ прекрасный,
А другъ — съ нимъ жизнь сладка.

Поэтъ.

Не говори,
Не вспоминай!... довольно!... я извѣдалъ,
Бичи страстей я оцѣнилъ давно.
Любовь! любовь! о, сколько пѣсенъ звучныхъ
На жертвенникъ коварный я принесъ!
И что жъ? достигъ ли я желанной цѣли,
Упился ли блаженствомъ? Бѣдный я!
Любви моей тоска безъ утѣшенья...
Проклятіе — вотъ память о любви!
Была пора, и я дышалъ для дружбы...
Явился онъ, мой идеальный другъ,
И какъ дитя, отдалъ я легковѣрно
Ему святой залогъ моей души.
Я думалъ: пусть грохочетъ надо мною
Злощастія неотразимый громъ —
Я не боюсь враждующихъ ударовъ,
Я упаду на вѣрную мнѣ грудь,
И эта грудь, какъ талисманъ небесный,
Разсѣетъ всѣ грядущія бѣды.
Такъ думалъ я... я вѣрилъ!...

Муза.

Былъ обманутъ
И здѣсь? да, твой не радостенъ удѣлъ!
А можетъ быть, и самъ ты былъ виною, —
Все можетъ быть; но отрицать добро

Тяжелый грѣхъ!... Несчастныхъ, правда, много;
Но и счастливые есть въ мірѣ. Ты
Узналъ печаль, но тѣми же путями
Въ храмъ радостей другіе люди шли;
И кончили свой путь они счастливо,
И нехотя покинули сей свѣтъ.

Поэтъ.

Другіе? Ну, я о себѣ ни слова;
Я разскажу тебѣ другую быль —
Не вымыселъ холодный эта повѣсть,
Въ ней истина чиста, какъ дѣтскій вздохъ.
Давно, давно, въ златые дни желаній,
Я съ юношей сошелся. Въ мірѣ онъ
Былъ одинокъ. — Онъ добръ былъ; часто слезы
У нищеты стиралъ привѣтомъ; жизнь
Онъ понималъ какъ даръ прекрасный Бога,
И часто я его въ мольбѣ встрѣчалъ.
Вдругъ на бѣду узрѣлъ онъ очи дѣвы,
И сердцемъ сталъ, какъ рабъ послушенъ ей.
Съ кѣмъ раздѣлить желанья и надежды?
Кому свою завѣтную мечту
Въ чаду страстей бунтующихъ повѣрить?
Нашелся другъ — тогда мечтатель мой
Блаженствовалъ и вѣрилъ наслажденью.
Какъ пламенно, какъ безусловно дѣтски
Онъ предался обману! Онъ мечталъ:

„Переплыву моря и океаны,
Пойду искать богатства и честей,
Достану ихъ и, воротясь, для дружбы
И для любви остатокъ дней отдамъ.“
Проходитъ годъ, прошелъ другой и третій, —
Гдѣ жъ юноша? — далеко! вотъ спѣшитъ
На родину, и съ нимъ богатство, слава;
Ужъ онъ достигъ родныхъ бреговъ, и что жъ
Онъ узнаетъ? Тотъ другъ, избранный сердцемъ,
Лишилъ его любви... Страдалецъ палъ.
Ему въ удѣлъ безуміе досталось.
Лѣтъ нѣсколько забавою дѣтей
Былъ онъ; потомъ окончилъ вѣкъ печальный,
И лишь одинъ могилы сѣрый крестъ
Напоминалъ о немъ порою людямъ.
Погибшаго какъ брата я любилъ,
И надъ его безвременной могилой
Не разъ, въ часы вечерней тишины,
Молился я, томясь воспоминаньемъ.
Однажды я, задумавшись, иду
Къ могилѣ той, и вижу — передъ нею
Стоитъ чета... я ближе — слышу смѣхъ
И разговоръ веселый... Въ изумленьи
Гляжу... кого жъ въ жилищѣ смерти я
Узрѣлъ тогда? То былъ убійца друга
А съ нимъ и та, которую бѣднякъ

Боготворилъ восторгомъ думъ высокихъ.
Смутился я; гора легла на грудь
И пробѣжалъ по членамъ холодъ смерти,
Когда ихъ рѣчь услышалъ ... Царь небесъ!
Они пришли смущать покой могилы;
Пришли топтать съ насмѣшкой прахъ того,
Кто ихъ любилъ, кто палъ отъ ихъ измѣны!
Я поднялъ взоръ на небо — не мольбу,
Нѣтъ, не мольбу — а ропотъ, страшный ропотъ
Послалъ туда! Создатель! гдѣ Твой громъ?
Я убѣжалъ, рыдая, какъ безумный;
Въ моемъ умѣ и въ памяти моей
Два призрака губителя носились;
Тутъ въ первый разъ схватилъ цѣвницу я,
И гимнъ мой былъ: *проклятіе вамъ, люди*!
Безрадостна мнѣ жизнь отъ той поры,
Цѣвницы звукъ не по душѣ мнѣ болѣ;
На что мнѣ жизнь? на что мнѣ пѣсенъ даръ?
Поэзію мнѣ данную тобою
Возьми!

Муза.

Со мной разстаться хочешь ты?
Чего жъ желаешь ты?

Поэтъ.

Чего? — забвенья.

Муза.

Всему?

Поэтъ.

Всему.

Муза.

Не вѣрю; съ кѣмъ же жизнь
Раздѣлишь ты?

Поэтъ (*указывая на образъ Спасителя*).
Есть Богъ — Ему отнынѣ
Я посвящу остатокъ дней.

Муза.

Прости!
Но знай, меня изъ горней сѣни
Не призоветъ ужъ болѣ голосъ твой —
Подумай! мы прощаемся навѣкъ,
А безъ меня счастливѣй ты не будешь.
Жреца себѣ другаго обрѣту;
Исполненный любви и упованья,
Внушенія мои оцѣнитъ онъ,
И пѣснь его услышитъ міръ съ восторгомъ —
Подумай!

Поэтъ.

Все обдумалъ я. Прости,
Судьба моя со мной; сберутся тучи,

Я встрѣчу ихъ безъ ужаса: онѣ
Не возмутятъ могилы сердца болѣ.

(Муза исчезаетъ, Поэтъ разбиваетъ арфу.)

И . . . . ъ.

Надпись къ памятнику АЛЕКСАНДРА I-го, *въ Таганрогѣ.*

О, Тѣнь великая! Отецъ нашъ незабвенный!
Прими прощальный даръ оставленныхъ сыновъ . . .
Ты улетѣлъ, Монархъ Благословенный,
Въ тотъ лучшій міръ, въ тотъ свѣтлый кровъ . . .
Но съ нами, Царь, Твои дѣла благія!
И предъ гробницею печальною Твоей,
Колѣна преклонивъ, Европа и Россія
Льютъ слезы свѣтлымъ днемъ и въ сумракѣ ночей.

Пл. Рѣдкинъ.

Таганрогъ.

ЧАТЫРДАГЪ.

Еще одинъ взглядъ на тебя, величественный Чатырдагъ — и прости Таврида! Я видѣлъ твои роскошныя поля, холмы твои и горы; дышалъ ароматнымъ воздухомъ садовъ твоихъ; блуждалъ по веселымъ берегамъ Салгира... но ничего краше, ничего величественнѣе не зрѣлъ я Чатырдага...

Я былъ на вершинѣ его; взоръ мой обнималъ неизмѣримое пространство... Надо мной сіяли свѣтлыя небеса; подъ ногами носились тучи; сквозь рѣдѣющій туманъ ихъ, я различалъ землю, цвѣтущую и пышную, какъ во дни міроздания; вдали синѣло море; поверхность его, чѣмъ далѣе — блѣднѣла больше и больше, и наконецъ сливалась съ небосклономъ... Тамъ, какъ волшебная греза, едва свѣтился городъ; тутъ, гораздо ближе, раскинутыя села являлись во всей красѣ

своей и казались жилищемъ очарованія... Мысль моя, окрыленная мечтами, носилась за предѣлы земнаго... и въ первый разъ я позналъ величіе существа моего... Я одинъ... но во мнѣ былъ Богъ, Природа и Человѣкъ... Не взоръ, нѣтъ, я самъ леталъ въ воздушномъ пространствѣ; созерцалъ красоту міра, измѣрялъ время и вѣчность... и позналъ Всемогущаго...

Былъ вечеръ... Солнце катилось на Западъ и склоняло день къ сумеркамъ; слабѣющіе лучи его позлощали города, горы, и села, и долы; они свѣтлѣлись какимъ-то чуднымъ блескомъ и напоминали душѣ ея знакомую родину — эдемъ... Спокойствіе, не эта мертвая тишина, но въ которомъ горѣла тихая, блаженная жизнь, придавало невыразимую прелесть этой очаровательной картинѣ... Я позабылъ свою земную жизнь и будто обновился... Не восторгъ, не это буйное изступленіе радости... нѣтъ, какое-то особенное, святое, незнакомое дотолѣ чувство, питало, согрѣвало всю душу мою... У ней не было желаній, не было надеждъ... казалось, она все имѣла и не могла имѣть болѣе... Мысль моя не страшилась вѣчности; умъ не находилъ препятствій: все было ясно, свѣтло, радостно, очаровательно!..

О, зачѣмъ не столѣтія вмѣсто минутъ моего блаженства? .. Угасшій день напомнилъ мнѣ о земномъ. Я началъ спускаться, и съ каждымъ шагомъ ниже, будто терялъ искру небеснаго огня, будто лишался частицы моего существованія. . . Наконецъ — земля подъ ногою. . . и я пробудился, пробудился для жизни однообразной и грустной. . . Кругомъ меня мракъ и безмолвіе; лишь надо мной сіяютъ вѣчныя небеса съ ихъ яркими здѣздами; лишь въ душѣ несвязныя, смутныя тѣни прошедшаго. . . Я поднялъ глаза на небо: не тамъ ли, думалъ, подобная жизнь и блаженство? .. Не тамъ ли награда за все земное? .. О, скорѣй же туда, туда, въ предѣлы Безпредѣльнаго ! . .

1834. Сент. 5.
Алушта.

ДЕНЬ у МОРЯ.

(*И. Л. Дзюбину.*)

Кто видѣлъ съ восторгомъ море? Кто ненасытнымъ взоромъ измѣрялъ его пространство? Кто, съ отраднымъ трепетомъ въ душѣ, жадно ловилъ каждый всплескъ волны, когда она съ шумомъ, клубясь, дробится о крутую скалу? Кто? . . Тотъ, чья юная жизнь взлелѣяна непостоянною стихіей, чье первое дыханіе жизни уносилось бурнымъ дыханіемъ вѣтра; тотъ, кто младенческими руками уже смѣло и рѣзво разсѣкалъ валы, и разгуливалъ межъ нихъ, какъ въ пріютныхъ степяхъ своей родины. . . Лишь онъ одинъ умѣетъ оцѣнить неоцѣненныя его прелести, лишь онъ одинъ не отдастъ ихъ за всѣ наслажденія роскошной природы. . .

Я опять у тебя, родимое море. На зыбучемъ песку прикованы стопы мои, а взоръ летаетъ въ

твоемъ пространствѣ. . . Еще такъ рано. . . заря не будила природы — и ты покоишься въ брегахъ своихъ, какъ уснувшій младенецъ. . . Все тихо — и зеркало воды́ твоей такъ мирно, безмятежно. . . Въ него глядятся лазурь небесъ, да блѣдныя утреннія звѣздочки, пока не прогонитъ ихъ первый лучъ величественнаго Феба. . . Кто скажетъ теперь, что въ неизмѣримой глубинѣ твоей таится гибель творенья? Кто скажетъ, что эта безмятежная степь можетъ подняться опустошительнымъ вихремъ — и въ грозныхъ валахъ кипучей влаги поглотить дерзновеннаго человѣка и многолѣтніе труды его? Краса твоя теперь — есть точное выраженіе красоты юной дѣвы: при взглядѣ на нее, какая душа дерзнетъ помыслить о коварствѣ несравненной? . . О, море, море! . .

Теперь ты безмолвно. Ты спишь, и дыханіе твое слышно лишь въ прибрежной струѣ, которая бѣжитъ омыть златыя песчинки, и катится на поверхность, чтобъ, играя, снова разсыпаться на гладкомъ порогѣ берега. . . Легкій зефиръ, рѣзвясь, морщитъ твою влагу, и крохта-камень, брошенный мною, далече разноситъ круги на пространствѣ твоемъ. . . Ты молчишь — и безсильнѣе дитяти. . . Но я приду говорить съ тобою, когда, пробужденное вѣтромъ, ты надвинешь на себя ше-

ломъ бурь и непогодъ, засверкаешь гнѣвомъ въ мятежныхъ валахъ своихъ, закипишь, забунтуешь. Я приду.

Жаркій полдень. Небо подернуто какою-то желто-сѣроватою мглою; воздухъ душенъ, и солнце жжетъ съ небесъ; ни малѣйшаго движенія вѣтра... Море, какъ злодѣй, притаившій дыханіе, молчитъ, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе поразить своего врага. Тишина. Природа и твари безъ жизни... Я чувствую сѣрный запахъ, и предвижу грозу...

Вотъ послышался отдаленный гулъ... и изъ-за мыса, какъ грозный непріятель, выглядываетъ черная туча... за ней другая — страшнѣе первой — и съ нею глухой рокотъ грома... Свѣтлая даль моря вдругъ потемнѣла, и бѣлые, пѣнистые валы и прыгаютъ и мечутся по ней... Опять громъ... загорѣвшаяся молнія блеснула, озарила небо и волны... и потухла... Какой неизъяснимо-милый трепетъ въ душѣ при этомъ приближеніи бури!.. Но она еще далеко... Здѣсь, на берегу, перемѣняется вѣтеръ... Легкія струйки пробѣжали по морю... и вдругъ оно яростно заревѣло... На небѣ, какъ страшныя горы, ворочаются тучи; межъ нихъ огненная молнія—то разсѣчетъ ихъ жгучею стрѣлою, то обниметъ яркимъ пожаромъ, озаритъ небо, и море, и землю, потух-

нетъ и снова пылаетъ. . . Раскаты неумолкаемаго грома; свистъ, и вой, и ревъ ничѣмъ не укротимыхъ вѣтровъ; гулъ бунтующихъ, пѣной сверкающихъ валовъ, разметавшихъ гибельныя гривы свои... глухой шумъ столпами и вихремъ несущагося дождя. . . все это вмѣстѣ такъ необъятно, неизмѣримо, но восхитительно, очаровательно, величественнно. . .

Шуми, бунтуй неукротимое море! Пусть бѣгутъ, клубятся и разсѣкаются бурные валы твои... Ихъ породили сильные вѣтры. . . Увы! есть сильнѣе бури, бури души, зажженныя дыханіемъ человѣка... Что громы твои?.. Есть ужаснѣе громы, есть неугасимыя молніи, рожденные вулканомъ страстей! Шуми жъ, заглушай ихъ если можешь, разгульное, отрадное море!..

И вотъ оно, то же самое море, снова стихаетъ передъ вами... Тучи разсѣяваются, и лазурь небесъ, какъ отблескъ надежды, кое-гдѣ просвѣчиваясь, показывается. . . Буря съ громомъ и молніею несетъ опустошеніе другимъ мѣстамъ, а здѣсь природа воскресаетъ съ новыми красами, съ новою жизнію... Море вступило въ свои берега, и опять покойно и величаво... А человѣкъ?.. Увы! бури души разрушаютъ его — и рѣдко прежняя тишина возвращается. . .

Не могу оторвать очей отъ тебя, неизъяснимое море!.. Ужъ вечеръ; какъ свѣтло небо, какъ чистъ и прозраченъ воздухъ! Умираютъ лучи заходящаго солнца, но умирая, золотятъ отдаленныя струи морской пучины... Я смотрю въ даль... Зачѣмъ эта таинственная синева, сливаясь съ небосклономъ, влечетъ меня къ себѣ? Зачѣмъ мнѣ видится въ ней другой міръ, другая жизнь, прекрасная и безконечная, какъ вѣчность?.. Зачѣмъ я не могу быть тамъ, смотрѣть, наслаждаться?.. Мечта души!.. ты не любишь земнаго покоя.

Прости, неизмѣнный другъ, родимое, величавое море!.. Ужъ тухнетъ въ небѣ и послѣдній отблескъ зари. Пусть звѣзды ночи, однѣ, смотрясь въ тебя, плѣняются и твоей и своей красотою... Устали мои члены и душа переполнилась отрадой... Иду отдохнуть для того, чтобъ снова можно было питаться картиной водъ твоихъ, неизмѣримое...

А. Кульчицкій.

1834. Май.
Керчь.

ТАЛИСМАНЪ.

Я помню то время, когда въ тишинѣ
Стыдливо и робко краса молодая
Съ любовью на груди склонялась ко мнѣ;
То время восторговъ, то радости рая:
Тогда съ поцѣлуемъ гремящимъ мнѣ данъ
Любви домогильной святой талисманъ.

То время промчалось, промчалось давно,
Какъ радужный отблескъ надежды завѣтной;
Порою лишь память волнуетъ оно,
Ласкаетъ мнѣ душу мечтою привѣтной —
Когда жъ исчезаетъ прекрасный обманъ,
Я сиръ, и со мной лишь святой талисманъ.

Порою съ небесной лазурью очей,
Взбунтована страстью, въ раздумьи напѣва,
Какъ память минувшихъ, утраченныхъ дней,
Другая на грудь мнѣ склоняется дѣва;
Но я ей не внемлю: не ею мнѣ данъ
Любви до могильной святой талисманъ.

И . . . . ъ.

МЕЧТА.

Уйдемъ, уйдемъ мечта моя младая
Отъ чуждыхъ намъ людей, отъ взоровъ ихъ уйдемъ
Туда, гдѣ цвѣтъ любви, гдѣ дѣва молодая,
Гдѣ прелесть счастія и радость мы найдемъ.

Тамъ жизнь красна, волны привѣтливъ ропотъ,
Зефиръ весенніе лобзаетъ тамъ цвѣты,
И сладостенъ дубровъ и рощей тихій шепотъ,
И полонъ прелестей взоръ дѣвы-красоты.

Отрадный огнь въ очахъ ея засвѣтитъ,
Прекрасная слеза въ ресницѣ задрожитъ —
Съ улыбкой ангела меня она привѣтитъ,
И поцѣлуй любви свиданье оживитъ.

И дѣтской ласкою, и рѣчью неземною
Спахнетъ съ души моей тяжелый грусти слѣдъ;
И вновь я оживу увядшею душею,
И грозный рядъ забуду прошлыхъ бѣдъ.

А. Кульчицкій.

ПЕРСИДСКАЯ ПѢСНЯ.

(*Съ Польскаго.*)

Ты хочешь видѣть прелесть Мая —
Взгляни на образъ милый твой:
Весна веселая, живая
Въ твоей улыбкѣ огневой;
Твое душистое дыханье —

Весеннихъ розъ благоуханье;
Твоихъ чудесныхъ глазъ краса —
Весны роскошной небеса! —
Увидѣть осень въ мглѣ туманной
Желаешь ты — всмотрись въ меня:
Въ пустынѣ жизни слишкомъ рано
Надежды всѣ утратилъ я;
Осеннихъ вѣтровъ, бурь ненастье —
Мнѣ предназначенное счастье;
Осенняя, густая мгла
Мои всѣ думы залила. —
Пусть солнце глазъ твоихъ лазурныхъ
Еще разъ надо мной взойдетъ!
И мнѣ въ то время вѣтеръ бурный
Благоуханьемъ розъ дохнетъ;
Пустыня жизни расцвѣтетъ;
Разсѣются вокругъ туманы,
И вновь прояснетъ свѣтъ желанный.
Но если солнце глазъ твоихъ
Не возсіяетъ надо мною:
Потухнетъ взоръ очей моихъ
Прикованный твоей красою;
И блѣдность мертвая ланитъ
Конецъ мнѣ ранній возвѣститъ;
Разгонитъ бурный вѣтръ мечтанья
И свѣетъ съ устъ моихъ дыханье.

1835. — *Полевъ.*

Къ . . . . . . ъ.

Я не скажу тебѣ о счастьи прежнихъ дней,
О радостяхъ любви уже минувшихъ,
О томъ, что я святымъ считалъ въ душѣ моей;
Ни о мечтахъ, ни о надеждахъ обманувшихъ
Я не скажу тебѣ; но ты,
Свѣтило юной красоты,
Звѣзда любви моей, измѣнница младая,
Ужели не вздохнешь, былое вспоминая?
Ужель ничтожнымъ ты нашла
Завѣтныхъ думъ моихъ признанья?
Ужель слезой ты не почла
Моей любви тяжелыя страданья?
Скажи?... Увы!... на что мнѣ твой отвѣтъ?
Я знаю все: душа моя искала
Небеснаго на сей землѣ... Нашла ли? Нѣтъ! —
Ты истинной любви, прекрасная, не знала,
Утратила небесъ чудесный свѣтъ —
И въ бѣдности земной на вѣки ты увяла. —

А. Кульчицкій.

ВАМЪ.

О, нестрашись послѣдствій наслажденій,
Любви прекрасныхъ чувствъ и сердца пылкихъ думъ!
Когда найдешь опять минуты вдохновеній?
И дастъ ли радостей намъ столько бѣдный умъ?
Нѣтъ! я живу еще отрадой сихъ мгновеній
И не скажу прошедшему упрекъ . . .
Въ немъ злобное, какъ будто тѣнь сомнѣній —
А милое — воспоминанія цвѣтокъ.

О, вѣрь — и на землѣ есть много сновидѣній
Того, что въ небѣ намъ готовитъ Богъ!
Блаженъ, кто ихъ имѣлъ въ минуты откровеній,
Еще блаженнѣе, кто вѣровать имъ могъ! . . .
Да, не страшись ты жизненныхъ волненій!
Межъ нихъ опять найдешь знакомый міръ —
И посѣтитъ тебя твой добрый Геній —
И въ душу сладостно прольетъ любовь и миръ.

Вашъ. —

ЭЛЕГІЯ.

Когда затворникомъ по волѣ
Сижу по цѣлымъ днямъ,
Мнѣ ничего не надо болѣ
Къ моимъ мечтамъ:
Пусть только лучъ воспоминанья
По сердцу пробѣжитъ,
Пусть только пламень упованья
Въ душѣ горитъ!
И веселъ я... и я доволенъ...
. . . .
Передо мной воображенье
Картины дней былыхъ
Раскинетъ въ быстрое мгновенье,
Въ чертахъ живыхъ.
Возникнутъ въ памяти, какъ волны,
Знакомые друзья;
И, пыла молодости полный,
Весь прежній я, —
Со всѣми чувствами, страстями,
Съ дурачествомъ любви,
Съ надеждами на жизнь — и съ вами,
Мечты мои!

Золотоноша.
27 *Ноября.*

НЕЗАБВЕННАЯ.

(Посвящено Д. Л. К. . . . . . . ой.)

И по гранямъ памяти ходитъ
перекатная,
Блещетъ многоцѣнная: —
Это перлъ души моей — дѣва
невозвратная.
Дѣва незабвенная!

Бенедиктовъ.

I.

Сѣверъ, очаровательный Сѣверъ! какъ согрѣвалъ ты, въ лѣта юности, мою младенческую душу, и она — восторженная, на крыльяхъ любви, быстро разгуливала по леденѣющему хребту твоему! Какъ горѣла у юноши кровь, отъ твоихъ ужасающихъ морозовъ, когда онъ, завернувшись въ плащъ, таинственно слѣдилъ взорами прорѣзъ, оставленный прелестными саньми очаровательной!.. Морозъ смягчался тогда отъ пламени моей головы и сердца, когда, на гуляньи, ея взоръ останавливался на мнѣ . . . Мчись, лети моя тройка! пускай

вѣтеръ задуетъ пожаръ души, пусть снѣжныя брызги, отъ копытъ коней, засыплятъ мое раскаленное сердце!

Вдохновителенъ былъ разгаръ твоихъ капризныхъ мятелей, когда въ теплой, разнѣживающей комнатѣ, сидя у камина, я мечталъ о ней— незабвенной, и мечты, окрилясь вдохновеніемъ, тихо порхали вокругъ моего озабоченнаго беззаботностію чела. Собранныя руководительною рукою смѣлой сестры своей — Поэзіи, они, подъ покровительствомъ ея, скромно являлись въ свѣтъ и, въ огромныхъ палатахъ своего Мецената — Литературы, въ обновленномъ нарядѣ, робко пробирались между подругъ-соперницъ. Наполненное влагою чувствъ, сердце, напояя ими бумагу, постепенно облегчалось отъ тяжело-легкой ноши плѣнительныхъ впечатлѣній, и, какъ жаждущій звѣрь, снова растворяло зѣвъ, что бы упиваться всѣми очарованіями существованія.

II.

Люблю твою оттепель — когда ты, разставшись съ морозомъ, будто съ другомъ, безмолвно проливаешь слезы о его отсутствіи и съ нетерпѣніемъ ждешь желаннаго возвращенія своего любимца. И, между тѣмъ, какъ слезы потокомъ катятся съ твоихъ пожелтѣвшихъ, отъ грусти,

ланитъ, твой другъ, быстрымъ прибытіемъ, леденитъ, изумляетъ тебя и пораженный, блѣднѣя, падаешь ты въ объятія своего возлюбленнаго. Изсушены слезы грусти и радостная улыбка снова разцвѣла на бѣлѣющихъ ланитахъ твоихъ.— Желанный другъ твой веселитъ и меня. Онъ въ свои холодныя объятія часто принималъ плѣнительную, а съ нею и меня, и мы, какъ благословенныя дѣти, съ восторгомъ упивались наслажденіями нежданнаго свиданія. — Ты быстро носилъ ее тогда на своихъ снѣжныхъ крыльяхъ, облеченную атласнымъ платьемъ, гибко обвивавшимъ ея стройный станъ. Какъ увлекалъ меня взоръ, брошенный мною на ея мечтательную головку! Онъ уносилъ, опускалъ, давилъ, восхищалъ, оживлялъ и утомлялъ мою вдохновенную грудь! Шею ея оберегало ужасное животное Африки, перенесенное въ Европу и, прихотью ея обитателей, обвитое мягкимъ лебяжьимъ пухомъ. Оно — будто обвороженное красотою бѣлизны ея — покинуло свою ужасную свирѣпость и нѣжно, какъ свое любимое дитя, лелѣяло ея свѣжія формы, защищая ихъ отъ хладнокровныхъ поцѣлуевъ двадцати-градуснаго мороза. Съ восторгомъ слѣдилъ я легкость ея ножки, не производящей даже шороху на визгливомъ снѣгѣ: она озябла . . . о, дайте! мыслію

моею я согрѣю её, на моей рукѣ успокою, и дыханіемъ навѣю благотворную теплоту на охладѣвшія ея красоты!...

III.

Оледенѣлый Сѣверъ улыбнулся весною и слезы радости оросили его благоуханныя ланиты,— засмѣялся цвѣтами, когда я, ободренный его привѣтомъ, спѣшилъ къ ней—незабвенной! Душа моя— будто гармонируя цвѣтамъ — благоухала восторгомъ; благородно билось сердце въ груди моей и холодъ прекрасный судорожно переливался во всемъ существѣ моемъ. Она мнѣ уже знакома по душѣ; но по приличіямъ свѣта я только теперь начиналъ съ нею знакомство. Ея станъ, глаза, движенія, пріемы, лице я изучилъ; — а голосъ?— это наслажденіе ожидало меня теперь; и природа, предчувствуя блаженство, умолкла, притаивъ дыханіе, чтобы слушать и гармоніей его усладить свое нѣжное, материнское ухо. — Быстро взбѣжалъ я по лѣстницѣ въ переднюю, сбросилъ плащъ, вошелъ, раскланялся, и уже насладился восторгами скрытыми — имъ нѣтъ именъ, но они памятны сердцу, какъ завѣтъ неба, какъ дарованіе Творца. Все бытіе мое звучало; — ея голосъ гармоническою струею эѳира прилеталъ на струны моего

сердца, и его прикосновеніе къ нимъ извлекало, то пламенные и громкіе, то нѣжные и мелодическіе звуки. Я дышалъ блаженствомъ, взоры мои упивались блаженствомъ, слухъ поражался блаженствомъ. Въ благоуханной гостиной благоуханная дѣва небрежно покоилась на диванѣ; ея мечтающая головка томительно склонилась на лилейную руку и розовый пальчикъ умно прильнулъ къ ея идеальному лбу. Казалось, волшебство очертило около нея кругъ очарованія, преступивъ чрезъ который вы бы ввергнулись въ злую существенность; но это только казалось, а истина была предъ моими глазами и во всемъ возможномъ блистаніи. Ея блескъ изумилъ мою неопытность, и испуганная душа моя встрепенула крыльями, какъ-бы готовясь улетѣть въ свои уединенные, неразгаданные предѣлы; но испугъ былъ напрасенъ, — она—чудесная—упоительнымъ взоромъ напоила вдохновенною откровенностію мою счастливую грудь, и звучныя слова мои завидно летали вокругъ ея плѣнительной головки. Блистательный огонь ея глазъ навсегда зажегъ чистый свѣтъ въ моемъ сердцѣ, и оно — радостное — сильно трепетало въ груди — будто оживленное неземнымъ блаженствомъ!

IV.

Ужасно!.. огонь ея глазъ — былъ огонь страданія! Голосъ ея трепеталъ, когда она съ восторгомъ говорила мнѣ о наслажденіяхъ рая—будто всегдашняго ея жилища, и нѣжная, божественная душа ея готова была выпорхнуть изъ груди въ звучномъ, томительномъ кашлѣ... Быстро текла тогда кровь въ моемъ составѣ и ужасная дрожь на нѣсколько секундъ потемнила мой разсудокъ. Блѣднѣя, я страдалъ вмѣстѣ съ нею, а она — обворожительная — заботливо взяла мою руку и съ нѣжнымъ, дружескимъ вниманіемъ сказала: „Вы слишкомъ раздражительны, Theodore; но живое участіе ваше глубоко зароилось въ моей душѣ, — и воспоминаніе его вылетитъ изъ моего сердца вмѣстѣ съ моею жизнію. Я васъ поняла, милый другъ, поняла такъ, какъ вы хотѣли: благородная душа ваша скоро нашла привѣтъ въ моей душѣ: — теперь — счастливая — она съ тихою грустію оставитъ міръ, — въ немъ она узнала все, для чего создана душа женщины!..“ Голосъ ея ослабѣлъ и брильянты слезъ быстрымъ потокомъ полились изъ ея брильянтовыхъ очей... Будто страшась погубить меня — она скрыла свои розовыя уста и быстро удалилась... Что былъ я?.. Дайте человѣку чашу небеснаго нектара и

отнимите сосудъ, когда онъ къ нему прикоснется! Покажите ему рай — скажите: въ немъ ты будешь блаженствовать; и потомъ безжалостно низвергните его въ ужасную пропасть мученій!.. О, ужасно было мое состояніе!..

Майскій, бальзамическій вечеръ погасалъ и смѣнялся лунною, восхитительною ночью! Тишина природы, отдаленная пѣснь соловья, тихой, перелетный шопотъ листовъ... и я, бѣдный, посреди этой картины!..

V.

Пламенно, упоительно любила она, и свѣжія цвѣты ея дѣвственныхъ ласкъ благоуханіемъ блаженства напояли мое счастливое существованіе. Медленно, томительно угасала лампада жизни ея: исполненная чистоты небесной, она предъ послѣднимъ погашеніемъ, казалось, хотѣла упоить весь міръ своимъ обворожительнымъ ѳиміамомъ. Весь міръ для нея—былъ я; во мнѣ одномъ сосредоточивались всѣ остальныя ея земныя мечтанія. Непринадлежащая землѣ ея душа — знакомила мою душу съ наслажденіями неба, съ восторгами любви нездѣшняго міра, и онѣ обѣ, воспаленныя огнемъ небесной Поэзіи, улетали въ міръ далекій, въ страну неизвѣданную... Тамъ ея душа лелѣяла мою душу, будто пріучая къ новому жилищу

и ласками неизвѣданными, чистыми, заоблачными — заставляла забывать нашъ скромный, незатѣйливый міръ! Но возвращенныя, прихотью физической природы, въ свое темное, скучное жилище — онѣ, будто негодуя на нее, холодно отвѣчали на ея привѣты, ея земную любовь, и она — бѣдная, безъ участія ихъ, тяжко грустила о своемъ жалкомъ одиночествѣ.

Если судьба, думалъ я, очарованная ея плѣнительною душею, захочетъ отнять ее у земли, тогда она сжалится и надъ моею... Я скажу ей: моя душа не есть отдѣльное — она досозданіе, продолженіе ея души. Если я останусь здѣсь — она опять прилетитъ въ мои невещественныя объятія и мы снова будемъ блаженствовать!.. Но судьба захотѣла: и, веленіемъ ея, она угасала!

Очаровательные края Кавказскаго Юга, плѣнительный, сизый туманъ мечтательнаго Эльборуса, упоительный воздухъ долинъ Пятигорска — были будто чужды ея вдохновеній и она — грустная — грустно смотрѣла на міръ, на людей, которыхъ, можетъ быть, скоро покинетъ...

VI.

— Что мнѣ до земнаго! Душа моя горитъ огнемъ небеснымъ, и огонь этотъ сожжетъ ее для земли, но разожжетъ для неба! Гость прекрас-

ный — она улетитъ на крыльяхъ вѣчности въ страны чудесныя, гдѣ нѣтъ вашей грусти, страданій и смерти... Прекрасенъ міръ, заселенный безтѣлесными! — Цвѣтетъ Поэзія тамъ, и Надежда, удовлетворенная, уже не страшится будущаго, но живетъ въ неизмѣнномъ настоящемъ! — Какъ хорошо тамъ, Theodore!.. Ты говоришь, что на землѣ не такъ любятъ, какъ ты любишь меня... О, нѣтъ! любовь въ томъ мірѣ другая! Она есть пламень чистый, святой: онъ вѣчно горитъ, не сожигая, и благотворное пламя его изтекаетъ изъ сердца Бога — Источника любви. — Люби меня, мой милый Theodore, любовью неба и мы забудемъ міръ земной, людей, вселенную... На землѣ мы будемъ гости неба и злоба людей не расторгнетъ тогда невещественнаго узла нашихъ душъ, — онъ связанъ при сладостныхъ ликахъ прекрасныхъ ангеловъ, при звукахъ усладительной музыки небесной, и гармонія перваго поцѣлуя соединенныхъ освящена была присутствіемъ Всемогущаго!..

— Мечтай, милая Amélie, о своей далекой родинѣ!.. я счастливъ на землѣ подаркомъ неба — тобою! — Милая, чарующая птичка рая! ты поешь о наслажденіяхъ небесныхъ и голосъ твой, волшебными струями, волнуетъ мое земное сердце! —

оно, — не гранитный берегъ — съ восторгомъ принимаетъ ласки струй и звучнымъ поцѣлуемъ отвѣчаетъ на привѣтъ радушный. Пой восторги неба, но погости на землѣ — доколѣ ангелъ небесный, зефиромъ крылъ своихъ, не унесетъ тебя въ міръ заоблачный!.. Тогда — вспомни любимца земли и твоя мысль о немъ будетъ привѣтъ сладостный, — привѣтъ плѣнительнаго друга — и душа моя съ улыбкой полетитъ на небесное свиданіе!..

— Умри, Theodore, когда меня не будетъ! — мнѣ даже тамъ безъ тебя будетъ грустно! Съ какимъ пламенемъ возмемъ мы тебя въ райскія объятія . . . съ какимъ восторгомъ подаримъ лобзаніемъ небеснымъ, и какъ радостно ознаменуемъ твое желанное появленіе! . . .

— О, не говори такъ горячо, мой милый другъ! Твоя страждущая грудь, и этотъ ужасный кашель... Боже! — кровь . . .

Томительно склонилась она ко мнѣ на грудь, и погасшій взоръ выразилъ глубокія ея страданія! Полумертвая, она крѣпко обвила руку вокругъ моей шеи и я чувствовалъ, по судорожнымъ пожатіямъ, всѣ мученія ея неземной души.

VII.

Бархатный лугъ. Луна встаетъ на Востокѣ. *Она* и *я*, молча, медленно идемъ, рука съ рукой, будто на прощаніе съ міромъ.

— Грустно мнѣ, Theodore, говорила она тихо, боясь разбудить природу. Тяжело въ груди, легко въ мысляхъ. Не говори, другъ, не разрушай созвучія моего бытія! — Душа поетъ грустью и природа, внемля ей, будто отзывается ей эхомъ горестнымъ! — О, не прерывай бесѣды сладостной, — бесѣды младенца съ матерью! — Она плачетъ, — милая . . . Чего-же? — Предчувствіе мнѣ сладкое! . . . Слышишь ли, Theodore, какъ тихо слилась вся она въ страшное, для людей, слово— прости—и сладостнымъ голосомъ поетъ его мнѣ!— Смотри туда — на Югъ! Небо распахнулось тамъ и лица райскія порхаютъ въ немъ — будто ждутъ чего-то? . . . Какъ легко у меня здѣсь . . . Пойдемъ, Theodore! —

Она спѣшила итти, но ослабѣвшая медленно передвигалась. Отяжелѣвшая рука ея тяжело склонилась на мою руку; ноги тихо подгибались...

— Неси меня, Theodore, къ маменькѣ! Въ ея объятіяхъ успокою я волненіе души и, можетъ быть, въ послѣдній разъ приму лобзаніе земное... Прощайте, маменька! сказала она тихо, и слезы потокомъ полилисъ по ея огненнымъ щекамъ. Меня зовутъ туда, домой . . . я видѣлась съ ними: они сказали мнѣ: — пора! — Молитесь за меня!— душа моя ждетъ вашихъ моленій — съ ними она

вспорхнетъ и полетитъ далеко... къ Нему!...

Она закрыла очи. Ярко пылали ея щеки и тяжело вздымалась грудь.

— Какъ свѣтло, прекрасно тамъ... сказала она съ усиліемъ, умирающимъ голосомъ, и потокъ крови хлынулъ изъ ея розовыхъ устъ. Маменька!... Ѳедоръ!... Она угасла — я окаменѣлъ!...

У—нъ.

1835 года.

Харьковъ.

JENNY.

(Посв. брату А. Д. Саранчову.)

Въ роскошной свѣжести мечтаній юныхъ лѣтъ,
Увѣнчанъ розами и тихою весною,
Я въ даль туманную заглядывалъ порою:
Мнѣ ничего отраднаго въ ней нѣтъ.
Но полусчастливъ я: нечаянно судьбой
Мнѣ сладкій данъ удѣлъ и чувствъ и наслажденья:
Въ минуты мирнаго сердечнаго волненья
Мнѣ видится она — мой идеалъ живой.
Какъ ангелъ радости она плѣняетъ взоры,
Съ невинной прелестью младенческой души
Плѣнительна, какъ дочь прекрасная Авроры,
А глазки у нее, какъ звѣзды хороши.
Рѣзва, какъ мотылекъ, свѣтла, какъ лѣтній день,
Своей улыбкою и ласкою своею
Съ моей души она срываетъ грусти тѣнь,
И геній радости всегда играетъ съ нею.
Чье юное чело могучія судьбы
Благословятъ вѣнцомъ?—И пылкій и прекрасный—
Блаженство чудное пойметъ душою страстной
Счастливецъ, призванный изъ призванной толпы.
Съ кѣмъ въ храмѣ поцѣлуй союзъ ихъ закалитъ?

Кто поведетъ ее рукою безъизвѣстной?
Заря ея любви и чистой, и небесной,
Чье счастье долгое надолго озаритъ?

Но предъ святынею чистѣйшей красоты
Свою главу преступную склоняю...
Того, о чемъ теперь я пламенно мечтаю,
Дитя прекрасное, не понимаешь ты!
Еще ты счастлива въ младенческой веснѣ,
Судьбы съ любовію въ цвѣтахъ тебя лелѣютъ,
И тихо надъ твоей головкой милой вѣютъ
Забавы свѣтлыя и радости однѣ.

Пл. Рѣдкинъ.

П. И. И . . . . ву.

Кому я посвящу задумчивые звуки,
Моей фантазіи незрѣлые плоды,
Моей тоски и безпокойной скуки
Тревожный шумъ, и ропотъ пустоты?
Въ толпѣ друзей кому душой открытой
Я въ сердце перелью кипучій пламень свой?
И пѣснь любви и радости забытой
Кому теперь спою вечернею порой?

Скажи: за чѣмъ у насъ пустыхъ надеждъ такъ много,
И лучшія изъ нихъ сбываются ль когда?
Къ чему съ младенчества мы жизнь ведемъ такъ
строго,
Всегда съ надеждами, — съ весельемъ никогда?
Ахъ, лучше бы бѣжать опаснаго обмана;
Какъ знать, куда судьба слѣпая поведетъ?
Стремнистою тропой межъ глыбами тумана
На счастье иль бѣды лукаво наведетъ?

О милый, пусть душа утратами богата,
Пусть приговоръ тяжелъ и грустенъ мой . . .
Изъ дальнихъ мы сторонъ, какъ братъ по зову брата,
Откликнемся на кличъ призывный твой . . .
И мнѣ пора уже: я жду нетерпѣливо,
Душа желаніемъ торжественнымъ горитъ.

Воспоминаніе прекрасно такъ и живо
На родину меня таинственно манитъ . . .

Лечу на теплый Югъ открытымъ чистымъ моремъ...
И влажный океанъ искрится подо мной —
Его измѣрилъ я горячимъ, жаднымъ взоромъ . . .
И бѣлая струя катится за кормой, —
Трепещутъ паруса . . . надъ бездною высоко
Внимательный матросъ безтрепетно стоитъ, . . .
Вперивъ глаза на небосклонъ далекой
Кричитъ: земля! . . . о милый другъ, прости! . . .

Пл. Рѣдкинъ.

Отрывокъ изъ Фантазіи:

ПАДШІЙ АНГЕЛЪ.

„Картина страшная паденья —
Борьбы съ Вращателемъ міровъ,
Не разрушай мои видѣнья
Во тьмѣ *скользающихъ* вѣковъ!..

„Разсѣйся мгла передо мной,
Какъ ночи мракъ передъ зарей;
Раздвинься вѣчность, гряньте громы,
Обруштесь снова облака,
Катись огнистая рѣка,
Пролейтесь капли свѣтлой крови,
Раздайтесь стоны *Первенца*,
Гласъ Милосердаго Творца!..
Меня ничто не изумляетъ...
Отмщенья жаръ во мнѣ горитъ,
Надежда въ хаосѣ мелькаетъ,
И демонъ всё одно твердитъ,
Что и судьбой уничтоженный —
Не рабъ — онъ гордый духъ нетлѣнный,
Онъ падшій образъ Божества!
Богъ создаетъ и разрушаетъ,

Живитъ, мертвитъ, осуществляетъ!
Я жъ, — зная тайну Естества,
Ловлю, томлю, уничтожаю —
И все грѣху порабощаю.

„Свободы ль, славы ль мы *алкали*,
Хотѣли ль небомъ обладать,
Не помню; знаю, мы дерзали,
Въ борьбѣ съ Нимъ силы испытать.
Рѣшились — бьемся... не смолкаетъ
Бой гордыхъ!.. Солнце померкаетъ,
Свѣтилы гасли... молньи блескъ
Палящей лавою разлился —
И непрестанный громовъ трескъ
Надъ нами ропотно дробился;
И вѣтеръ сѣтующій дулъ —
И разносился боя гулъ...

„*Бурлило* всё во тьмѣ чудесъ,
Какъ въ мигъ ужасный искупленья...
Какъ въ день Вселенной разрушенья,
Зардѣло зарево небесъ!..
И крики *братій* низложенныхъ
На сводахъ міра раскаленныхъ,
Какъ вопли жертвъ отозвались!..
Раскаты грома грохотали,
А мы проклятья изрыгали
И дерзко къ гибели неслись...

„Какъ волны въ бурю, бились мы,
Рвались, толкались, уклонялись —
И крикомъ бѣшеной толпы
Часы столѣтій оглашались!..
Не пошатнулся Божій Тронъ!..
Къ чему жъ мы злобно свирѣпѣли?
— И, духи гордые — позоръ!
Безсильной яростью *кипѣли!!*.
„Гроза и громъ, огонь и градъ,
Намъ предрекли подземный адъ!..

„Битва то длится, то смолкаетъ;
Какъ вдругъ, чудесъ нежданный рой —
Насъ давитъ неба падшій слой!..
Но ярость — глыбу раздробляетъ!..
Безплодный трудъ! Міры дождемъ
Всежгущимъ, падая — летѣли,
Толкались въ хаосѣ кругомъ,
И гордецы оцѣпенѣли!..
Ужасный часъ — безмолвья мигъ!
И тишина преобразила
Свѣтъ въ тьму — и мглою охватила
Погибшихъ... Бой смолкалъ... затихъ.
Гдѣ мы? Кто небо заслоняетъ
Отъ насъ? Кто сильныхъ повергаетъ?
Кто торжествуетъ?.. Врагъ!.. *Пади*

Съ высотъ надзвѣзднаго престола! ..
Но, громъ послышался вдали;
Сорвавшись, въ слѣдъ за нами, съ трона,
Въ концахъ Вселенной прогремѣлъ. . .
Небесный хоръ гимнъ славы пѣлъ
На сводахъ неба голубаго:
А мы — во тьмѣ ловили тьму,
И воплемъ вторили ему
Въ пылу отчаянья нѣмаго.
Мы, кинувъ небо за собой,
Томились зависти тоской;
А сонмы ангеловъ предъ Нимъ,
Въ сіяньи радужномъ мелькали —
И мановеніемъ однимъ —
Міры міровъ возстановляли. . .

„Кто бъ въ это страшное мгновенье
Могъ равнодушно *перенесть*
Борьбу, позоръ и униженье? . .
Насъ обуяла ярость, месть...
Мы пали! . . Богъ, Творецъ могучій
Насъ смялъ, попралъ упавшей тучей —
И силы даръ въ насъ угасилъ! ..
Надъ нами ужасы природы,
Подъ нами прахъ земли и воды
Десницей творческой раскрылъ.

Потомъ, что было — я не знаю,
Хочу забыть — и вспоминаю
Минуту казни всякой часъ;
То не былъ мигъ уничтоженья,
Онъ жить оставилъ вѣчно насъ;
То былъ завѣтъ перехожденья
Изъ рая въ адъ, изъ свѣта въ тьму —
Отъ воли въ вѣчную тюрьму. . .

„Минуты славы и позора!
Какъ грустно васъ припоминать,
И отъ подземнаго престола,
Свой ропотъ къ небу возсылать.
Какъ грустно въ памяти унылой,
Какъ бы въ бреду *души сонливой*,
Ловить былаго бытія
Одну лишь тѣнь и отраженье —
И ждать, какъ блага, разрушенья!..
Вселенной дальніе края
Сомкнутся; міръ оцѣпенѣлый
Падетъ во прахъ... и *онѣмѣлый*
Вѣка въ забвеньи пролежитъ;
Но, духомъ Бога обновленный,
Оковы тлѣнья разрѣшитъ,
И возликуетъ. . . . .
А мы? . . Нашъ жребій — жить всегда,

Не знать и тлѣнья — никогда! .
Въ счастливый часъ уничтоженья
Въ безмолвьи злобно тосковать,
И въ мигъ святый осуществленья
Его не смѣть благословлять!..

Лавръ.

Стихи Калифа Авдерамана I

на пальму, посаженную имъ въ саду въ Кордовѣ.

Прекрасная Пальма! высокая Пальма!
Отнынѣ ты будешь жить въ чуждой землѣ, —
И нѣжные вѣтры Алгарвіи милой
Лелѣютъ, цѣлуютъ твою красоту.
Ты въ почвѣ роскошной пускаешь свой корень,
И гордо подъемлешь ты къ небу чело.
О, если бъ могла ты сочувствовать горю,
Ты рѣки пролила бъ горячей слезы:
Ты хладна къ страданьямъ убитаго рокомъ,
Не знаешь ты жала сердечной грозы.
Меня обливаютъ холодныя бури, —
И горести давятъ злощастную грудь.
Потокомъ слезы оросилъ я тѣ пальмы,

Гдѣ быстро несется прозрачный Форатъ;
Но пальмы и рѣки забыли страданья,
И вѣтры и волны разсѣяли вопль,
Когда неизмѣнность свирѣпаго рока,
И дикаго Алавы грозная власть
Меня оторвали навѣки отъ милой,
Невѣрнаго друга любимой мечты:
Тебя не тревожатъ здѣсь черныя думы,
Забыла утрату родимой страны;
Но я не престану страдать по отчизнѣ,
Доколѣ не скроюсь въ прохладѣ могилъ.

Съ Испанскаго Д. Л.

УЧАСТІЕ.

Я тосковалъ. —
Вдругъ геній милый
Ко мнѣ съ улыбкою слетѣлъ,
Меня утѣшить онъ хотѣлъ,
Но отвратилъ я взоръ унылый
И тосковалъ . . .
Я тосковалъ. —
Мечта златая
Въ тотъ часъ покинула меня;
Отраду горемъ замѣня,
Душа страдала молодая. —
Я тосковалъ . . .
Я тосковалъ . . .
Былаго счастья
Тѣснились сны въ груди моей,
Воспоминанья лучшихъ дней, —
Я нѣжнаго искалъ участья —
И тосковалъ . . .
Я тосковалъ . . .
Младая дѣва,
Ко мнѣ склонивши кроткій взоръ,
Мнѣ за тоску мою — укоръ

Шепнула нѣжными устами,
Я — осѣненъ любви мечтами,
Не тосковалъ! не тосковалъ!...

Пл. Рѣдкинъ.

Пойми меня! залогомъ думы нѣжной
Ты облегчишь души моей недугъ;
Я угнетенъ судьбы рукой желѣзной,
Я на землѣ не долгій гость, — о другъ,
Пойми меня!

Пойми меня!.. мнѣ не знакома радость;
Надежду, мысль о счастьи погубя,
Я межъ людьми рыдающая младость,
Угрюмъ и дикъ, пугаюсь самъ себя —
Пойми меня!

Пойми меня! въ нѣмомъ, погасшемъ взорѣ
Прочти мольбу души моей больной;
Быть можетъ, ты мое оцѣнишь горе...
Дай руку мнѣ!... не словомъ, нѣтъ, слезой
Пойми меня!

Пойми меня, и если въ мірѣ этомъ
Погибло все, что сердцемъ я люблю,
На небесахъ задумчивымъ привѣтомъ
Развесели, утѣшь меня, молю,
Пойми меня! —

И........ъ.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЬ.

(*С. Х. У.*)

Товарищи! други! въ сей часъ ликованья
Да будутъ печали невѣдомы намъ;
Несите обѣты во храмъ упованья,
Пусть свѣтлая чаша пойдетъ по рукамъ —
Друзья! жизнь — загадка; всѣ радости наши
Хранятся, быть можетъ, на днѣ этой чаши. —

За славу, за счастье Царя и Державы!
Враги! ваши пули не страшны для насъ —
Придите, надъ нами Орелъ нашъ двуглавый;
Мы весело, страшно ударимъ на васъ;
Мы прахъ вашъ размечемъ, и подвиги наши
Прославимъ при стукахъ торжественной чаши!

За очи красавицъ! чье сердце не билось
При радужномъ блескѣ стыдливыхъ очей?..
Кому наслажденье эдема не снилось
Въ таинственномъ муракѣ завѣтныхъ ночей?
Плѣнительны, страстны Украинки наши,
Ихъ грудь, будто пѣна завѣтной сей чаши!

Да здравствуютъ Музы! хвала вамъ, Поэты!
Вы дружно идете на Русскій Парнасъ;
Кипящія волны враждующей Леты
Не страшны, любимцы Орфея, для васъ:
Возвышенны, страстны созданія ваши,
Какъ бурная влага завѣтной сей чаши. —

И.........ъ.

11-е Апрѣля 1835.

Берегъ! берегъ! дружно, други,
Пріударимъ по волнамъ,
И клубящіеся круги
Перерѣжемъ пополáмъ.

Свѣтитъ мѣсяцъ на поляны
Съ полуночною звѣздой,
И лѣнивые туманы
Вдоль катятся за волной.

Подъ навѣсистыя ивы
Соберемся мы толпой,
И свободны, и счастливы,
Съ полуночною звѣздой.

Тамъ напѣнимъ наши чаши
И къ горячимъ ихъ устамъ
Поднесемъ — и бѣды наши
Мы раздѣлимъ пополамъ

Други! утро не далеко —
Въ путь далекій намъ пора;
День проснулся свѣтлоокой,
Загорается заря.

Други! счастье не далеко —
Въ чашѣ свѣтлаго вина:

За здоровье черноокой
Осушимъ ее до дна!

Въ путь далекій дружно, други,
Пріударимъ по волнамъ,
И клубящіеся круги
Перерѣжимъ пополамъ.

Пл. Рѣдкинъ.

ИТАЛІЯ.

Въ странѣ чудесъ, въ странѣ мечтаній знойныхъ,
Гдѣ рѣзвый Тибръ струи лазурныя катитъ,
Гдѣ на скалахъ угрюмыхъ и спокойныхъ
Дремотный кипарисъ задумчиво шумитъ,
Гдѣ бархатныхъ луговъ и тихихъ рощъ жасмина
Лобзаетъ съ нѣжностью волшебныя края
Свободная волна, — и томная Мальвина
Поетъ прекрасное: *Приди, любовь моя...*
Тамъ міръ любви: зефиръ любовью дышитъ,
Свѣвая локоны съ чела прекрасныхъ дѣвъ,
И нѣжнаго плеча коснувшись, онъ колышетъ
Эфирный зендолетъ . . . .

Тамъ пылкій юноша, задумчивъ безъ заботъ,
Гулялъ мой другъ, мой братъ по сердцу и желаньемъ....
О, сбудутся лъ когда любимыя мечтанья?..
Куда меня мой челнъ невѣрный унесетъ?..

А ты, колоссъ вѣковъ, перводержавный Римъ!
Ты, въ грозной тишинѣ покоясь, утомленный,
Далекимъ внемлешь ли взываніямъ моимъ?
Къ тебѣ лечу, желаньемъ окрыленный,
Прилечь съ молитвою ко праху стопъ твоихъ,
Въ тѣни вѣковъ и зданій вѣковыхъ...
Хочу узрѣть твои красы вѣчно-младыя,
Внимать безмолвствуя, преданьямъ дней былыхъ,
Узнать твои законы вѣковые
Отъ Капитолія и отъ гробницъ твоихъ...

Тогда, насытившись, съ какимъ восторгомъ я
Гулялъ бы самъ вокругъ святыхъ развалинъ,
И радостно бъ взвилась живая мысль моя
Въ тотъ міръ, гдѣ я невеселъ, не печаленъ —
Въ воспоминанья міръ; — и посѣтилъ бы я
Твои роскошныя, зеленыя поля,
Гдѣ цѣлый міръ, какъ рабъ, работалъ на тебя,
Желѣзною сохой и цѣпію звеня;
Я бъ посѣтилъ твои великія могилы,
И Цицероновскія виллы,

Гдѣ рѣзвый Тибръ струи лазурныя катитъ,
Гдѣ на скалахъ угрюмыхъ и спокойныхъ
Дремотный кипарисъ задумчиво шумитъ
И свищетъ соловей въ странѣ мечтаній знойныхъ.

Пл. Рѣдкинъ.

ПОЛНОЧЬ.

Полночь — тихо!... Мѣсяцъ скрылся,
Легъ въ пучину спящихъ волнъ;
Какъ убійца притаился
Подъ сѣдымъ утесомъ челнъ.

Тихо!... вотъ опять выходитъ
Блѣдный мѣсяцъ изъ воды,
Онъ по тучамъ робко бродитъ,
Въ жемчугахъ его слѣды.

Мѣсяцъ! помнишь хитрой дѣвы
Клятвы въ вѣчную любовь,
И призывные напѣвы,
И обманъ, и месть, и кровь?

И въ то время, лучезарный,
Изъ за-тучи крался ты,
Какъ врага посолъ коварный,
Какъ преступныя мечты.

Скройся, мѣсяцъ; тамъ за тучей
Скройся! ты своимъ лучемъ
Разбудилъ въ груди кипучей
Грусть и жалость о быломъ. —

И . . . . ъ.

ѲЕОДОСІЯ.

(*Изъ путевыхъ впечатлѣній*).

Юноша, кипящій надеждами, живущій мечтами, которыя мнилъ осуществить въ богатой будущности, летѣлъ я на крылахъ радости въ родимыя степи... Тройка мчалась, какъ удалая мысль, съ звонкимъ щебетаніемъ колокольчика... Ямщикъ напѣвалъ обычную небылицу — и сумракъ ночи, усталость перебитыхъ членовь — навѣяли забвеніе на вѣжди мои... Сновидѣніе не могло посѣтить меня, потому, что для него ие существовало тогда ни мѣста, ни времени... Все кружилось, мелькало, исчезало — и я не прежде очнулся отъ этого состоянія, средняго между сномъ и бдѣніемъ, когда неловкій толчекъ чуть не вышибъ меня изъ телѣги... Первое дѣйствіе моихъ силъ — было удержаться въ повозкѣ, а второе протереть глаза. Усталые, полусонные, полуслѣпые, они различали что-то бѣлое предъ собою... Заря чуть пробивалась на Востокѣ, и при невѣрномъ ея

свѣтѣ — я могъ угадать, что предо мною лежало море.... Оно дремало, покрытое туманомъ, въ величественной колыбели своей — и только кое-гдѣ, какъ стражи всеобщаго покоя, бродили, будто предразсвѣтные ду́хи, молчаливыя волны, не сшибаясь между собою, не мѣшая одна другой... Недоумѣніе, точно ли глаза мои созерцаютъ любимую стихію, смѣшанное съ благоговѣйнымъ восторгомъ, налегло на очарованную душу мою — и молча вперилъ я очи въ безпредѣльную даль... На всемъ лежала печать сна и отдохновенія; казалось, природа сладко, и крѣпко, и беззаботно предалась ему, забыла и говоръ и наряды свои, чтобъ подкрѣпивъ силы, явиться еще очаровательнѣе, еще свѣжѣе...

Насытивъ взоръ картиной дремлющаго моря, какъ чуднаго великана, грознаго и въ самые часы отдохновенія, я обратилъ глаза свои вправо... Въ двухъ верстахъ отъ меня, разбросанный по набережью, отѣненный мракомъ холмовъ и горъ, стоялъ у берега, будто очарованный за́мокъ, древній городъ Кафа, нынѣшняя Ѳеодосія. Его чистые раскрашенные домики, то лѣпились разнородными группами на вершинахъ холмовъ, то тянулись, стройною цѣпью, къ берегу моря — и здѣсь, остановясь полюбоваться своей простотою, будто усну-

ли, отраженные въ зеркалѣ воды. А эти грозныя башни, слѣды минувшихъ лѣтъ, полуразрушенныя, полуживыя, какъ прадѣды настоящаго поколѣнія, будто стерегли и лелѣяли своихъ внуковъ, уже измѣнившихъ и нравы и одежду праотцевъ... Вдали, подъ наклономъ мыса, сквозь мракъ и темноту, едва прорѣзывались мачты судовъ, стоящихъ у берега — и тянулась свѣтлая полоса карантинной стѣны... Все было въ смиренномъ молчаніи, въ тишинѣ непробуднаго сна, подъ заманчивымъ покровомъ перваго разсвѣта; все говорило душѣ о какой-то древности міра и уносило ее далече къ вѣкамъ минувшимъ, столь плѣнительнымъ для любопытнаго воображенія человѣка... Но разсвѣтъ яснѣлъ болѣе и болѣе; мечта разсѣявалась вмѣстѣ съ глыбами тумана; колокольчикъ звенѣлъ по опустѣлымъ улицамъ...

Забывая усталость свою, бросая на попеченіе ямщиковъ крошечное имущество мое, я пустился блуждать по пустымъ улицамъ города, столь сильно плѣнившаго меня издали. Вижу вдали грозныя башни, вижу стѣны истлѣвшей крѣпости, громадами спящіе по холмамъ, и направляю туда шаги свои... Взбираюсь по ступенямъ лѣстницы, почти изглаженной стопами цѣлыхъ поколѣній, и всхожу на самую высшую точку, откуда глазамъ

моимъ представляется весь амфитеатръ чудной, обширной картины. . . И опять это море, далекое, безконечное, необъятное, вѣчно новое, вѣчно великое раздвинулось широкою степью предъ глазами моими. . . Но волны не ходили тамъ; онѣ, будто завидя близкій восходъ солнца, шепнули о немъ въ послѣдній разъ одна другой, передали этотъ шопотъ молчаливымъ берегамъ — и потомъ сомкнулись, сляглися, сплавились въ одну гладкую, зеркальную поверхность, — и замолкли, какъ замолкаютъ тысячи воинскихъ голосовъ при появленіи героя-предводителя. . . Смотрю на море, на раскинутый внизу городъ, на пустынныя, далекія степи, на цѣпь синѣющихъ у неба горъ, возвращаюсь къ моимъ развалинамъ, едва пробѣгаю ихъ — и снова къ морю, и снова на море. . . . О, зачѣмъ на лицѣ твоемъ только іероглифы судьбы, и тѣ мелькаютъ мгновенно, оставляя человѣку однѣ догадки, часто невѣрныя? Зачѣмъ не облекаетъ тебя живой образъ существа разумнаго и свободнаго? Зачѣмъ не говоришь ты намъ понятнымъ глаголомъ о тайнахъ глубокаго лона твоего? Зачѣмъ не скажешь, сколько вѣковъ пролетятъ еще надъ тобою; сколько пролетѣло, когда ты покоилось въ земной колыбели своей? и когда ты вступило въ могучіе предѣлы: откуда не-

слося къ намъ?... О, чего бы не выспросилъ я у тебя, чего не отдалъ бы за тебя — мудрецъ вѣковъ, закованный въ горделивое молчаніе, если бъ ты замолвило со мной о дняхъ минувшихъ, о дняхъ давно, давно минувшихъ...

Но я отвлекъ свои взоры отъ недоступнаго, и какъ человѣкъ, забылъ думы для наслажденій, забылъ прошедшее для настоящаго... Тамъ, на Востокѣ, сквозь дымку дали, разгоралось небо... и вдругъ, веселое, величественное вспорхнуло яркое солнце надъ водами... Все озарилось свѣтомъ радости, все пробудилось, все воскресло въ плѣнительной жизни... Минута торжества, высокая, вдохновительная минута! Какъ присмотрѣлись къ тебѣ люди! Какъ глубоко зарылись они въ хаосъ мелкихъ заботъ и страстей!.. Какъ трудно подняться имъ отъ праха суеты и бѣдности жизни земной!...

Они идутъ теперь не наслаждаться божественной природой, а стяжать тлѣнныя богатства неволи... И эти развалины, нѣмые, безмолвные убѣдители вѣчныхъ истинъ, не убѣдятъ онѣ ихъ!.. Люди забываютъ, что и здѣсь, на сихъ мѣстахъ возвышались пышные чертоги, горделивыя стѣны, вѣковыя башни... а время неумолимою рукою

стерло труды человѣка, и засыпало ихъ навѣки пепломъ забвенія. ..

Не пролью, какъ дитя, обильныхъ слезъ о потери минувшаго, но вздохъ, глубокій вздохъ о невозвратномъ — да будетъ моимъ...

Долго стоялъ я опершись рукою о разрушенную колонну, поросшую мхомъ, уже ничѣмъ не наслаждаясь, и не думая ни о чемъ, какъ пѣснь пастуха вывела меня изъ забвенія... Вѣтеръ шевелилъ моими волосами; солнце жгло съ высотъ, море опять шумѣло и искрилось въ волнахъ.... Все приняло другой видъ, видъ обыкновеннаго, и я медленно сошелъ къ моей повозкѣ.

А. Кульчицкій.

1834. *Θеодосія.*

Въ Альбомъ Л. П. В....... ой.

Въ странѣ роскошнаго Востока
Младыя дѣвы разцвѣли:
Тѣхъ лучше дѣвъ нѣтъ на земли —
Но сами Гуріи Пророка
Царицей васъ бы назвали.

Поэтъ, питомецъ вдохновенья,
Творя прекрасный идеалъ,
Въ немъ образъ вашъ нарисовалъ —
И цѣлый міръ своимъ твореньемъ
Обворожилъ, очаровалъ.

Волшебница съ другаго края,
Чрезъ этотъ край перелетая,
Любимецей васъ избрала,
И вамъ всѣ прелести дала,
И всѣ очарованья рая . . .

Проливъ на васъ свои дары,
Она разсталась съ этимъ міромъ,
Вкругъ васъ разсыпавши чары,
Оставя васъ его кумиромъ.

Полевъ.

ГОСТЬ.

За дубовымъ столомъ
Пировали вдвоемъ,
Разъ вечерней порою,
Старый Графъ Девальсонъ,
Да Нѣмецкій Баронъ.
Пиръ у нихъ шелъ горою.

Сколько было хмѣльныхъ
Всѣхъ напитковъ у нихъ,
Лили въ кубки, да пили,
А что биться могло:
Хрустали да стекло,
Они въ дребезги били.

Вспомянули они
Буйной юности дни,
Время подвиговъ смѣлыхъ:
Молодецкая кровь
Разыгралася вновь
Въ ихъ сердцахъ охладѣлыхъ.

„Ну, любезный Баронъ!"
Молвилъ Графъ Девальсонъ,
Свой покалъ осушая,
„Наша юность, ей, ей!

Любо вспомнить о ней:
Впрямь была удалая!

„Мы на званый-ли пиръ,
Иль на славный турниръ
Пріѣзжаемъ, бывало,
Храбрыхъ рыцарей въ бой
Вызываемъ съ тобой —
И намъ все уступало!

„А красавицы съ насъ
Глазъ не сводятъ на часъ
Среди грознаго бою;
И по нашимъ слѣдамъ
Далеко слава намъ
Разносилась молвою!

„Ахъ, минула она,
Дней кипучихъ весна;
Съ ней минуло веселье!..
Чортъ-ли жизнь старика!
Только грусть, да тоска:
Убиваетъ бездѣлье.“

— Да! Баронъ отвѣчалъ,
Разомъ выпивъ покалъ,
— Да, товарищъ! когда-то
Жили мы веселѣй;

А на старости дней,
Правда, намъ скучновато!

Что жъ? Иль въ насъ, въ старикахъ,
Силы нѣтъ ужъ въ рукахъ,
Иль отваги не стало?
Вздоръ, сосѣдъ! — и теперь
Я, хоть старъ, а, повѣрь,
Драться радъ напропало!

Для побѣдъ, для проказъ,
Удаль есть еще въ насъ.
Почему жъ намъ съ тобою
Не поѣхать опять
Старой славы достать,
Какъ въ былые дни, съ бою? —

„Въ самомъ дѣлѣ, сосѣдъ,“
Графъ Барону въ отвѣтъ,
„Въ самомъ дѣлѣ давно бы
Ѣхать намъ поискать
Приключенiй опять!
Завтра жъ ѣдемъ мы оба!

— Ѣдемъ, дѣло! А я,
Ты вѣдь знаешь меня,
Будь самъ чортъ — не сробѣю!
Подавай-ка сюда

Молодца хоть куда, —
Я сверну ему шею! —

Разхрабрился Баронъ.
Что-же? Вдругъ, видитъ онъ,
Отворилась дверь зала. . .
Рыцарь, въ латахъ, вошелъ,
Прямо къ нимъ подошелъ
И приподнялъ забрало.

„Что, пріятель! узналъ?“
Онъ Барону сказалъ.
Мой Баронъ заикнулся,
Дрогнулъ весь, оробѣлъ;
Храбрый Граѳъ поблѣднѣлъ;
Страшный гость улыбнулся.

Отъ улыбки его
Граѳа дрожью всего
Пробрало по неволѣ;
А Баронъ мой подъ столъ
Съ перепуга ушелъ:
Онъ не выдержалъ болѣ.

Тотъ незваный пришлецъ
Былъ могильный жилецъ,
Давно ими убитый,
И ночною порой

Въ чащѣ лѣса глухой
Ими тайно зарытый.

„Ну!“ мертвецъ продолжалъ,
„Ты Баронъ, меня звалъ:
Я одинъ, а васъ двое;
Вы убили меня,
И вотъ къ вамъ пришелъ я
Отплатить за былое.

Ты, Графъ, струсилъ? Подлецъ!“
Съ этимъ словомъ, мертвецъ
Графу далъ оплеуху
Рукавицей стальной;
Графъ скатился долой:
Въ немъ какъ не было духу!

Баронъ это видалъ;
Онъ, какъ листъ, трепеталъ,
Ждалъ себѣ наказанья:
Смертнымъ страхомъ томимъ
Подъ столомъ, недвижимъ,
Притаилъ онъ дыханье.

Обратился мертвецъ
И къ нему наконецъ:
„Га! убійца, предатель,
Трусъ, разбойникъ ночной!

Расквитайся со мной!
Вылезай-ка, пріятель!"

Но Баронъ подъ столомъ,
Какъ во снѣ роковомъ,
Недвижимъ оставался.
„Что? не хочешь? Постой:
Я управлюсь съ тобой!"
Снова гость отозвался.

Онъ къ столу подошелъ,
Самъ взобрался на столъ,
Легъ на немъ, протянулся;
Крѣпкій столъ затрещалъ,
Съ стукомъ на полъ упалъ,
Полъ подъ нимъ подогнулся.

А Барона потомъ
Подъ тяжелымъ столомъ
И примѣты не стало;
Гость убрался домой
Въ теремъ свой гробовой,
Какъ ни въ чемъ не бывало.

Полевъ.

1835. г.

ЭЛЕГІЯ.

По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде я, счастливый,
Такъ часто сладость жизни пилъ;
По тѣмъ мѣстамъ, угрюмый, молчаливый,
Недавно я опять бродилъ.
Я вспомнилъ прежнія очарованья,
Я вновь искалъ ихъ въ той странѣ, —
Вотще! ихъ нѣтъ: одни воспоминанья
Ото всего остались мнѣ!
Мѣста привѣтныя, мѣста родныя!
Я видѣлъ васъ: опять я былъ
Въ краю, гдѣ зналъ всѣ радости земныя
И гдѣ навѣкъ ихъ схоронилъ.
Я былъ подъ вами, вѣковыя тѣни
Мнѣ столько памятныхъ лѣсовъ,
Свидѣтели минувшихъ упоеній,
И грезъ моихъ, и сладкихъ сновъ!
Тиха, пуста была свѣтлица милой:
Въ свѣтлицѣ милой не было;
Одинъ я былъ въ ней... какъ мнѣ грустно было
О, какъ мнѣ было тяжело!...

Полевъ.

1834.

Село Б—къ.

СОВѢТЪ ЕЙ.

Бѣги его. Возвышенныхъ желаній
Въ душѣ его огонь небесный не горитъ,
Не знаетъ онъ святыхъ любви мечтаній,
Въ немъ сердце мертвое въ груди желѣзной спитъ.
Оцѣнитъ ли своей душей холодной
Онъ пламень сердца твоего?
Насытитъ ли свой эгоизмъ голодный
Амброзіей лобзанья твоего?
Бѣги его. Твоя душа живая
Въ его объятіяхъ мучительно сгоритъ,
И съ ней любовь крылами помавая
Далеко отъ тебя на-вѣки отлетитъ.
Кому отдашь младенческую руку?
Кому свой вздохъ повѣришь въ тишинѣ?
Съ кѣмъ раздѣлишь плѣнительную муку
Живыхъ надеждъ въ томительномъ огнѣ?
Бѣги его — не вѣрь словамъ притворнымъ;
Раскаянье не въ пору ужъ тогда, —
Хоть счастье кажется во всемъ любви покорнымъ:
Не навѣститъ оно васъ никогда.

Пл. Рѣдкинъ.

ЦВѢТОКЪ.

Весенней порой, подъ жемчужной росой
На утреннемъ солнцѣ цвѣтокъ разцвѣтаетъ,
И нѣжной красой тотъ цвѣтокъ молодой,
И свѣжестью жизни блистаетъ.

На стройномъ стеблѣ, наклоняясь къ землѣ,
Цвѣтетъ онъ въ глуши, одинокій, красивый;
И въ чистомъ стеклѣ ручейка на скалѣ
Глядится, роскошный, стыдливо.

Недолго живетъ онъ, недолго цвѣтетъ —
Отъ лѣтняго зноя въ пустынѣ завянетъ;
Мгновенье пройдетъ и цвѣточекъ умретъ,
Прекраснаго скоро не станетъ!

Не такъ ли *она*, молодая, нѣжна,
Незнаема свѣтомъ цвѣтетъ одиноко;
И свянетъ одна, вѣчной грусти полна,
Отъ счастья земнаго далеко!

Полевъ.

1835.
Ахтырка.

ПѢВИЦѢ........ ой.

Волшебница! полно, не пой про любовь:
Напѣвъ твой коваренъ; онъ недругомъ вновь
Наляжетъ на душу; какъ острый булатъ,
Потонетъ онъ въ сердцѣ, больномъ отъ утратъ.

Я вспомню невольно минувшіе дни...
Любовь, наслажденье — погибли они;
Ихъ нѣтъ, ихъ не будетъ; но память о нихъ
Тяжка, безотрадна — то гробъ для живыхъ.

Запой лучше пѣсню, какъ брызнула кровь,
Когда измѣнила страдальцу любовь,
И какъ онъ, обрызганъ той кровью, стоялъ,
И страшную клятву злой мести шепталъ.

Вотъ пѣсня блаженства, вотъ пѣсня моя!
Внимать ей мнѣ сладко; задумаюсь я,
Но грудь ужъ не ноетъ бывалой тоской
И взоры не блещутъ отрадной слезой.

Я страшно покоенъ, я страшно угрюмъ;
И долго въ порывѣ враждующихъ думъ,
Нѣмой, неподвижный, забывши себя,
Волшебница, буду я слушать тебя.

И........ ъ.

Конецъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
Sept.-Oct. 1988
We're Quality Bound